

БЕРНАРД ШОУ

Бернард Шоу

Посвятительное послание Артуру Бингэму Уокли

(Перевод В. А. Паперно)

Мой дорогой Уокли!

Вы как-то спросили, отчего я не написал пьесы о Дон Жуане[1]. Эту тяжкую ответственность Вы взяли на себя с таким легкомыслием, что, наверное, успели уже позабыть о своем вопросе; настал, однако, час расплаты: вот Вам Ваша пьеса! Говорю «Ваша» потому, что *qui facit per alium facit per se*[2]. Прибыль от нее досталась мне, и труд в нее вкладывать пришлось тоже мне; а вот оправдывать ее нравственность, ее манеры, ее философию и ее воздействие на молодежь придется Вам. Вы были уже в зрелом возрасте, когда подали мне эту идею; Вы знали, с кем имеете дело. Прошло почти пятнадцать лет с того дня, когда мы, близнецы-первооткрыватели Нового Журнализма[3] того времени, спеленутые в новенькие листы одной и той же газеты, начали новую эпоху в театральной и оперной критике: превратили ее в повод для пропаганды своих собственных взглядов на жизнь. Посему Вы не можете сослаться на незнание силы, пущенной Вами в ход. Вы желали, чтобы я эпатировал буржуа, и недовольного мною буржуа я отныне буду направлять к Вам как к ответственному лицу.

Предупреждаю: ежели Вы вздумаете отречься от ответственности, я заподозрю, что Вы сочли мою пьесу чересчур пристойной. Эти пятнадцать лет сделали меня старше и серьезнее. В Вас я не замечаю той же уместной перемены. Ваши легкомыслие и отвага очень похожи на любовь и радость, о которых Дездемона молит небо; они все растут и растут — с каждым днем Вашей жизни. Какой-нибудь журнальчик-первооткрыватель теперь не решается связываться с Вами; лишь одна газета — величая «Таймс» — сейчас настолько выше подозрений, что может себе позволить выступать Вашей дуэньей; и даже «Таймс» должна благодарить судьбу за то, что новые пьесы ставятся не каждый день, ибо после театральных премьер серьезность «Таймс» оказывается скомпрометированной, пошлость ее сменяется блеском эпиграмм, напыщенность — остроумием, чопорность — изяществом и даже благовоспитанность — озорством, и все это из-за рецензий, которые традиции газеты не позволяют Вам подписать и в экстравагантнейшем стиле подпись Ваша все же явно читается между строк.

Не исключаю, что это предзнаменование революции. Во Франции XVIII века конец стал виден, когда, покупая Энциклопедию, читатель находил в ней Дидро[4]. Когда я покупаю «Таймс» и нахожу там Вас, мой пророческий слух слышит, как плотники сколачивают эшафоты XX века.

Впрочем, теперь я озабочен не этим. Вопрос сейчас в том, не будете ли Вы разочарованы пьесой о Дон Жуане, в которой ни одно из тысячи трех приключений этого героя не выносятся на сцену? Прошу Вас, не гневайтесь — позвольте мне объясниться. Вы возразите, что я только этим и занимаюсь и что мои так называемые пьесы — это одни сплошные объяснения. Но ведь не можете Вы рассчитывать, что я стану подражать Вам — Вашим необъяснимым, эксцентричным, вздорным причудам. Вам придется принимать меня таким, каков я есть, — разумным, терпеливым, последовательным, трудолюбивым, всегда готовым

извиниться — человеком с темпераментом школьного учителя и интересами члена приходского совета. Свойственная мне ловкость литератора, забавляющая британскую публику, маскирует мой характер; тем не менее характер у меня имеется, и крепкий, как кирпичная кладка. Имеется и совесть, а совести всегда очень хочется объясниться. Вы же, напротив, считаете, что мужчина, говорящий о своей совести, подобен женщине, говорящей о своей скромности. Единственная моральная сила, которую Вы изволите демонстрировать, это сила Вашего остроумия; единственное требование, которое публично выдвигает Ваш артистический темперамент, жаждущий симметрии, это требование изящества, стиля, грации, благородства и чистоты, которую Вы ставите рядом с благочестием, а может быть и выше оно. А моя совесть сродни совести проповедника: мне неприятно видеть, что люди уютно устроились, когда, по-моему, они должны чувствовать себя неуютно, и я настойчиво заставляю их думать, чтобы они осознали свою греховность. Нравятся Вам мои проповеди или нет, извольте их выслушать. Право же, я тут не властен что-либо изменить.

В предисловии к своим «Пьесам для пуритан» я объяснял затруднительное положение, в которое попала современная английская драматургия. Она вынуждена иметь дело с историями, основанными почти исключительно на влечении полов, и при этом не имеет права демонстрировать проявления этого влечения или хотя бы говорить о его природе. Подав мне идею написать пьесу о Дон Жуане, Вы бросили мне как драматургу вызов. Вызов Ваш я принял, потому что он достаточно серьезен, — ведь если поразмыслить, у нас сколько угодно драм с героями и героинями, которые влюблены и, следовательно, к концу пьесы должны пожениться или погибнуть, а также драм о людях, чьи отношения осложнены законами о браке, да есть еще и более рискованные пьесы, торгующие традиционным представлением, что незаконные связи одновременно и порочны, и восхитительны. Но мы так и не имеем современных английских пьес, в которых взаимное влечение полов было бы главной пружиной сюжета. Вот почему мы упорно требуем красивых актеров и актрис, и этим отличаемся от других стран, которые наш друг Уильям Арчер[5], укоряющий нас в ребячливости, ставит нам в пример: вот, мол, серьезный театр. Тамошняя Джульетта или Изольда нам в матери годится, а Ромео или Тристан годится нам в отцы. Английская актриса — дело совсем другое. Героине, которую она играет, не разрешается говорить о самой основе отношений между мужчиной и женщиной; вся ее романтическая болтовня о книжной любви, все ее чисто юридические дилеммы — женится или «бросит»? — проходят мимо наших сердец и волнуют лишь наши умы. Чтобы утешиться, зрителю надо только поглядеть на актрису, что мы и делаем, и красота актрисы утоляет наши голодные эмоции. Бывает, мы невежливо ворчим, что игра сей дамы куда менее совершенна, чем ее внешность. Но когда драматургия только с виду занята проблемами секса, а на деле лишена сексуального начала, внешняя красота нужнее, чем сценическое мастерство.

Позволю себе развить эту идею подробнее, поскольку Вы достаточно умны и не поднимете шутовских воплей, не обвините меня в парадоксальности, оттого что я беру трость за рукоять, вместо того чтобы ухватиться по ошибке за ее пятачок. Отчего наши редкие попытки вынести на сцену проблемы земной любви рождают отвратительные, убогие пьесы, и даже те, кто твердо убежден в необходимости открытого обсуждения вопросов секса, не в состоянии притворяться, будто эти безрадостные попытки оздоровить общество доставляют им удовольствие? Не оттого ли, что по существу эти пьесы начисто лишены сексуального элемента?

Какова обычная схема таких пьес? Некая женщина когда-то в прошлом вынуждена была преступить закон, управляющий взаимоотношениями полов. Впоследствии некий мужчина влюбляется в нее или на ней женится и тем самым преступает обычай относиться к такой женщине с неодобрением. Разумеется, конфликт между личностью и законом или обычаем можно положить в основу пьесы с таким же успехом, как любой другой конфликт; но это конфликты чисто юридические; а между тем скрытые взаимоотношения между мужчиной и женщиной интересуют нас гораздо больше, чем их взаимоотношения с официальным судом и

неофициальным судилищем кумушек; и оттого у нас появляется ощущение, что все это фальшиво, узко, несерьезно, поверхностно, неприятно, пусто, ничему не учит и не очень-то развлекает, — ощущение, которое Вы так же часто испытываете в театрах, как испытывал его я, когда тоже посещал эти неуютные помещения и обнаруживал, что наши модные драматурги настроены — как им кажется — помериться силами с Ибсеном.

По-видимому, когда Вы просили у меня пьесу о Дон Жуане, Вы хотели вовсе не такого. Такого никто не хочет: успех, который подобные пьесы иногда имеют, объясняется наличием в них элемента традиционной мелодрамы, к которой инстинктивно прибегает популярный автор, спасаясь от провала. Но чего Вы хотели? Из-за Вашей несчастной привычки (теперь, надеюсь, Вы чувствуете проистекающие от нее неудобства) избегать разъяснений, мне пришлось докапываться до этого самому. Прежде всего мне пришлось задать себе вопрос: что такое Дон Жуан? В вульгарном представлении — распутник. Но Ваша неприязнь к вульгарному столь велика, что граничит с недостатком (многосторонность личности невозможна без некоторой доли грубости); к тому же, если даже Вам и захотелось бы чего-нибудь вульгарного, то этой пищи Вы предостаточно добудете из обычных источников, не беспокоя меня. Так что, по-видимому, Вы требовали Дон Жуана в философском смысле.

В философском представлении Дон Жуан — это человек, который превосходно умеет различать добро и зло и тем не менее подчиняется своим инстинктам, пренебрегая и писаными, и неписаными законами, и светскими, и церковными; вот он и вызывает горячую симпатию наших непокорных инстинктов (им лестен блеск, которым Дон Жуан их наделяет), хотя и вступает в роковой конфликт с существующими в обществе установлениями; ему приходится защищаться при помощи мошенничества и физической силы — столь же беззастенчиво, сколь фермер защищает свой урожай от грызунов. Первый Дон Жуан, изобретенный в начале XVI века испанским монахом, был — в соответствии со взглядами того времени — представлен врагом господ бога; приближение гнева господ чувствуется на протяжении всей драмы, с каждой минутой становясь все более грозным. Мы не волнуемся за Дон Жуана при появлении его мелких противников: он легко ускользает от властей, и мирских, и духовных; а когда возмущенный отец пытается своими силами — при помощи меча — добиться удовлетворения, Дон Жуан без труда его убивает. И только когда убиенный отец возвращается с небес в роли посланника божьего, приняв облик своей собственной статуи, ему удается взять верх над убийцей и ввергнуть его в ад. Мораль тут монашеская: раскайся и исправься ныне, ибо завтра может быть слишком поздно. Только в этом последнем вопросе Дон Жуан и проявляет скептицизм: в конечную неизбежность адских мук он искренне верит, а идет на риск лишь потому, что ему, человеку молодому, кажется, что времени в запасе предостаточно и раскаяние можно отложить, а пока — позабавиться вдосталь.

Но урок, который вознамерился преподать миру автор, редко совпадает с уроком, который миру угодно извлечь из его труда. Привлекает и восхищает нас в *El Burlador de Sevilla*[6] вовсе не призыв немедленно раскаяться, а героизм смельчака, отважившегося бросить вызов господу богу. От Прометея[7] до моего собственного Ученика дьявола такие смельчаки всегда становились любимцами публики. Дон Жуан стал всеобщим любимцем, и мир уже не мог допустить, чтобы он подвергся адским мукам. Во втором варианте пьесы мир сентиментально примирил его с господом и целое столетие требовал его канонизации, то есть обращался с Дон Жуаном, как английские журналисты обращались с Панчем, этим комическим противником богов. Дон Жуан Мольера[8] — такой же нераскаявшийся грешник, как и исходный Дон Жуан, но по части набожности ему далеко до оригинала. Правда, он тоже предполагает раскаяться; но как он об этом говорит! «*Oui, ma foi! il faut s'amender. Encore vingt ou trente ans de cette vie-ci, et puis nous songerons a nous*»[9].

Следующий после Мольера — маэстро-чародей, гений и любимец гениев Моцарт, раскрывший дух героя в волшебных гармониях, сказочных звучаниях и в ликовании скачущих ритмов, похожих на летние молнии. Тут свобода в любви и морали изысканно насмешничает

над рабским подчинением и интригует нас, привлекает, искушает, и непонятно каким образом поднимает героя вместе с враждебной ему статуей в сферы возвышенного, а жеманную дочь и ее чванливого возлюбленного — оставляет на посудной полке — пусть живут себе праведно до скончания века.

После этих вполне законченных произведений байроновский фрагмент не представляет интереса с точки зрения философской интерпретации. В этом смысле путешествующие распутники ничем не интереснее, чем матрос, у которого жена в каждом порту, а герой Байрона[10] — это, в конце концов, всего лишь путешествующий распутник. К тому же он глуп: он не говорит о себе со Сганарелем-Лепорелло[11] или с отцами и братьями своих любовниц; в отличие от Казановы[12], он далее не рассказывает своей биографии. По сути дела, он не настоящий Дон Жуан, ибо враг господ бога из него такой же, как из любого романтического повесы и искателя приключений. Будь мы с Вами на его месте — и в его возрасте, — мы тоже, может быть, пошли бы его путем; разве что Ваша разборчивость спасла бы Вас от императрицы Екатерины[13]. К философии Байрон был склонен так же мало, как Петр Великий. Оба они принадлежали к редкому и полезному, но малоинтересному типу энергичного гения, лишённого предрассудков и суеверий, свойственных его современникам. Происходящая от этого свобода мысли, не контролируемой совестью, сделала Байрона поэтом более смелым, чем Вордсворт[14], а Петра — царем более смелым, чем Георг III[15]. Но, поскольку их исключительность объяснялась не наличием, а отсутствием определенных качеств, она не помешала Петру оказаться чудовищным негодяем и сущим трусом и не помогла Байрону стать религиозной силой, подобной Шелли[16]. Так что байроновский Дон Жуан не в счет. Последний настоящий Дон Жуан — моцартовский, ибо к тому времени, когда он достиг совершеннолетия, из-под пера Гете[17] вышел кузен Дон Жуана — Фауст, который занял его место и продолжил его борьбу и его примирение с богами, но уже не в любовных играх, а в таких вопросах, как политика, искусство, проекты поднятия континентов со дна морского и признание принципа вечной женственности во вселенной. Фауст Гете и Дон Жуан Моцарта — вот последнее слово XVIII века о нашем предмете. И к тому времени, когда учтивые критики XIX века, игнорируя Уильяма Блейка с тем же легкомыслием, с каким в XVIII веке игнорировали Хогарта[18], а в XVII — Беньяна, миновали период Диккенса — Маколея[19], Дюма — Гизо[20] и Стендаля — Мередита[21] — Тургенева и добрались до философских сочинений таких авторов, как Ибсен и Толстой, Дон Жуан сменил пол и превратился в Донну Жуану, которая вырвалась из Кукольного дома[22] и, не довольствуясь ролью статистки в моралите, решительно превратилась в личность.

И вот в начале XX века Вы, как ни в чем не бывало, просите у меня пьесы о Дон Жуане. Однако из приведенного выше обзора Вы видите, что для нас с Вами Дон Жуан устарел по меньшей мере сто лет назад; а что касается менее начитанной широкой публики, пребывающей все еще в XVIII веке, то ведь к ее услугам Мольер и Моцарт, превзойти которых нам, смертным, не дано. Вы подняли бы меня на смех, если бы я принялся описывать — в наше-то время — привидения, дуэли и «женственных» женщин. Что касается обыкновенного распутства, то Вы же первый мне напомните, что Мольеров «Каменный гость» — пьеса не для искателей любовных приключений и что даже один такт томной сентиментальности Гуно[23] или Бизе показался бы отвратительной распушенностью на фоне моцартовского «Дон Жуана». Даже более или менее отвлеченные пассажи пьесы о Дон Жуане настолько обветшали, что непригодны к употреблению: к примеру, сверхъестественный противник Дон Жуана швырял отказывающихся раскаяться грешников в озера пылающей серы, где их подвергали мучениям рогатые и хвостатые дьяволы. От этого противника — и от этой идеи раскаяния — много ли осталось такого, что я мог бы употребить в посвященной Вам пьесе? С другой стороны, мещанское общественное мнение, которое едва ли замечал испанский аристократ во времена первого Дон Жуана, сейчас торжествует повсеместно. Цивилизованное общество — это огромная армия буржуа; аристократ теперь просто не решится шокировать зеленщика. Женщины — «marchesane, princesse, cameriere, cittadine»[24] и прочие — стали также опасны: слабый пол теперь силен и агрессивен. Когда

женщин обижают, они уже не собираются в жалкие группки и не поют «Protegga il giusto cielo» [25]:[26] они хватают грозное оружие, юридическое и социальное, и наносят ответный удар. Одного неосторожного поступка достаточно, чтобы погубить политическую партию или служебную карьеру. Если к Вашему столу явятся все статуи Лондона, то при всем их уродстве это не так страшно, как если Донна Эльвира[27] притянет Вас к суду Нонконформистской Совести. Быть преданным анафеме сейчас стало почти так же страшно, как в X веке.

И вот мужчина, в отличие от Дон Жуана, уже не выходит победителем из дуэли со слабым полом. Да и неизвестно, удавалось ли это ему когда-нибудь; во всяком случае, становится все более очевидно, что по замыслу природы главенствующее положение тут занимает женщина. Что касается того, чтобы оттащить Нонконформистскую Совест[28] за бороду, как Дон Жуан дергал за бороду статую Командора в обители Св. Франциска, то это теперь совершенно невозможно: осмотрительность или воспитание остановят героя, будь он даже последний идиот. К тому же за бороду теперь скорее оттащали бы Дон Жуана. Вопреки опасениям Сганареля, он не только не впал в лицемерие, но неожиданно извлек некую мораль из своей безнравственности. И чем яснее он сознает эту новую точку зрения, тем лучше понимает свою ответственность. Прежде к своим остроумам он относился так же серьезно, как я отношусь к иным остроумам господина У. С. Гилберта[29]. Скептицизм Дон Жуана, который и раньше был невыносим, теперь так окреп, что Дон Жуан уже не может самоутверждаться при помощи остроумного нигилизма: дабы не превратиться в полное ничтожество, ему приходится добиваться признания позитивным путем. Одержанные им тысяча три любовные победы сперва превратились в две недопеченные интрижки, связанные с долгими дразгами и унижениями, а затем были и вовсе отброшены как недостойные его философского достоинства и компрометирующие его недавно признанное положение основателя школы. Он уже не притворяется, что читает Овидия[30], а действительно читает Шопенгауэра[31] и Ницше[32], изучает Вестермарка[33] и беспокоится теперь не за свободу своих инстинктов, а за будущее человечества. Так бесшабашное беспутство Дон Жуана вслед за его мечом и мандолиной отправилось в лавку старьевщика — отошло в разряд анахронизмов и суеверий. В нем теперь больше от Гамлета, нежели от Дон Жуана; пусть строчки, вложенные в уста актера с целью указать партеру, что Гамлет — философ, по большей части представляют собой всего лишь благозвучные банальности и, будучи лишены словесной музыки, скорее подошли бы Пекснифу[34], все же стоит только отделить подлинного героя (косноязычного тугодума, которого иногда осеняет вдохновение) от исполнителя (которому любой ценой приходится говорить на протяжении пяти актов пьесы), стоит только произвести то, что всегда приходится производить с шекспировскими трагедиями, то есть из ткани подлинного шекспировского текста удалить заимствования (нелепые события и сцены насилия), и мы получим настоящего, страстного противника богов, с таким же отношением к женщине, до какого теперь довели Дон Жуана. С этой точки зрения Гамлет — это усовершенствованный Дон Жуан, которого Шекспир выдает за порядочного человека, как беднягу Макбета он выдает за убийцу. Сегодня уже нет необходимости подтасовывать героев (по крайней мере на нашем с Вами уровне), ибо теперь понятно, что донжуанство как явление куда сложнее казановизма. Сам Дон Жуан в своем старании продемонстрировать эту разницу дошел почти до аскетизма, и потому моя попытка осовременить его, превратив в современного англичанина и пустив в современное английское общество, породила персонаж, внешне весьма мало напоминающий героя Моцарта.

И все же у меня не хватает духу разочаровать Вас и совсем не показать Вам моцартовского *dissoluto punito*[35][36] и его противника — статую. Чувствую уверенность, что Вы хотели бы узнать больше об этой статуе, порасспросить ее, когда она, так сказать, сменится с караула. Чтобы доставить Вам это удовольствие, я прибегнул к трюку, известному антрепренерам бродячих трупп, которые объявляют пантомиму «Синбад-Мореход»[37] при помощи пачки купленных по случаю афиш для «Али Бабы»: во время представления надо среди алмазных

россыпей расставить кувшины из-под масла, и обещание, данное публике в афишах, будет исполнено. Этот несложный прием я приспособил для нашего случая и вставил в свою вполне современную трехактную пьесу еще один, совершенно посторонний акт[38]; в нем мой герой, околдованный воздухом Сьерры[39], видит сон: его моцартовский предок ведет нескончаемые философские беседы (в духе сократовских диалогов[40] или диалогов Бернарда Шоу) с дамой, со статуей и с дьяволом.

Однако не эта шутка составляет суть пьесы. Суть ее мне неподвластна. Вы предлагаете некое общественное явление, а именно сексуальное влечение, для драматической переработки, и я его для Вас перерабатываю. Я не разбавляю свою продукцию любовными напитками, не развожу ее романтикой или водой, ибо я просто-напросто исполняю Ваш заказ, а не поставляю публике общедоступную пьесу. И потому Вы должны приготовиться (впрочем, Вы, может быть, подобно большинству умных людей, читаете сначала пьесу, а уже потом предисловие) увидеть дешевенькую историю из современной лондонской жизни — жизни, в которой, как Вам известно, главная задача обыкновенного мужчины — обеспечить себя средствами для сохранения привычек и образа жизни джентльмена, а задача обыкновенной женщины — выйти замуж. Можете быть уверены, что десять тысяч ситуаций едва ли в одной будет совершен поступок, благородный или низменный, который бы противоречил этим задачам. На это мы и полагаемся, как на религию мужчин и женщин, на их мораль, принципы, патриотизм, репутацию, честь и тому подобное.

В целом это разумное и вполне удовлетворительное основание общества. Деньги — это пища, а брак — потомство, и если мужчина превыше всего ставит пищу, а женщина — потомство, сие есть, в широком смысле, закон природы, а не честолюбивые устремления отдельной личности. Секрет успеха прозаической природы, в чем бы ни заключался этот успех, таится в незамысловатой прямоте, с которой человек стремится к своей цели, секрет провала артистической природы, в чем бы ни заключался этот провал, таится в непостоянстве, с которым человек бросается в погоню то за одним, то за другим второстепенным идеалом. Артистическая натура — это или поэт, или бездельник; поэт, в отличие от природы прозаической, не понимает, что рыцарство, в сущности, сводится к романтическому самоубийству; бездельник не понимает, что паразитизм, попрошайничество, ложь, хвастовство и неряшливость себя не оправдывают. Поэтому будет ошибкой, если мой несложный тезис о принципиальных основах лондонского общества Вы истолкуете как упрек ирландца в адрес Вашей нации.

С того дня, когда я впервые ступил на эту чужую мне землю, я умею ценить прозаизм, которого ирландцы учат англичан стыдиться, и не переоцениваю поэтичность, которой англичане учат ирландцев гордиться. Ведь ирландцу инстинктивно хочется порочить то качество, которое делает англичанина опасным, а англичанину инстинктивно хочется восхвалять тот недостаток, который делает ирландца безвредным и забавным. Недостаток у прозаического англичанина тот же, что у прозаического человека любой другой нации, — его глупость. Витальность, которая ставит пищу и потомство на первое место, рай и ад отодвигает на второе, а здоровье общества как органического целого вообще ни во что не ставит, может кое-как тащиться через период стадности с более или менее выраженными признаками родового строя; однако в странах девятнадцатого века и империях двадцатого решимость каждого мужчины во что бы то ни стало разбогатеть и каждой женщины — во что бы то ни стало выйти замуж должна, при отсутствии научно обоснованной общественной структуры, привести к катастрофическому росту нищеты, безбрачия, проституции, смертности детей, вырождения взрослых и всего прочего, чего так боятся умные люди. Короче говоря, как бы ни переполняли нас грубые жизненные силы, мы погибнем, если из-за недостатка ума или политической грамотности не станем социалистами. Так что не сделайте и противоположной ошибки — поймите, что я высоко ценю жизнеспособность англичанина (как высоко ценю жизнеспособность, например, пчелы) и все же допускаю, что англичанин может (подобно пчеле или Ханааниту[41]) быть выкурен или лишен своего меда существами, уступающими

ему в простом умении драться, приобретать и размножаться, но зато превосходящими его воображением и хитростью.

Впрочем, пьеса о Дон Жуане должна трактовать влечение полов, а вовсе не их питание, и трактовать его в таком обществе, где столь важную проблему, как сексуальные отношения, мужчины предоставили решать женщинам, а столь важную проблему, как питание, женщины предоставили решать мужчинам. Правда, мужчины, дабы защититься от чересчур агрессивных преследовательниц, выдумали романтический обычай, согласно которому инициатива при решении сексуальных отношений должна исходить от мужчины. Но выдумка эта так несерьезна, что даже в театре, этом последнем прибежище нереального, ее удается навязать только самым неопытным. У Шекспира инициативу всегда принимают на себя женщины.

Как в проблемных, так и в популярных пьесах Шекспира любовная линия строится на том, что мужчина становится добычей женщины. Иногда она его очаровывает, как Розалинда[42], а иногда прибегает к уловке, как Марианна[43], но роли между мужчиной и женщиной распределяются всегда одинаково: она преследует и интригует, он становится объектом преследования и интриг. Иногда она терпит неудачу и, как Офелия, сходит с ума и кончает с собой, а мужчина прямо с ее похорон отправляется фехтовать[44]. Разумеется, когда в руках природы существа очень юные, она может избавить женщину от необходимости интриговать. Просперо[45] знает, что ему достаточно только столкнуть Фердинанда и Миранду, и они тотчас сойдутся, точно голубь с голубкой, и Утрата вовсе нет нужды пленять Флоризеля[46] подобно тому, как докторша[47] из «Все хорошо, что хорошо кончается» (ранний пример героини ибсеновского типа) пленяет Бертрама.

Но персонажи в зрелом возрасте все как один демонстрируют нам шекспировский закон. Единственное явное исключение — Петруччо[48], - в сущности, не исключение: нам недвусмысленно дают понять, что цели у сего авантюриста-жениха исключительно коммерческие. Получив заверение, что Катарина богата, он решает жениться на ней, хотя в глаза ее не видел. В реальной жизни мы находим не одних только Петруччо, но еще и Мантанини[49], и Доббинзов[50], которые преследуют женщин, взывая к их жалости, ревности или тщеславию, или льнут к ним, плененные романтической страстью. В общей схеме мироздания эти женоподобные мужчины заметной роли не играют, в сравнении с ними даже Банзби[51], точно загипнотизированная пташка свалившийся в пасть миссис Мак-Стинджер, вызывает жалость и содрогание. Я обнаружил, что женщина, вышедшая из-под моего пера (процессом этим, уверяю Вас, я так же мало способен управлять, как своей женой), ведет себя в точности как женщина в пьесах Шекспира.

И вот поэтому предлагаемый Вам Дон Жуан появился как сценический вариант героя, ставшего объектом трагикомической погони; мой Дон Жуан — не охотник, а дичь. И все же он — настоящий Дон Жуан, опрокидывающий условности и до последней минуты не покоряющийся судьбе, хотя она в конце концов все же берет над ним верх. Моей героине он необходим для исполнения важнейшей задачи, возложенной на нее природой; однако Дон Жуан сопротивляется, и наконец его сопротивление так вдохновляет героиню, что она решается отбросить обычную позу покорной и нежной подруги и заявить свои естественные права на Дон Жуана, без которого она не может достигнуть цели куда более важной, чем личные задачи обоих персонажей.

Среди друзей, которым я читал эту пьесу в рукописи, были люди и нашего с Вами пола, которых шокировала «неразборчивость» (то есть полное пренебрежение к разборчивости мужчины), с которой женщина преследует свою цель. Им не пришло в голову, что, если бы в моральном или физическом отношении женщины были так же разборчивы, как мужчины, человеческой расе пришел бы конец. Есть ли что-нибудь более отвратительное, чем заставлять других выполнять необходимую работу, а потом с презрением объявлять ее низменной и недостойной? Мы смеемся над кичливыми американцами потому, что они

вынуждают негров чистить белым сапоги, а потом доказывают моральную и физическую неполноценность негра, ссылаясь на его профессию чистильщика сапог; но сами мы заставляем слабый пол выполнять всю черную работу по продолжению рода, а потом утверждаем, что ни одна тактичная, тонкая женщина не станет первой заводить отношения, ведущие к этой цели. Лицемерие мужчин в этом вопросе беспредельно. Бывают, конечно, минуты, когда дарованные сильному полу привилегии оборачиваются для него мучительным унижением. Настает для женщины тяжкое, значительное, дьявольски трудное и опасное время рожать ребенка, и мужчина, которому ничто в этот момент не угрожает, спешит убраться с дороги смиреннейшей служанки, а если будущий отец — бедняк и его выставляют из дома, он с облегчением спешит изжить свой позор в пьяном разгуле. Но вот критический момент позади, и мужчина берет реванш: чванится своей ролью кормильца и о женских заботах отзывается снисходительно, даже покровительственно, как будто кухня и детская в доме менее важны, чем контора в деловом квартале. Когда чванливость его проходит, он опускается до эротической поэзии или сентиментально поклоняется жене, и Теннисонов король Артур[52], красующийся перед Джиневрой[53], становится Дон Кихотом, пресмыкающимся перед Дульсинеей. Нельзя не признать, что тут жизнь даст театру сто очков вперед: самый разухабистый фарс — высмеивает ли он феминистов[54] или сторонников господства мужчин — кажется пресным по сравнению с самым заурядным «куском жизни»[55]. Выдумка, будто женщина предоставляет мужчине инициативу в любви, — это выдумка из того же фарса. Да ведь мир наш усеян силками, западнями, капканами и ловушками, расставленными женщинами для поимки мужчин. Дайте право голоса женщинам, и через пять лет они введут убийственный налог на холостяков. А мужчины облагают податью брак: лишают женщину собственности, права голоса, права распоряжаться своим телом, права снимать в церкви головной убор — а ведь этот жест приближает верующих к богу и издревле символизирует бессмертие, — заставляют женщину обходиться без всего этого, но сами вовсе не хотят обойтись без женщины. Напрасны их запреты. Женщина будет вступать в брак, потому что без ее мучений род человеческий погибнет; если риск смерти, неминуемая боль, опасность и неопишуемые страдания ее не остановили, то не остановят ее ни рабство, ни путы. И все-таки мы думаем, что сила, заставляющая женщину проходить через эти опасности и лишения, смущенно отступает перед строгими правилами поведения, которые мы навязываем девице, полагая, что женщина должна пассивно ждать, пока мужчина ее добивается. Да, зачастую она действительно пассивно ждет. Так паук ждет муху. Но сперва паук сплетает паутину. И если муха, подобно моему герою, выказывает силу, способную порвать паутину, паук мгновенно сбрасывает маску пассивности и не таясь окручивает жертву своими нитями — и вот герой уже надежно и навечно связан!

Если бы по-настоящему значительные книги и другие произведения искусства создавались обыкновенными мужчинами, в них было бы больше страха перед женщиной-преследовательницей, чем любви к ее иллюзорной красоте. Но обыкновенные мужчины не способны создать по-настоящему значительное произведение искусства. Способны на это только гении, то есть мужчины, избранные природой для осмысления ее инстинктивного пути. В мужчине-гении мы видим и неразборчивость, и готовность «жертвовать собой» (а это всегда одно и то же), свойственные женщине. Он готов рисковать всем, что имеет; если потребуется, всю жизнь голодать на чердаке; изучать женщин и жить за счет их трудов и забот, как Дарвин изучал червей и жил за счет овец; безвозмездно работать, не щадя своих измученных нервов, проявляя высший альтруизм в пренебрежении своими нуждами и чудовищный эгоизм в пренебрежении нуждами других. В таком человеке женщина встречает столь же всепоглощающую целеустремленность, как и ее собственная, и встреча эта может кончиться трагически. Когда дело осложняется тем, что гений — женщина, игра идет королевская: Жорж Санд[56] становится матерью, чтобы обогатиться опытом и получить новый материал для своих романов, и небрежно глотает гениев — Шопенов, Мюссе и прочих. Я, конечно, привожу крайний случай, но то, что справедливо для титана, в котором воплощается философское осмысление жизни, и для женщины, в которой воплощается ее плодородие, справедливо в известной степени и по отношению ко всем гениям и ко всем

женщинам. А посему люди, которые сочиняют книги, пишут картины, лепят статуи, создают симфонии, — это люди, свободные от тирании пола, владеющей всем остальным человечеством. Так мы приходим к заключению, удивляющему простаков: в искусстве важнее всего не изображение отношений мужчины и женщины; искусство — это единственная область, в которой секс — сила оттесненная и второстепенная, и процесс осмысления этой силы в искусстве так сложен, а назначение ее так извращается, что обыкновенному человеку изображение секса в искусстве кажется нелепым и фантастическим. Поэтом ли становится художник или философом, моралистом или основателем религии, его личная программа в смысле секса более чем проста: пока он молод, его теория секса не что иное, как предвзятая и всесторонняя аргументация в пользу удовольствий, волнений и знаний, а когда старость приносит пресыщение, ему хочется покоя и созерцания. Романтика и аскетизм, любовные приключения и пуританство одинаково нереальны в безбрежном мире филистеров. Мир, показанный нам в книгах (будь то знаменитые эпопеи или освященные евангелия), в сводах законов, в политических выступлениях, в философских системах, — это мир вторичный, отраженный и осмысленный необычными людьми, наделенными особым творческим талантом и темпераментом. Для нас с Вами сие небезопасно — ведь человек, осмысляющий жизнь не так, как большинство, это помешанный, а старинный обычай поклоняться помешанным уступает место другому обычаю — сажать их под замок. И поскольку то, что мы называем образованием и культурой, сводится к замене личного опыта чтением, жизни — литературой, а реальной современности — устаревшим вымыслом, то образование, как Вы, конечно, убедились в Оксфорде[57], вытесняет всякий ум, недостаточно проницательный для того, чтобы разгадать самозванцев и понять, что классики мирового искусства — это всего лишь держатели патентов на сомнительные методы мышления и что изготавливают они весьма сомнительные и для большинства людей верные лишь наполовину отображения жизни. Школьник, который употребляет том Гомера в качестве снаряда и запускает им в товарища, возможно, употребляет этого автора наиболее безопасным и разумным способом, и я с радостью замечаю, что теперь, в зрелую пору, Вы временами поступаете так же с Аристотелем.

К счастью для нас, чьи умы литература развила и культивировала, все эти трактаты, поэмы и прочие писания отчасти создаются все-таки самой жизнью, которая старается осмыслить свой путь и избежать слепых поисков направлений наименьшего сопротивления. Поэтому в иных книгах мы обнаруживаем стремление к правде, точнее, во всех книгах, написанных о таких вещах, в которых автор, будь он даже семи пядей во лбу, руководствуется обыкновенным здравым смыслом и не имеет никакой корысти. У Коперника не было причин вводить своих современников в заблуждение насчет местоположения солнца в нашей планетной системе; он искал его с той же искренностью, с какой пастух ищет дорогу в тумане. Но если бы Коперник принялся сочинять роман о любви, то тут бы он на научных позициях не устоял. В отношениях с женщиной гениальному мужчине не грозит капкан, подстерегающий обыкновенного мужчину, а гениальной женщине не грозит оказаться в плену узких задач обыкновенной женщины. Вот почему наши священные писания и прочие произведения искусства, когда они доходят до любви, отступаются от честных попыток подойти к проблеме научно и несут романтический вздор, впадают в эротический экстаз или строгий аскетизм, к которому приходит пресыщение («Дорога излишеств[58] приводит к дворцу мудрости», — сказал Уильям Блейк, считавший, что «не узнаешь меры, пока не узнал излишеств»).

У проблемы секса есть и политический аспект, слишком серьезный для моей комедии, но и слишком важный, я мог умолчать о нем, не впадая в преступное легкомыслие. Показывая, что инициатива в любовных сделках по сию пору принадлежит женщине и закрепляется за ней все более благодаря подавлению мужского своеволия и осуждению домогательств со стороны мужчин, поневоле начинаешь размышлять о каком огромном политическом значении имеет эта инициатива: ведь наш политический эксперимент с демократией, этим последним прибежищем мелочного и неумелого правительства, погубит нас, если окажется, что наших граждан выращивают из рук вон плохо.

Когда мы с Вами родились, этой страной еще управлял избранный класс[59], размножавшийся путем политических браков. Коммерческий класс[60] тогда еще и четверти века не пробыл у власти и, в свою очередь, подвергался отбору по денежному цензу, а размножался путем если не политических, то во всяком случае исключительно классовых браков. Аристократия и плутократия и сейчас еще поставляют номинальных политических деятелей, но эти последние теперь зависят от голосов беспорядочно размножающихся масс. И происходит это, позволю себе заметить, как раз в такой момент, когда политическая деятельность меняет свой характер. Если прежде она сводилась к случайному и ограниченному вмешательству в жизнь общества (путем беспринципного назначения на государственные должности и прочих перемещений внутри перенаселенного островка, время от времени сотрясаемого бессмысленными династическими войнами), то теперь она сосредоточивается на промышленном переустройстве Британии, создании международного, по сути дела, государства и дележе всей Африки, а возможно и всей Азии, между цивилизованными державами. Верите ли Вы, что люди, чьи представления об обществе и поведении, чье умение думать и сфера интересов отражаются в нынешнем состоянии британского театра, действительно могут справиться с этой колоссальной задачей? Могут понять и поддержать такие умы и характеры, которые в будущем окажутся способны с нею справиться — хотя бы кое-как? Не забывают: в кабинки для голосования приходят те самые зрители, которых мы видим в партере и на галерке. Мы все сейчас под властью того, что Берк [61] называл «копыта свиных стад». Выражение Берка было чрезвычайно обидно, потому что оно хотя и относилось ко всему человечеству, но делало исключение для избранных и таким образом становилось классовым оскорблением; к тому же, прежде чем говорить такое, Берку следовало бы на себя поглядеть. Несмотря на политические браки, оберегавшие породу, аристократия, которую он защищал, ум свой порастеряла из-за глупых учителей и гувернанток, характер погубила незаслуженной роскошью, а чувство собственного достоинства безнадежно подорвала лестью и лакейством. За последнее время она не стала лучше и никогда уже не станет; в нашем крестьянстве и то больше моральной стойкости, и оно время от времени дает миру Беньянов, Бернсов[62] и Карлейлей[63]. Заметьте, что эта аристократия, которую в 1832–1885 годах на время подавила буржуазия, вернулась к власти волею избирателей, то есть волею «свиных стад». Том Пэйн[64] победил Эдмунда Берка, а стада свиней теперь называются уважаемыми избирателями. Много ли эти избиратели послали в парламент своих собственных собратьев? На 670 членов парламента их наберется не больше дюжины, да и те выдвинулись только благодаря личным качествам и ораторским способностям. Таков приговор, который «стада» вынесли самим себе: они признали, что не в состоянии управлять, и голосуют за людей, преображенных — и генетически и типологически — жизнью во дворцах, ездой в каретах, одеждой от искуснейших портных, великолепием аристократической семьи. Что ж, мы с Вами знаем этих героев, этих посредственных студентов, холеных Элджи и Бобби[65] с моноклями, этих игроков в крикет, которые с возрастом обретают не мудрость, а искусство игры в гольф, они — плутократическое порождение «гвоздильного и кастрюльного дела[66], от которого все денежки пошли». Не знаешь, смеяться или плакать при мысли, что они — бедняги! — станут управлять шестеркой континентов, как управляют шестеркой лошадей; что это им надлежит превратить беспорядочную суету случайной торговли и спекуляции в упорядоченное производство и сплотить наши колонии в мировую державу первой величины. Дай этим людям самую совершенную политическую конституцию и самую надежную политическую программу, какую может за них придумать Благосклонный и Вездесущий, и они превратят ее в очередную причуду моды или лицемерную благотворительность; так дикарь превращает теологическую философию шотландского миссионера в примитивное африканское идолопоклонство.

Не знаю, остались ли у Вас какие-то иллюзии по части образования, прогресса и тому подобного. У меня их не осталось. Памфлетисты разъясняют, как нам улучшить нашу жизнь; но когда нет воли к улучшениям, никакие памфлеты не помогут. Моя няня любила говорить, что из свиного уха не сошьешь шелкового кошелька, и, чем больше я вижу, как наши церкви, университеты и мудрецы от литературы пытаются поднять Массы над их уровнем, тем более

я убеждаюсь, что моя няня была права. Прогресс может только постараться лучше использовать нас такими, какие мы есть, и пользы от этого будет, разумеется, не много, даже если те, кто уже поднялся из пропасти, позволят и остальным попытаться свое счастье. Лопнули надежды на наследственность: оказалось, что новоприобретенные черты практически не передаются по наследству, и растаяли иллюзии педагогов, а вместе с ними и страхи перед вырождением рода человеческого, мы теперь знаем, что идея наследственного «правлящего класса» так же нелепа, как идея наследственного хулиганства. Либо мы научимся выращивать и воспитывать искусных политиков, либо погибнем под властью демократии, которая была навязана нам, когда прежние порядки потерпели поражение. Но если деспотизм потерпел поражение оттого, что не нашлось искусного и благожелательного деспота, то какое же будущее ждет демократию, требующую миллионов искусных избирателей, то есть политических судий, которые, может быть, сами не в состоянии управлять, потому что им не хватает сил или административного таланта, но по крайней мере в состоянии заметить и оценить искусность и благожелательность других и таким образом могут управлять посредством искусных и благожелательных представителей? Где нам взять сейчас таких избирателей? Их нет. Кровосмесительные плутократические браки породили слабохарактерность, и мы теперь слишком робки, чтобы вести жестокую борьбу за существование, и слишком ленивы и мелочны, чтобы основать государство на принципах объединения. Будучи трусами, мы уничтожаем естественный отбор и называем это благотворительностью. Будучи лентяями, мы уклоняемся от искусственного отбора и называем это соблюдением моральных и этических принципов.

И все же нам необходимо обзавестись избирателями, способными судить о политике, или мы падем, как пали Рим и Египет. Сейчас на наших глазах распад переходит в фазу *rapem et circenses*[67][68]. Наши газеты и мелодрамы шумно похваляются величием империи; но глаза наши, а с ними и наши сердца с живейшим интересом обращены к американскому миллионеру, и, когда рука его опускается в карман, наши пальцы инстинктивно взлетают к полям шляпы. Мы не хотим процветать на манер промышленного Севера, мы хотим процветать на манер острова Уайт, Фолкстона, Рэмсгейта, Ниццы и Монте-Карло[69]. Только такое процветание и видишь сейчас на сцене, где трудящиеся представлены посыльными, горничными, комичными домовладельцами и людьми модных профессий, а герои и героини непонятно каким образом получают неограниченные доходы и питаются совершенно бесплатно, как рыцари в книгах, которые читал Дон Кихот. Газеты болтают о конкуренции между Бомбеем и Манчестером[70] и тому подобном. Настоящая конкуренция — это конкуренция Риджент-стрит[71] и Рю де Риволи, Брайтона, южных пляжей — и Ривьеры, то есть борьба за деньги американских трестов. Откуда вдруг эта пылкая страсть к пышным зрелищам, эти безудержные заверения в верности? Отчего это мы так услужливо вскакиваем на ноги и обнажаем головы по знаку флага или духового оркестра? Преданность империи? Вовсе нет. Подобострастие, раболепие, алчность, рожденные всеподавляющим запахом денег. Когда мистер Карнеги[72] побренчал миллионами в своих карманах, вся Англия пустилась попрошайничать и раболепствовать. Только когда Роде[73] (начитавшись, вероятно, моего «Социализма для миллионеров»[74]) написал в завещании, что ни один бездельник не должен унаследовать его состояние, согбенные спины на минуту недоверчиво выпрямились: неужели король брильянтов все-таки не был джентльменом? Впрочем, оказалось, что промах этого богача нетрудно игнорировать. Неподобающий джентльмену пункт завещания был забыт, и спины снова согнулись, вернувшись в свое естественное положение.

Слышу, однако, как Вы в тревоге спрашиваете, уж не вписал ли я все эти разглагольствования в свою комедию о Дон Жуане? Нет, я просто сделал своего Дон Жуана автором политического памфлета и полный текст этого памфлета предлагаю Вам в виде приложения к пьесе. Вы найдете его в конце книги. К сожалению, у сочинителей вошло в привычку объявлять своего героя человеком необычайного таланта, а потом предоставлять читателю самому воображать проявления этого таланта; и, закрывая книгу, читатель,

горестно вздохнув, бормочет, что, если бы не торжественное заявление автора в начале книги, он не назвал бы героя даже и просто здравомыслящим человеком. Меня Вы не можете обвинить в подобной скаредности, в подобном бессилии или обмане. Я не только сообщаю Вам, что мой герой написал учебник для революционеров; я предлагаю Вам полный текст этого учебника; прочтите его, и он послужит Вашему образованию. В нем Вы найдете и политические аспекты взаимоотношений полов, в том в каком — в соответствии с моим замыслом — их понимают потомки Дон Жуана. Не подумайте, что я отказываюсь нести ответственность за его мнение и за мнения всех моих персонажей, приятных и неприятных. Все они правы — каждый со своей точки зрения, и я (на время жизни моей пьесы) их точки зрения разделяю. Это может озадачить людей, считающих, что существует абсолютно правильная точка зрения — обычно их собственная. Они, вероятно, полагают, что сомневаться в этом — значит обнаружить свою нечестивость. Так это или не так, но соглашаться с ними — значит отказаться от карьеры драматурга и вообще сочинителя, кроющего свои сочинения на понимании природы человека. Вот тему не раз уже мы слышали, что Шекспир был человеком стыда и без совести. В этом смысле я тоже человек без стыда и без совести.

Вы, однако, можете напомнить мне, что моим отступлениям в политику была предпослана весьма убедительная демонстрация того, что художник не понимает точки зрения обыкновенного человека на проблемы секса, так как ему неведомы затруднения обыкновенного человека в этой сфере. Сначала я доказываю, что все мои писания об отношениях полов непременно введут читателя в заблуждение, а затем преспокойно сочиняю пьесу о Дон Жуане. Что ж, если Вы станете спрашивать меня, отчего я веду себя столь нелепым образом, я отвечу, что Вы сами меня об этом просите, а кроме того, художнику моя интерпретация сей темы может показаться верной, любителю — забавной, а филистеру — более или менее понятной и потому, возможно, интересной. Всякий человек, записывающий свои иллюзии, поставляет информацию для подлинно научного психологического исследования, которого все еще ждет мир. Свой взгляд на отношения, существующие в нашем весьма цивилизованном обществе между мужчиной и женщиной, я излагаю без всяких претензий: он ничем не лучше любого другого — ни верен, ни фальшив, но, надеюсь, расставляет в знакомом логическом порядке немалое количество фактов и переживаний, небезыntenесных для Вас, а может быть и для театральных зрителей Лондона. Сочиняя эту пьесу, я, конечно, не слишком считался со зрителями, но я знаю, что зрители весьма дружески относятся к нам с Вами — во всяком случае те, кто знает о нашем существовании, — и прекрасно понимают, что написанное для Вас окажется, разумеется, слишком сложным для романтического простака в театральном зале. Книги мои публика читает, талант мой признает безусловно и верит, что все мои произведения заслуживают похвалы. Так что мы с Вами можем преспокойно оставаться на своих недостижимых высотах и развлекаться, сколько нашей душе угодно, и если какой-нибудь господин заявит, что ни сие посвяtitельное послание, ни сон Дон Жуана в третьем акте данной комедии не пригодны для немедленной постановки в театре, мы не обязаны ему возражать. Наполеон созвал для Тальма[75] полный партер королей, но какой эффект это произвело на игру Тальма, нам неизвестно. Что до меня, то мне всегда хотелось наполнить мой партер философами, и данная пьеса написана как раз для такого партера.

Надо бы мне выразить благодарность авторам, которых я ограбил ради написания этих страниц. Не знаю только, сумею ли я их всех вспомнить. Разбойника-рифмоплета я преднамеренно украл у сэра Артура Конан Дойла[76], а Лепорелло сознательно превратил в Генри Стрейкера (механика и Нового Человека), чтобы создать драматический вариант современной личности, от которой, если сбудутся когда-нибудь мечты Герберта Уэллса[77], пойдут энергичные инженеры, способные смести болтунов с пути цивилизованного мира. Пока я правил гранки, г-н Барри тоже привел Лондон в восторг, показав слугу, который знает больше своих господ. Идея Мендосы Лимитед восходит к некоему министру по делам Вест-Индских колоний[78], который в тот период, когда мы с ним и с г-ном Сиднеем Уэббом

[79] предавались политическому беспутству, разыгрывая этаких фабианских трех мушкетеров и никак не ожидая, что от этого произойдут весьма достойные последствия, рекомендовал Уэббу, неистощимому энциклопедисту, представить себя в виде корпорации и продавать единомышленникам прибыльные акции. Октавиуса я целиком заимствовал у Моцарта, и настоящим документом уполномочиваю актера, которому случится его играть, петь Dalla sua rase[80] (если он это умеет) в любой подходящий момент во время спектакля. Идея создать характер Энн пришла мне в голову под влиянием голландского моралите XV века под названием «Каждый»[81], которое г-н Уильям Пол[82] недавно с таким успехом воскресил. Надеюсь, что он и дальше станет разрабатывать эту жилу, и признаюсь, что после средневековой поэзии напыщенность елизаветинского ренессанса так же невыносима, как после Ибсена — Скриб[83]. Сидя в Чартерхаузе[84] на представлении «Каждого», я подумал: «А почему не „Каждая“?» Так возникла Энн; не каждая женщина — Энн, но Энн — это Каждая.

Для Вас не будет новостью, что автор «Каждого» — не просто художник, но художник-философ и что художники-философы — это единственная порода художников, которую я принимаю всерьез. Даже Платон и Босвелл, в качестве драматургов, которые изобрели Сократа и д-ра Джонсона[85], производят на меня более глубокое впечатление, чем авторы романтических пьес. С тех самых пор, как я мальчишкой впервые вдохнул воздух высших сфер на представлении моцартовской Zauberflote[86][87], на меня совершенно не действуют безвкусные красоты и пьяный экстаз обыкновенных сценических комбинаций таппертитовской романтики[88] с полицейским интеллектом. Беньян, Блейк, Хогарт и Тернер [89] (четверка, стоящая в стороне от прочих английских классиков и выше их), Гете, Шелли, Шопенгауэр, Вагнер, Ибсен, Моррис, Толстой и Ницше — вот авторы, чье странное ощущение мира мне кажется более или менее подобным моему собственному. Обратите внимание на слово «странное». Я читаю Диккенса или Шекспира без усталости — и без стеснения; но их глубокие наблюдения не составляют цельной философии или религии; наоборот, сентиментальные заявления Диккенса оказываются в противоречии с его наблюдениями, а пессимизм Шекспира — это всего лишь уязвленность его гуманной души. Оба они владеют талантом сочинительства, и оба щедро наделены умением сочувствовать мыслям и переживаниям других. Часто они проявляют больше здравого смысла и пронизательности, чем философы; так Санчо Панса[90] — человек более здравый и более пронизательный, чем Дон Кихот. Рассеивать тучи занудства помогает им чувство нелепого, а это, в сущности, соединение здоровой морали и легкого юмора. Но их больше интересует разнообразие нашего мира, чем его единство.

Они настолько иррелигиозны, что всеобщую религиозность и суеверие используют в профессиональных целях, не стесняясь нарушать законы совести и вкуса (возьмите, например, Сиднея Картона[91] и призрака в «Гамлете!»); они анархисты, и изобличениям Анджело[92] и Догбери[93], сэра Лестера Дэдлока[94] и г-на Тайта Барнакла[95] не могут противопоставить ни одного портрета пророка или достойного лидера; они не породили ни одной конструктивной идеи; тех, кто имеет такие идеи, они рассматривают как опасных фанатиков; в их сочинениях мы не найдем ни одной сколько-нибудь важной идеи или главенствующего переживания, ради которых человек стал бы рисковать своей шляпой, выскакывая под дождь, а уж тем более рисковать своей жизнью. Мотивы для ключевых поворотов сюжета обоим приходится черпать из общего котла мелодраматических историй, — так, поступки Гамлета приходится мотивировать предубеждениями, свойственными скорее полисмену, а поступки Макбета — алчностью беглого каторжника. Диккенс, которого нельзя оправдать тем, что ему пришлось изобретать мотивы для своих Гамлетов и Макбетов, подталкивает свою ладью по течению ежемесячных выпусков при помощи механизмов, описывая которые я предоставляю Вам, потому что моя память приходит в затруднение от простейших вопросов — о Монксе из «Оливера Твиста», об утраченной родословной Смайка или об отношениях между семействами Дорритов и Кленнэмов, столь неуместно разоблаченных мсье Риго Бландуа. Правду сказать, мир казался Шекспиру огромной

«сценой, полной дураков»[96], и мир этот приводил его в полное замешательство. Жизнь представлялась ему совершенно бессмысленной. Что касается Диккенса, то он спасся от страшного сна в «Колоколах»[97] тем, что в целом принял мир как он есть и интересовался только подробностями его устройства. Ни Шекспир, ни Диккенс не умели работать с серьезным, положительным персонажем. Оба умели очень правдоподобно представить человека, но, если созданному ими персонажу не удавалось рассмешить создателей, он оставался пассивной куклой, и, чтобы ее оживить, чтобы заставить ее совершать поступки, они прибегали к внешним мотивировкам. В этом вся беда Гамлета: у него нет воли, характер его проявляется только во вспышках гнева. Шекспироманы со свойственной им глупостью превращают это в достоинство пьесы: объявляют, что «Гамлет» — трагедия нерешительности; однако каждый раз, когда Шекспир пытается изобразить сложную личность, герои его страдают одним и тем же недостатком: их характеры и поведение жизненны, но поступки навязаны им какой-то посторонней силой, и эта внешняя сила чудовищно не соответствует характеру, разве что она чисто традиционная, как в «Генрихе V». Фальстаф живет, чем любой из этих серьезных, рефлектирующих персонажей, потому что он действует самостоятельно: им движут его собственные желания, инстинкты и настроения. Ричард III тоже восхитителен, пока он остается эксцентричным комиком, который откладывает похороны, чтобы соблазнить вдову сына покойника, но когда в следующем акте он появляется в виде театрального злодея — детоубийцы и палача, мы восстаем против этого самозванства, отвергаем этого оборотня. Образы Фолконбриджа, Кориолана, Леонта [98] дивно воссоздают порывистый темперамент; в сущности, пьеса о Кориолане — величайшая из всех шекспировских комедий; но воссоздание характера — это еще не философия, а по комедии нельзя судить об авторе: в ней он не может ни выдать себя, ни проявить. Судить о нем надо по тем персонажам, в которых он вкладывает самого себя, то есть свое понимание самого себя, по Гамлетам и Макбетам, Лирам и Просперо. Если эти персонажи агонизируют в пустоте и страсти их разгораются вокруг надуманных, мелодраматических убийств, мести и тому подобного, а комические персонажи ступают по твердой почве, живые и забавные, будьте уверены: автору есть что показать, нечему учить. Сравнение Фальстафа и Просперо подобно равнению Микобера и Дэвида Копперфилда[99]. К концу книги Вы се знаете Микобера, а что касается Дэвида, то Вам известны лишь факты его жизни и совершенно неинтересно, каковы были его политические или религиозные взгляды, если бы ему пришло в голову обзавестись такой грандиозной штукой, как религиозная или политическая идея — или вообще какая-нибудь идея. Ребенком он вполне сносен, но взрослым мужчиной так не становится, и его жизнеописание вполне могло бы обойтись без героя, разве что он иногда полезен в качестве наперсника, такого Горацио[100] или «Чарлза, его друга»[101], такую фигуру на сцене называют «подыгрывающим».

Зато о произведении художника-философа этого не скажешь. Не скажешь этого, например, о «Пути паломника». Поставьте шекспировского героя и труса — Генриха V и Пистоля или Пароля[102] — рядом с г-ном Доблестным и г-ном Пугливым[103], и сразу поймете, какая пропасть лежит между модным автором, который не видит в мире ничего, кроме своих личных целей и трагедии своего разочарования в них или комедии их несообразности, — и бродячим проповедником, который достиг доблести и добродетели, по-своему осмыслив назначение нашего мира и целиком отдавшись служению ему. Разница огромна, трус Беньяна больше волнует нас, чем герой Шекспира, к которому мы ведь питаем безразличие, а то и тайную враждебность. Мы вдруг сознаем, что даже в самые вдохновенные минуты прозрения Шекспир не понимал ни доблести, ни добродетели и не представлял себе, как человек — если он не дурак — может, подобно герою Беньяна, достигнуть берега реки смерти, оглянуться на перипетии и трудности своего пути и сказать. «И все же — не раскаиваюсь», или с легкостью миллионера завещать «меч тому, кто идет следом за мной, а мужество и искусность тому, кто сумеет этот меч добыть». Вот подлинная радость жизни — отдать себя цели, грандиозность которой ты сознаешь; израсходовать все силы прежде, чем тебя выбросят на свалку, стать одной из движущих сил природы, а не трусливым и эгоистичным клубком болезней и неудач, обиженным на мир за то, что он мало радел о твоём

счастье. Ну а единственная настоящая трагедия в жизни — это когда кто-то эгоистично отдает тебя на службу целям, низменность которых ты осознаешь. Все остальное — это, в худшем случае, не более чем следствие злой судьбы или человеческой хрупкости, а такая трагедия порождает страдания, рабство, ад на земле, и мятеж против нее — вот единственная достойная тема для бедняги художника, которого наши эгоистичные богачи охотно наняли бы сводником, шутом, торговцем красотой или сентиментальными переживаниями.

От Беньяна до Ницше, может быть, и далеко, но разница между их умозаключениями чисто внешняя. Убеждение Беньяна, что праведность — это грязные лохмотья, его презрение к г-ну Законнику из деревни Нравственность, его ненависть к церкви, заменившей собой религию, его твердая уверенность, что высшая из всех добродетелей — это мужество, его утверждение, что карьера г-на Житейского Мудреца — добропорядочного, уважаемого и разумного с точки зрения общепринятой морали — на самом деле ничуть не лучше, чем жизнь и смерть г-на Негодника, — то есть все, что Беньян выразил, в самом примитивном виде, в терминах философии лудильщика[104], все это выразили позднее и Ницше — в терминах постдарвиновской и постшопенгауэровской философии, и Вагнер — в терминах политеистической мифологии, и Ибсен — в терминах парижской драматургии середины XIX века. Ничего принципиально нового в этой области не появилось, только несколько новых штрихов; например, в новинку было назвать «оправдание верой» — «Wille»[105], а «оправдание деяниями» — «Vorstellung»[106].[107] Единственное назначение этих штрихов — заставить нас с Вами купить и прочесть, скажем, трактат Шопенгауэра о «воле» и «представлении», при том что нам и в голову бы не пришло купить сборник проповедей о «вере» в ее противопоставлении «деяниям». В обеих книгах одна и та же полемика, один и тот же драматизм. Беньян не пытается представить своих паломников существами более разумными или более послушными, чем г-н Житейский Мудрец. Заклятые враги г-на Ж. М. - г-н Воришка, г-н По-Воскресеньям-В-Церковь-Не-Ходок, г-н Дурной Тон, г-н Убийца, г-н Взломщик, г-н Со-Ответчик, г-н Шантажист, г-н Мерзавец, г-н Пьяница, г-н Подстрекатель и прочие — в «Пути паломника» не найдут ни одного дурного слова о себе, но зато уважаемые граждане, которые их оскорбляют и сажают в тюрьму, такие граждане, как сам г-н Ж. М. и его юный — друг Учтивость; Формалист и Лицемер; Скандалист, Равнодушный и Прагматик (последние трое, конечно, молодые студенты из хороших семей с полными кладовыми), проворный юнец Невежда, Болтун, Прекрасноречивый и его теща леди Притворщица — все эти и другие добропорядочные господа и граждане наказаны в книге жестоко. Далее крошке Верующему, хоть он и попадает в конце концов в рай, дано понять, что поделом избили его братья Слабое Сердце, Недоверие и Вина — троица уважаемых членов общества и подлинных столпов закона. Эта аллегорическая книга Беньяна последовательно нападает на мораль и респектабельность и ни единым словом не осуждает порок и преступление. А ведь именно этим недовольны критики Ницше и Ибсена, не правда ли? И ведь именно этим бы недовольны критики литературы почтенной и признанной (официально или неофициально), да только, признавая книги почтенными, у нас сознательно игнорируют их идеи, так что в результате его преподобие пастор может согласиться с пророком Михеем во всем, что касается его вдохновенного стиля, но при этом вовсе не чувствует себя обязанным разделять крайне радикальные воззрения Михея. Если уж на то пошло, то даже я, с пером в руке сражаясь за признание и учтивое обхождение, часто обнаруживаю, что моя атака пропала впустую, сведенная к нулю при помощи несложной политики непротivления. Тщетно удваиваю я ярость выражений, провозглашая свою ересь: поношу теистическое легковерие Вольтера, любовные предрассудки Шелли, возрождение родовых предсказаний и идолопоклоннических ритуалов, которые Хаксли[108] назвал Наукой и ошибочно принял за наступление на Пятикнижие[109], поношу лицемерный вздор клерикалов и промышленников, защищающих репутацию безмозглой системы насилия и грабежа, которую мы называем Законом и Промышленностью. Даже атеисты упрекают меня в нечестивости, а анархисты в нигилизме, потому что я не в состоянии вынести их нравоучительных речей.

И все же, вместо того чтобы воскликнуть «На костер этого ужасного дьяволопоклонника!», почтенные газеты наповал убивают меня своими объявлениями: «очередная книга этого блестящего и глубокого писателя». И рядовой читатель, зная, что автор, о котором хорошо отзывается почтенная газета, не подведет, читает меня, как читает Михея, простодушно извлекая из моей книги поучения, которые соответствуют его собственной точке зрения. Рассказывают, что в семидесятих годах XIX века некая дама, истовая методистка[110], переехала из Колчестера в район Сити Роуд в Лондоне и, приняв Храм Науки за часовню, много лет приходила и садилась у ног Чарлза Брэдло, покоренная его красноречием, и ни разу не усомнилась в его ортодоксальности и ничуть не пошатнулась в вере. Боюсь, что и меня так же обманут — лишат принадлежащего мне по праву титула мученика.

Но я отвлекся, как и полагается человеку обиженному. В конце концов, когда определяешь художественную ценность книги, главное — это не мнения, которые она пропагандирует, а тот факт, что у автора вообще имеются мнения. Пожилая дама из Колчестера правильно делала, что грела свою наивную душу под горячими лучами искренних убеждений Брэдло [111], вместо того чтобы стынуть под холодным душем искусного и банального красноречия. Мое презрение к belles lettres[112] и дилетантам, репутация которых целиком основана на виртуозности слога, вовсе не питается иллюзией, что формы, в которые я отливаю свою мысль (зовите их мнениями) и при помощи которых я пытаюсь поведать современникам о своих симпатиях и антипатиях, переживут века. Для молодых людей они уже устарели, ибо, хотя своей логической основы они не теряют, как пастель XVIII века не теряет ни своего рисунка, ни цвета, однако, подобно пастели, они как-то неопределенно ветшают и будут и дальше ветшать, пока вообще не перестанут что-нибудь значить, и тогда мои книги либо исчезнут, либо — если мир будет так беден, что они ему еще понадобятся, — их жизнь, как жизнь книг Беньяна, будет зависеть от весьма аморфных качеств: от их темперамента, их энергичности. С такими убеждениями я не могу быть беллетристом.

Разумеется, я вынужден признать — даже Старый Моряк[113] это признавал, — что рассказывать надо увлекательно, если хочешь, чтобы свадебный гость зачарованно слушал тебя, не обращая внимания на призывный вой фагота. Но если бы я вздумал писать только «ради искусства», мне не удалось бы выжать из себя ни одной фразы. Знаю, что есть люди, которым нечего сказать, нечего написать, и тем не менее они так влюблены в ораторствование и литературу, что с восторгом повторяют доступные им пассажи из чужих речей или книг. Я знаю, что досужие фокусы, которые они проделывают со своими неверно понятыми, разбавленными идеями (благо отсутствие убеждений позволяет им этим заниматься), превращаются у них в приятную салонную игру под названием стиль. Я сочувствую их увлечению и даже понимаю их забавы, однако подлинно оригинальный стиль не создается «ради стиля»; люди платят от шиллинга до гинеи, смотря по средствам, чтобы увидеть, услышать или прочесть гениальные произведения других, но никто не согласится отдать всю свою жизнь и душу за то, чтобы сделаться всего лишь виртуозным литератором и продемонстрировать достижения, которыми даже капитала не наживешь, — что-то вроде пиликанья на скрипке. Убедительность — вот альфа и омега стиля.

Тот, кому не в чем убеждать, не имеет стиля и никогда не обретет; тот, кому есть что утверждать, достигнет нигилистических высот, соответствующих твердости и глубине убеждений. Убеждения можно опровергнуть, а стиль все равно сохранит свою силу. Дарвин не уничтожил стиля Иова[114] Генделя[115], а Мартин Лютер[116] не уничтожил стиля Джотто. Рано или поздно все убеждения опровергаются, мир полон великолепных руин окаменевшего искусства, начисто утратившего жизненную достоверность, но сохранившего пленительные формы. Вот почему старые художники так действуют на наше восприятие. Какой-нибудь член Королевской Академии[117] думает, что он может достичь стиля Джотто, не разделяя его верований, а заодно и улучшить его перспективу. Какой-нибудь литератор думает, что он может достичь стиля Беньяна или Шекспира, не имея убежденности Беньяна или восприимчивости Шекспира, — главное, правильно употреблять инфинитив. Точно так же

какие-нибудь профессора музыки, насочинявши побольше диссонансов, надлежащим образом приготовленных и разрешенных, с задержанием или с предъемом в стиле великих композиторов, думают, что они могут выучиться искусству Палестрины[118], читая трактат Керубини[119]. Все это академическое искусство гораздо хуже, чем торговля поддельной старинной мебелью, ибо человек, продающий мне дубовый сундук, который, по его уверениям, был сделан в XIII веке (хотя на самом деле он сколочен только вчера), по крайней мере не притворяется, что сундук этот полон современных идей, а вот какой-нибудь академик, копирующий окаменелости, предлагает их публике в качестве последних откровений человеческого духа и, самое страшное, похищает молодых людей, превращает их в своих учеников и убеждает в том, что его ограниченность — это правило, его традиционность — это проявление особой изощренности, его трусость — проявление хорошего вкуса, а его пустота — проявление чистоты. И когда он провозглашает, что искусство не должно быть дидактично, с ним энергично соглашаются и те, кому нечему учить других, и те, кто не желает ничему учиться.

Я горжусь тем, что не принадлежу к людям, обладающим такой предрасположенностью. Посмотрите, как идет к Вам электрический свет (а ведь и я в качестве общественного деятеля снабжаю Вас светом, выступая в роли Бамбла[120] и служа объектом насмешек), и Вы обнаружите, что дом Ваш полон медной проволоки, которая насыщена электричеством и при этом не дает никакого света. Однако на пути электрического тока там и сям встречаются отрезки плохо проводящей упрямой материи, и эти упрямыцы вступают в единоборство с током и заставляют его уплатить Вам дань света и тепла; а свет и тепло — важнейшие качества литературы. И поскольку я хочу быть не дилетантом и проводником чужих идей, а светоносным и самостоятельным автором, мне приходится упрямитесь и упираться, выходить из строя в самый неподходящий момент, а временами создавать угрозу пожара.

Таковы недостатки моего характера; поверьте мне: порой я проникаюсь глубочайшим отвращением к себе, и если в такой момент на меня набрасывается какой-нибудь раздраженный рецензент, я ему невыразимо благодарен. Но мне и в голову не приходит попытаться исправиться; я знаю, что должен принимать себя таким, каков я есть, и употребить себя с максимальной пользой для дела. Все это Вы поймете, ибо мы с Вами выпечены из одного теста; оба мы критики жизни и искусства, и когда я прохожу под Вашим окном, Вы, наверное, говорите себе: «Бог меня миловал — а ведь этим человеком мог бы оказаться я сам»[121]. Этой пугающей, отрезвляющей мыслью, этой заключительной каденцией я и завершу сие непомерно затянувшееся письмо. Преданный Вам Бернад Шоу. Уокинг, 1903

P. S. После беспрецедентного шума, который подняли критики по поводу нашей книги — увы! Ваш голос в ней не слышен, — от меня потребовали подготовить новое издание. Пользуюсь случаем исправить свою оплошность: Вы, может быть, заметили (все остальные, между прочим, проглядели), что я подкинул Вам цитату из «Отелло», а потом, сам того не сознавая, связал ее с «Зимней сказкой». Исправляю ошибку с сожалением, ибо цитата эта прекрасно подходит к Флоризелю и Утрате; и все же с Шекспиром шутки плохи, так что верну-ка я Дездемоне ее собственность.

В целом книга прошла весьма неплохо. Критики посильнее довольны, послабее — запуганы; знатоков позабавил мой литературный балаган (устроенный для Вашего удовольствия), и только юмористы, как ни странно, читают мне нотации — со страху они позабыли о своей профессии и самыми странными голосами заговорили вдруг о велениях совести. Не все рецензенты меня поняли; как англичане во Франции с уверенностью произносят свои островные дифтонги, думая, что это и есть добрые французские гласные, так и многие из рецензентов предлагают в качестве образцов философии Шоу что-нибудь подходящее из своих собственных запасов. Другие стали жертвой подобию идей: они называют меня

пессимистом, потому что мои замечания задевают их самодовольство, и ренегатом, потому что в компании у меня все Цезари, а не простые и славные ребята. Хуже того — меня обвинили в проповеди «этического» Сверхчеловека, то есть нашего старого друга Справедливого, превращенного в Совершенного! Это последнее недоразумение так неприятно, что лучше я воздержусь от комментариев и отложу перо, пока мой постскрипtum не стал длиннее самого письма.

Бернард Шоу

ЧЕЛОВЕК И СВЕРХЧЕЛОВЕК

Комедия с философией

(Перевод Е. Д. Калашниковой)

Действие первое

Роубэк Рэмсен в своем кабинете просматривает утреннюю почту. Обстановка кабинета, красивая и солидная, говорит о том, что хозяин — человек со средствами. Нигде ни пылинки; очевидно, в доме по меньшей мере две служанки, не считая чистой горничной, и есть экономка, которая не дает им прохладиться. Даже макушка Роубэка блестит; в солнечный день он кивками головы мог бы гелиографировать приказы расположенным в отдалении войсковым частям. Впрочем, больше ничто в нем не наводит на военные ассоциации. Только в гражданской деятельности приобретает это прочное ощущение покоя, превосходства, силы, эта величавая и внушительная осанка, эта решительная складка губ, которую, впрочем, теперь, в пору успеха, смягчает и облагораживает сознание, что препятствия устранены. Он не просто почтеннейший человек; он выделяется среди почтеннейших людей, как их естественный глава, как председатель среди членов правления, олдермен среди советников, мэр среди олдерменов. Четыре пучка серо-стальных волос, — скоро они станут белыми, как рыбий клей, который напоминают и в других отношениях, — растут двумя симметричными парами над его ушами и в углах широкой челюсти. На нем черный сюртук, белый жилет (дело происходит в прекрасный весенний день) и брюки не черные, но и не то чтобы синие, а скорей одного из тех неопределенных промежуточных оттенков, которые изобретены современными фабрикантами для полной гармонии с религиозными убеждениями почтенных людей. Он еще не выходил сегодня из дому, поэтому на ногах у него домашние туфли, а ботинки стоят наготове у камина. Догадываясь, что у него нет камердинера, и видя, что у него нет секретарши с пишущей машинкой и блокнотом для стенограмм, думаешь о том, как мало, в сущности, повлияли на домашний уклад наших парламентариев всякие современные новшества, равно как и предприимчивость владельцев железных дорог и гостиниц, готовых отпустить вам полтора дня (

с субботы да понедельника) истинно джентльменской жизни в Фолкстоне за две гинеи, включая проезд первым классом в оба конца.

Сколько лет Роубэку? Это вопрос весьма существенный для интеллектуальной пьесы, ибо здесь все зависит от того, когда протекала его юность — в шестидесятых годах или в восьмидесятых. Так вот, Роубэк родился в 1839 году, был унитарием[122] и фритредером [123] с мальчишеских лет и эволюционистом со дня выхода в свет «Происхождения видов»;

вследствие этого всегда причислял себя к передовым мыслителям и к неустрашимым реформаторам.

Когда он сидит за своим письменным столом, справа от него окна, выходящие на Поргплэнд-Плэйс. Оттуда, если бы не спущенные шторы, любопытный зритель мог бы, словно с просцениума, созерцать его профиль. Налево, у внутренней стены, величественный книжный шкаф и ближе к углу дверь. У третьей стены два бюста на цоколях: слева Джон Брайт[124], справа Герберт Спенсер. В простенке между ними гравированный портрет Ричарда Кобдена[125], увеличенные фотографии Мартино[126], Хаксли и Джордж Элиот, автотипии аллегорий Дж. Ф. Уоттса[127] (Роубэк предан искусству со всем пылом человека, который его не понимает) и гравюра Дюпона[128] с Деларошева «Полукружия» в Школе изящных искусств, где изображены великие художники всех веков. За спиной Роубэка, над камином, фамильный портрет в таких темных тонах, что на нем почти ничего нельзя разглядеть. Рядом с письменным столом кресло для деловых посетителей. Еще два кресла в простенке между бюстами. Входит горничная и подает карточку. Роубэк, взглянув, кивает с довольным видом. По-видимому, гость желанный.

Рэмсден. Просите.

Горничная выходит и возвращается с посетителем.

Горничная. Мистер Робинсон.

Мистер Робинсон — молодой человек на редкость приятной внешности. Невольно возникает мысль, что это и есть первый любовник, так как трудно предположить, что в одной пьесе могут оказаться два столь привлекательных персонажа мужского пола. Стройная, элегантная фигура в трауре, как видно, недавно надетом; маленькая голова и правильные черты лица, приятные небольшие усики, открытый ясный взгляд, здоровый румянец на юношески свежем лице; тщательно причесанные волосы красивого темно-каштанового оттенка, не кудрявые, но шелковистые и блестящие, нежный изгиб бровей, высокий лоб и слегка заостренный подбородок — все в нем обличает человека, которому предназначено любить и страдать. А что при этом он не будет испытывать недостатка в сочувствии, тому порукой его подкупающая искренность и стремительная, но не назойливая услужливость — знак природной доброты. При его появлении лицо Рэмсдена расцветает приветливой, отечески-ласковой улыбкой, которую, однако, тут же сменяет приличествующая случаю скорбная мина, так как на лице у молодого человека написана печаль, вполне гармонирующая с черным цветом его костюма. Рэмсдену, по-видимому, известна причина этой печали. Когда гость молча подходит к столу, старик встает и через стол пожимает ему руку, не произнося ни слова: долгое сердечное рукопожатие, которое повествует о недавней утрате, одинаково тяжело для обоих.

Рэмсден (

покончив с рукопожатием и приободрившись). Ну, ну, Октавиус, такова общая участь. Всех нас рано или поздно ожидает то же. Садитесь.

Октавиус садится в кресло для посетителей. Рэмсден снова опускается в свое.

Октавиус. Да, всех нас это ожидает, мистер Рэмсден. Но я стольким был ему обязан. Родной отец, будь он жив, не сделал бы для меня больше.

Рэмсден. У него ведь никогда не было сына.

Октавиус. Но у него были дочери; и тем не менее он относился к моей сестре не хуже, чем ко

мне. И такая неожиданная смерть! Мне все хотелось выразить ему свою признательность, чтобы он не думал, что я все его заботы принимаю как должное, как сын принимает заботы отца. Но я ждал подходящего случая; а теперь вот он умер — в один миг его не стало, и он никогда не узнает о моих чувствах. (

Достаёт платок и непритворно плачет.)

Рэмсден. Как знать, Октавиус. Быть может, он все отлично знает; нам об этом ничего не известно. Ну полно! Успокойтесь.

Октавиус, овладев собой, прячет платок в карман.

Вот так. А теперь я хочу рассказать вам кое-что в утешение. При последнем нашем свидании — здесь, в этой самой комнате, — он сказал мне: «Тави славный мальчик, у него благородная душа. Когда я вижу, как мало уважения оказывают иные сыновья своим отцам, я чувствую, что он для меня лучше родного сына». Вот видите! Теперь вам легче?

Октавиус. Мистер Рэмсден! Я часто слышал от него, что за всю свою жизнь он знал только одного человека с истинно благородной душой — Роубэка Рэмсдена.

Рэмсден. Ну, тут он был пристрастен: ведь наша с ним дружба длилась много лет. Но он мне еще кое-что о вас говорил. Не знаю, рассказывать ли вам.

Октавиус. Судите сами.

Рэмсден. Это касается его дочери.

Октавиус (

порывисто). Энн! О, расскажите, мистер Рэмсден, расскажите!

Рэмсден. Он говорил, что в сущности даже лучше, что вы не его сын; потому что, быть может, когда-нибудь вы с Энни...

Октавиус густо краснеет.

Пожалуй, напрасно я вам рассказал. Но он всерьез задумывался об этом.

Октавиус. Ах, если б я только смел надеяться! Вы знаете, мистер Рэмсден, я не стремлюсь ни к богатству, ни к так называемому положению, и борьба за это меня нисколько не увлекает. Но Энн, видите ли, при всей утонченности своей природы так свыклась с подобными стремлениями, что мужчина, лишенный честолюбия, ей кажется неполноценным. Если она станет моей женой, ей придется убеждать себя не стыдиться того, что я ни в чем особенно не преуспел; и она это знает.

Рэмсден (

встав, подходит к камину и поворачивается спиной к огню). Глупости, мой мальчик, глупости! Вы слишком скромны. Что в ее годы можно знать об истинных достоинствах мужчины? (

Более серьезным тоном.) И потом она на редкость почтительная дочь. Воля отца будет И для нее священна. С тех пор как она вышла из детского возраста, не было, кажется, случая, чтобы она, собираясь или же отказываясь что-нибудь сделать, сослалась на собственное желание. Только и слышишь, что «папа так хочет» или «мама будет недовольна». Это уж даже не достоинство, а скорей недостаток. Я не раз говорил ей, что пора научиться самой отвечать за свои поступки.

Октавиус (

качая головой). Мистер Рэмсден, я не могу просить ее стать моей женой только потому, что этого хотел ее отец.

Рэмсден. Гм! Пожалуй, вы правы. Да, в самом деле вы правы. Согласен, так не годится. Но если вам удастся расположить ее к себе, для нее будет счастьем, следуя собственному желанию, в то же время исполнить желание отца. Нет, правда, сделайте вы ей предложение, а?

Октавиус (

невесело улыбаясь). Во всяком случае я вам обещаю, что никогда не сделаю предложения другой женщине.

Рэмсден. А вам и не придется. Она согласится, мой мальчик! Хотя (

со всей подобающей случаю важностью) у вас есть один существенный недостаток.

Октавиус (

тревожно). Какой недостаток, мистер Рэмсден? Вернее — который из моих многочисленных недостатков?

Рэмсден. Я вам это скажу, Октавиус. (

Берет со стола книгу в красном переплете.) То, что я сейчас держу в руках, — самая гнусная, самая позорная, самая злонамеренная, самая непристойная книга, какой когда-либо удавалось избежать публичного сожжения на костре. Я не читал ее, — не желаю засорять себе мозги подобной дрянью; но я читал, что пишут о ней газеты. Достаточно одного заглавия (

читает): «Спутник революционера. Карманный справочник и краткое руководство. Джон Тэннер, Ч.П.К.Б. — Член Праздного Класа Богатых»[129].

Октавиус (

улыбаясь). Но Джек...

Рэмсден (

запальчиво). Прошу вас у меня в доме не называть его Джеком! (

С яростью швыряет книгу на стол; потом, несколько поостыв, обходит вокруг стола, останавливается перед Октавиусом и говорит торжественно и внушительно.) Вот что, Октавиус: я знаю, что мой покойный друг был прав, называя вас благородной душой. Я знаю, что этот человек — ваш школьный товарищ и что в силу дружбы, связывавшей вас в детстве, вы считаете своим долгом заступаться за него. Но обстоятельства изменились, и я прошу вас учесть это. В доме моего друга на вас всегда смотрели, как на сына. Вы в этом доме жили, и никто не мог закрыть его двери для ваших друзей. Благодаря вам этот человек, Тэннер, постоянно бывает там, чуть ли не с детских лет. Он без всякого стеснения зовет Энни просто по имени, так же как и вы. Покуда был жив ее отец, меня это не касалось. В его глазах этот человек, Тэннер, был только мальчишкой; он попросту смеялся над его взглядами, как смеются над карапузом, напялившим отцовскую шляпу. Однако теперь Тэннер стал взрослым мужчиной, а Энни — взрослой девушкой. И кроме того, отец ее умер. Его завещание еще не оглашено; но мы неоднократно обсуждали его вместе, и у меня нет ни малейших сомнений, что я назначен опекуном и попечителем Энни. (

Подчеркивая слова.) Так вот, заявляю вам раз и навсегда: я не хочу и не могу допустить, чтобы Экий ради вас постоянно терпела присутствие этой личности, Тэннера. Это несправедливо, это недостойно, это невозможно. Как вы намерены поступить?

Октавиус. Но Энн сама сказала Джеку, что, независимо от своих взглядов, он всегда будет у нее желанным гостем, потому что он знал ее дорогого отца.

Рэмсден (

выйдя из себя). Эта девушка просто помешалась на дочернем долге. (

Бросается, точно разъяренный бык, к Джону Брайту, но, не усмотрев на его лице сочувствия, поворачивает к Герберту Спенсеру, который его встречает еще более холодно.) Простите меня, Октавиус, но есть предел терпимости общества. Вы знаете, что я чужд ханжества, предрассудков. Вы знаете, что я был и остался просто Роубэком Рэмсденом, в то время как люди со значительно меньшими заслугами прибавили титул к своему имени; и это лишь потому, что я отстаивал равенство и свободу совести, вместо того чтобы заискивать перед церковью и аристократией. Мы с Уайтфилдом очень многое упустили в жизни благодаря своим передовым взглядам. Но анархизм, свободная любовь и тому подобное — это уже слишком даже для меня. Если я буду опекуном Энни, ей придется считаться с моим мнением. Я этого не позволю; я этого не потерплю. Джон Тэннер не должен бывать у нас, и у вас тоже.

Входит горничная.

Октавиус. Но...

Рэмсден (

останавливая его взглядом). Тс! (

Горничной.) Ну, что там?

Горничная. Сэр, вас желает видеть мистер Тэннер.

Рэмсден. Мистер Тэннер?!

Октавиус. Джек!

Рэмсден. Как смеет мистер Тэннер являться сюда? Скажите, что я не могу его принять!

Октавиус (

огорченный). Мне очень грустно, что вы хотите захлопнуть двери вашего дома перед моим другом.

Горничная (

невозмутимо). Он не у дверей, сэр. Он наверху, в гостиной у мисс Рэмсден. Он приехал вместе с миссис Уайтфилд, и мисс Энн, и мисс Робинсон, сэр.

Слова бессильны выразить, что при этом чувствует Рэмсден.

Октавиус (

весело улыбаясь). Это очень похоже на Джека, мистер Рэмсден. Вам придется принять его, хотя бы для того, чтобы выгнать.

Рэмсден (

отчеканивает слова, стараясь сдержать свою ярость). Ступайте наверх и передайте мистеру Тэннеру, что я жду его у себя в кабинете.

Горничная выходит.

(

В поисках укрепления позиции снова становится у камина.) Ну, признаюсь, подобной неслыханной дерзости... но если таковы анархистские нравы, вам они, как видно, по душе. И Энни в его обществе! Энни! Э... (

Задохнулся.)

Октавиус. Да, это и меня удивляет. Он отчаянно боится Энн. Что-нибудь, вероятно, случилось.

Мистер Джон Тэннер рывком отворяет дверь и входит в комнату. Не будь он так молод, о нем можно было бы сказать кратко: высокий мужчина с бородой. Во всяком случае, ясно, что, достигнув средних лет, он будет относиться именно к этой категории. Сейчас его фигуре еще свойственна юношеская стройность, но он меньше всего стремится производить впечатление юноши; его сюртук сделал бы честь премьер-министру, а внушительный разворот его широких плеч, надменная посадка головы и олимпийская величественность гривы, или, скорее, копны каштановых волос, откинутых с высокого лба, больше напоминают Юпитера, чем Аполлона. Он необыкновенно многоречив, непоседлив, легко увлекается (отметьте вздрагивающие ноздри и беспокойный взгляд голубых глаз, раскрытых на одну тридцать вторую дюйма шире, чем нужно), быть может, слегка безумен. Одет с большой тщательностью — не из тщеславной слабости к внешнему лоску, но из чувства значительности всего, что он делает. И это чувство заставляет его относиться к простому визиту, как другие относятся к женитьбе или к закладке общественного здания. Впечатлительная, восприимчивая, склонная к преувеличениям, пылкая натура; одержим манией величия, и только чувство юмора спасает его.

В данную минуту это чувство юмора ему изменило. Сказать, что он взволнован — мало; он всегда находится в той или иной фазе взволнованности. Сейчас он в фазе панического ужаса; он идет прямо на Рэмсдена, как бы с твердым намерением пристрелить его тут же, у его собственного камина. Однако из внутреннего кармана он выхватывает не револьвер, а свернутый в трубку документ и, потрясая им перед носом возмущенного Рэмсдена, восклицает:

Тэннер. Рэмсден! Вы знаете, что это такое?

Рэмсден (

высокомерно). Нет, сэр.

Тэннер. Это копия завещания Уайтфилда. Энн получила его сегодня утром.

Рэмсден. Под «Энн» вы, я полагаю, подразумеваете мисс Уайтфилд?

Тэннер. Я подразумеваю нашу Энн, вашу Энн, его Энн, а теперь — да поможет мне небо! — и мою Энн!

Октавиус (

встает, сильно побледнев). Что ты хочешь сказать?

Тэннер. Что я хочу сказать? (

Взмахивает документом.) Знаете, кто назначен опекуном Энн по этому завещанию?

Рэмсден (

холодно). Полагаю, что я.

Тэннер. Вы! Вы и я, сударь. Я! Я!! Я!!! Мы оба! (

Швыряет завещание на письменный стол.)

Рэмсден. Вы? Этого не может быть.

Тэннер. Это ужасно, но это так. (

Бросается в кресло, с которого встал Октавиус.) Рэмсден! Делайте, что хотите, но избавьте меня от этого. Вы не знаете Энн так, как я ее знаю. Она совершит все преступления, на которые способна порядочная женщина, — и во всех оправдается, утверждая, что исполняла волю своих опекунов. Она все будет сваливать на нас, а слушаться нас будет не больше, чем кошка пары мышат.

Октавиус. Джек! Я прошу тебя не говорить так об Энн!

Тэннер. А этот голубчик влюблен в нее! Вот еще осложнение. Теперь она или насмеется над ним и скажет, что я его не одобрил, или выйдет за него замуж и скажет, что вы ее заставили. Честное слово, это самый тяжелый удар, какой только мог обрушиться на человека моего возраста и склада!

Рэмсден. Позвольте взглянуть на завещание, сэр. (

Подходит к письменному столу и берет документ в руки.) Не могу себе представить, чтобы мой друг Уайтфилд проявил такое отсутствие доверия ко мне, поставив меня рядом с... (

По мере чтения лицо у него вытягивается.)

Тэннер. Я сам виноват во всем — вот жестокая ирония судьбы! Он мне как-то сказал, что наметил вас в опекуны Энн; и нелегкая меня дернула ему доказывать, что глупо оставлять молодую девушку на попечении старика с допотопными взглядами.

Рэмсден (

остолбенев). Это у меня допотопные взгляды!!!

Тэннер. Безусловно. Я тогда только что закончил статью под названием «Долой правление седовласых» и весь был набит примерами и доказательствами. Я говорил, что самое правильное — сочетать житейский опыт старости с энергией молодости. Теперь ясно: он меня поймал на слове и изменил завещание — оно подписано примерно через две недели после нашего разговора, — назначив меня вторым опекуном!

Рэмсден (

бледный и исполненный решимости). Я откажусь от опекуна.

Тэннер. Не поможет. Я всю дорогу от самого Ричмонда отказывался, но Энн твердит одно: конечно, она теперь сирота, и с какой стати люди, которые охотно бывали в доме при жизни ее отца, станут утруждать себя заботами о ней. Последнее изобретение! Сирота! Это все равно, как если бы броненосец стал вдруг жаловаться, что некому защитить его от волн и ветра!

Октавиус. Нехорошо, Джек. Она действительно сирота. И ты должен быть ей опорой.

Тэннер. Опорой! Разве ей угрожает что-нибудь? На ее стороне закон, на ее стороне всеобщее сочувствие, у нее много денег и ни капли совести. Я нужен ей только для того, чтобы она могла взвалить на меня моральную ответственность за свои поступки и делать все, что ей хочется, прикрываясь моим именем. Я не смогу ее контролировать; зато она сможет меня компрометировать сколько ей вздумается. Это не лучше, чем быть ее мужем.

Рэмсден. Вы вправе отказаться от опекунства. Я во всяком случае откажусь, если мне придется делить опекунские обязанности с вами.

Тэннер. Да! А что она скажет? Что она уже говорит? Что воля отца для нее священна и что все равно, соглашусь я или нет, она всегда будет смотреть на меня как на своего опекуна. Отказаться! Попробуйте отказаться от объятий боа-констриктора[130], когда он уже обвился вокруг вашего тела?

Октавиус. Ты совершенно не щадишь моих чувств, Джек.

Тэннер (

встает и подходит к Октавиусу, чтобы его успокоить, но говорит прежним жалобным тоном). Если ему понадобился молодой опекун, почему он не назначил Тави?

Рэмсден. А в самом деле, почему?

Октавиус. Я вам скажу. Он заговаривал со мной об этом; но я отказался, потому что люблю Энн. Я не считал для себя возможным навязываться ей в качестве опекуна. Он и с ней говорил об этом; и она сказала, что я прав. Вы знаете, что я люблю Энн, мистер Рэмсден; и Джек тоже знает. Будь у Джека любимая женщина, я не стал бы в его присутствии называть ее боа-констриктором, даже если бы она мне очень не нравилась. (

Садится между бюстами и отворачивается к стене.)

Рэмсден. Я считаю, что Уайтфилд был невменяем, когда писал это завещание. Вы сами признали, что он сделал это под вашим влиянием.

Тэннер. Можете мне спасибо сказать за мое влияние. Он оставил вам две с половиной тысячи в вознаграждение за хлопоты. Тави он оставил приданое для сестры и пять тысяч лично ему.

Октавиус (

снова заливаясь слезами). О, я не могу принять этих денег. Он был слишком добр к нам.

Тэннер. А ты их и не получишь, если Рэмсден будет оспаривать завещание.

Рэмсден. Ах, вот оно что! Вы мне, значит, устроили ловушку.

Тэннер. Мне он не оставил ничего, кроме заботы о нравственности Энн, на том основании, что у меня и так больше денег, чем нужно. Разве это не доказательство, что он был в здравом уме и твердой памяти?

Рэмсден (

мрачно). Пожалуй.

Октавиус (

встает и выходит из своего убежища у стены). Мистер Рэмсден, вы, я вижу, предубеждены против Джека. Он честный человек и не способен злоупотребить...

Тэннер. Замолчи, Тави! Ты меня с ума сведешь. При чем тут честность! Я просто живой человек, которого мертвый хватает за горло. Нет, Тави! Придется тебе жениться на ней и избавить меня от нее. А я-то всей душой стремился тебя от этого спасти!

Октавиус. Что ты говоришь, Джек? Спасти от величайшего счастья!

Тэннер. Да, от счастья на всю жизнь. Если б речь шла о счастье на полчаса, я отдал бы свой последний пенни, чтобы купить его для себя. Но счастье на всю жизнь! Нет такого человека, который мог бы это вынести; это был бы ад на земле.

Рэмсден (

гневно). Чушь, сэр! Говорите серьезно или ищите себе других собеседников. Я слишком занят, чтобы слушать вздор, который вы мелете. (

Стремглав бросается к столу и садится в кресло.)

Тэннер. Вот, слышишь, Тави? Самая свежая идея у него в голове относится к шестидесятым годам. Нет, нельзя оставить Энн только на его попечении.

Рэмсден. Я горжусь тем, что вы столь пренебрежительно относитесь к моим взглядам, сэр. Ваши, я полагаю, изложены в этой книжке?

Тэннер (

бросаясь к столу). Что? У вас есть моя книга? Ну, как она вам понравилась?

Рэмсден. Вы воображаете, что я стану читать такую книгу, сэр?

Тэннер. А зачем же вы ее купили?

Рэмсден. Я не покупал ее, сэр. Мне ее прислала одна неразумная дама, которая, по-видимому, в восторге от ваших воззрений. Я собирался поступить с этой книгой так, как она заслуживает, но мне помешал Октавиус. Если разрешите, я это сделаю сейчас. (

Швыряет книгу в корзину для бумаг с такой силой, что Тэннер невольно отшатывается, как будто книга полетела ему в голову.)

Тэннер. Вы не более благовоспитанны, чем я. Но тем лучше; теперь мы можем разговаривать без особых церемоний. (

Садится снова.) Что вы намерены предпринять по поводу этого завещания?

Октавиус. Можно мне сказать?

Рэмсден. Разумеется, Октавиус.

Октавиус. Мне кажется, мы забываем, что у самой Энн могут быть какие-нибудь пожелания на этот счет.

Рэмсден. Я вполне готов в разумной мере сообразоваться с желаниями Энн. Но ведь она только женщина, и притом женщина молодая и неопытная.

Тэннер. Рэмсден! Я начинаю жалеть вас.

Рэмсден (

раздраженно). Меня не интересуют ваши чувства по отношению ко мне, мистер Тэннер.

Тэннер. Энн поступит, как ей хочется. Мало того, она заставит нас посоветовать ей поступить именно так; и если дело обернется неудачно, она свалит вину на нас. Но раз Тави не терпится ее увидеть...

Октавиус (

смущенно). Вовсе нет, Джек.

Тэннер. Лжешь, Тави: конечно, не терпится. Так пригласим ее сюда и спросим, как она намерена заставить нас поступить. Ну, живо, Тави, иди за ней.

Октавиус направляется к двери.

И не задерживайся, а то при наших с Рэмсденом натянутых отношениях ожидание может показаться томительным.

Рэмсден поджимает губы, но молчит.

Октавиус. Не обращайтесь на него внимания, мистер Рэмсден. Он шутит. (

Выходит.)

Рэмсден (

раздельно и веско). Мистер Тэннер, вы самый бесстыдный человек из всех, кого я знаю.

Тэннер (

серьезно). Да, Рэмсден. И все-таки даже я не могу полностью победить в себе стыд. Мы живем в атмосфере стыда. Мы стыдимся всего, что в нас есть подлинного; стыдимся самих себя, своих родственников, своих доходов, своего произношения, своих взглядов, своего жизненного опыта точно так же, как мы стыдимся своего обнаженного тела. Помилуй бог, дорогой мой Рэмсден! Нам стыдно ходить пешком, стыдно ездить в omnibusе, стыдно нанимать экипаж, вместо того чтобы держать карету, стыдно держать одну лошадь вместо двух и грума, который в то же время и садовник, — вместо кучера и ливрейного лакея. Чем больше есть вещей, которых человек стыдится, тем он почтеннее. Взять хотя бы вас: вам стыдно купить мою книгу, стыдно ее прочесть; не стыдно только осуждать меня за нее, не прочтя; но и это означает лишь, что вам стыдно разделять еретические воззрения. А вот меня моя фея-крестная не наделила даром стыда — и что же? Я обладаю всеми достоинствами, которыми может обладать человек, за исключением...

Рэмсден. Очень рад, что вы о себе такого хорошего мнения.

Тэннер. Этим вы только хотите сказать, что мне бы нужно постыдиться говорить о своих достоинствах. Вы не хотите сказать, что у меня их нет; вы отлично знаете, что я такой же разумный и честный гражданин, как и вы, такой же принципиальный в личной жизни и гораздо более принципиальный в политических и моральных воззрениях.

Рэмсден (

задетый за самую чувствительную струнку). Я протестую. Я ни вам, ни кому другому не позволю рассматривать меня как рядового представителя английского общества. Я ненавижу его предрассудки, я презираю его ограниченность; я настаиваю на своем праве мыслить

самостоятельно. Вы разыгрываете передового человека. Позвольте вам сказать, что я был передовым человеком до того, как вы родились на свет.

Тэннер. Я так и думал, что это было очень давно.

Рэмсден. Я сейчас не менее передовой человек, чем прежде. Если вы считаете, что я хоть в чем-нибудь сдал позиции, — докажите. Я сейчас даже более передовой человек, чем прежде. Я с каждым днем становлюсь все...

Тэннер. Все старше, Полоний.

Рэмсден. Полоний! А вы, по-видимому, Гамлет?

Тэннер. Нет. Я только самый бесстыдный человек из всех, кого вы знаете. В вашем понимании — насквозь отрицательный тип. Вы захотели сказать мне правду в лицо и спросили себя с присущей вам прямоотой и справедливостью: что можно, по чести, сказать о нем скверного? Вор, лгун, мошенник, прелюбодей, клятвопреступник, пьяница, обжора? Ни одно из этих определений ко мне не подходит. Пришлось ухватиться за тот факт, что я лишен стыда. Ну что ж, согласен. Я даже рад этому: потому что если бы я стыдился своего настоящего «я», то имел бы такой же глупый вид, как вы все. Развейте в себе немного бесстыдства, Рэмсден, и вы станете поистине выдающейся личностью.

Рэмсден. Меня не...

Тэннер. Вас не привлекает такого рода слава? Черт возьми, я ждал этого ответа, как ждешь коробки спичек из автомата, в который опустил пенни: вы постыдились бы сказать что-нибудь другое.

Уничтожающей отповеди, к которой явно готовился Рэмсден, не суждено прозвучать, так как в эту самую минуту возвращается Октавиус, а с ним мисс Энн Уайтфилд и ее мать; и Рэмсден, вскочив, спешит им навстречу. Красива ли Энн? Ответ зависит от вашего вкуса, а кроме того — или, верней, главным образом, — от вашего возраста и пола. Для Октавиуса эта женщина обворожительно прекрасна, в ее присутствии преображается весь мир и тесные рамки индивидуального сознания раздвигаются вдруг до бесконечности силой мистической памяти о всей жизни человечества, начиная от первых шагов на Востоке или даже от изгнания из рая. В ней для него — реальность мечты, внутренний смысл бессмыслицы, прозрение истины, освобождение души, уничтожение границ места, времени и обстоятельств, превращение крови, текущей по жилам, в сладостные потоки драгоценной влаги жизни, разгадка всех тайн и освящение всех догм. Разумеется, мать Энн, мягко говоря, не видит в ней ничего подобного. Не то чтобы восторги Октавиуса были в какой-либо мере смешны или преувеличены. Энн — если на то пошло — вполне гармоничное создание; она очень женственна, изящна и миловидна, у нее пленительные глаза и волосы. Кроме того, траур отнюдь не придает ей унылого вида, как ее матери: она остроумно сочетала в своем костюме черный и лиловый шелк, сумев таким образом почтить память отца и в то же время отдать должное семейной традиции отважного неподчинения условностям, которой так кичится Рэмсден. Но не в этом сущность обаяния Энн. Вздерните ее нос, скосите глаза, замените черно-лиловый туалет передником и шалью уличной цветочницы, уснастите ее речь вульгаризмами — и мужчины все-таки будут мечтать о ней. Жизненный импульс так же прост, как и человеческая природа, но, подобно человеческой природе, он иногда возвышается до гениальности, и Энн — один из гениев жизненного импульса. Не подумайте, однако, что в ней преувеличено сексуальное начало: это говорило бы скорей о недостатке, а не об избытке жизненного импульса. Она вполне порядочная, вполне владеющая своими чувствами женщина, что сразу и видно, несмотря на некоторую наигранную экспансивность и непосредственность в духе времени. Она внушает доверие, как человек, который не сделает того, чего не захочет, и некоторое опасение, как женщина, которая, вероятно, сделает все,

что захочет, и при этом посчитается с другими не больше, чем потребуют обстоятельства и чем она сама найдет нужным. Короче говоря, она из тех женщин, о которых более слабые представительницы ее пола иногда говорят: это штука! Трудно представить себе зрелище более трогательное, чем ее появление и поцелуй, которым она, здороваясь, награждает Рэмсдена. Покойный мистер Уайтфилд был бы удовлетворен — а может быть, и выведен из терпения — вытянувшимися лицами мужчин (за исключением неугомонного Тэннера), безмолвными рукопожатиями, сочувственным пододвиганием стульев, сопением вдовы и влажными глазами дочери, которая явно не может справиться со своим сердечным волнением. Рэмсден и Октавиус берут кресла, стоящие в простенке, и предлагают их дамам; но Энн подходит к Тэннеру и садится в его кресло, которое он подставляет ей резким толчком, после чего дает выход своему раздражению, усевшись на край письменного стола в нарочито небрежной позе. Октавиус уступает миссис Уайтфилд место рядом с Энн, а сам садится на свободное кресло, которое Рэмсден поставил под самым носом у изваяния мистера Герберта Спенсера. Миссис Уайтфилд, кстати сказать, — маленькая женщина с блеклыми льняными волосами, напоминающими солому, приставшую к яйцу. У нее растерянно-хитрое выражение лица, в голосе слышится писклявая нотка протеста, и она словно постоянно старается оттеснить локтями кого-то более рослого, затолкавшего ее в угол. В ней легко угадать одну из тех женщин которые сознают, что их считают глупыми и незначительными, и хотя не имеют достаточно силы, чтобы отстоять себя, тем не менее упорно не подчиняются своей участи. Есть нечто рыцарское в безупречном внимании, с которым относится к ней Октавиус, хотя вся душа его заполнена Энн.

Рэмсден торжественно возвращается в свое судейское кресло за письменным столом и открывает заседание

Рэмсден. Мне очень неприятно, Энни, в такую тяжелую минуту заставлять вас заниматься делами. Но в завещании вашего незабвенного отца есть один весьма серьезный пункт. Вы, вероятно, уже читали завещание?

Энн, слишком взволнованная, чтобы говорить, подтверждает его предположение кивком и судорожным вздохом.

Признаюсь, я весьма удивлен, что опекуном и попечителем вашим и Роды назначен совместно со мной мистер Тэннер.

Пауза. Вид у слушателей глубокомысленный, но сказать им нечего.

(

Слегка озадаченный отсутствием какого-либо отклика на его слова, продолжает.) Едва ли я сочту возможным принять полномочия опекуна на таких условиях. Насколько мне известно, у мистера Тэннера также имеются возражения; я не хочу и не могу вникать в их смысл, он, несомненно, выскажется на эту тему сам. Однако мы оба сошлись на том, что не можем ничего решать, пока не выясним вашу точку зрения. Боюсь, что мне придется просить вас выбрать в опекуны кого-либо одного, меня или мистера Тэннера, потому что действовать совместно нам как будто не представляется возможным.

Энн (

тихим певучим голосом). Мама...

Миссис Уайтфилд (

поспешно). Нет уж, Энн, пожалуйста не сваливай все на меня. У меня на этот счет нет никакого мнения; а если б и было, вряд ли с ним стали бы считаться. Как вы втроем решите, так пусть и будет.

Тэннер поворачивает голову и пристально смотрит на Рэмсдена, но тот сердито отворачивается, не желая понимать его немую реплику.

Энн (

продолжает тем же нежным голосом, как бы не замечая бестактности матери). Мама знает, что ей не по силам нести всю ответственность за меня и Роду, не получая ни от кого совета и помощи. Роде необходим опекун; а я хоть и старше, но мне кажется, что незамужняя молодая женщина не должна быть целиком предоставлена самой себе. Вы, я думаю, согласны со мной, дединька?

Тэннер (

подскочив). Дединька! Вы намерены называть своих опекунов дединьками, Энн?

Энн. Джек, не говорите глупостей. Мистер Рэмсден всегда был для меня дедушкой Роубэком. Я — дединькина Эннинька, а он — Эннинькин дединька. Я назвала его так, едва научилась говорить.

Рэмсден (

саркастически). Полагаю, вы удовлетворены, мистер Тэннер? Продолжайте, Энни; я вполне согласен с вами.

Энн. А раз мне нужен опекун, как я могу отводить тех, кого мне выбрал мой дорогой папочка?

Рэмсден (

кусая губы). Значит, вы одобряете выбор вашего отца?

Энн. Я не могу одобрять или не одобрять. Я принимаю его. Папочка любил меня и лучше меня знал, что мне нужно.

Рэмсден. Я вполне понимаю ваши чувства, Энни. Они вам делают честь; ничего иного, впрочем, я от вас и не ожидал. Но вопрос сложнее, чем вам кажется. Позвольте, я поясню на примере. Предположим, вы бы узнали, что я совершил бесчестный поступок, — что я не тот, за кого принимал меня наш дорогой покойник. Вы все-таки считали бы правильным, чтобы я стал опекуном Роды?

Энн. Вы — и бесчестный поступок, дединька? Не могу себе этого даже представить!

Тэннер (

Рэмсдену). Неужели вы в самом деле что-нибудь такое сделали?

Рэмсден (

с негодованием). Конечно нет, сэр.

Миссис Уайтфилд (

миролюбиво). Ну так зачем же это предполагать?

Энн. Вот видите, дединька, мама не хочет, чтобы я предполагала.

Рэмсден (

в полном замешательстве). Вы обе, естественно, вкладываете столько чувства в разрешение

этих семейных вопросов, что мне очень трудно изложить вам дело, как оно есть.

Тэннер. Тем более, друг мой, что вы не излагаете дело, как оно есть.

Рэмсден (

сердито). В таком случае излагайте сами.

Тэннер. Сейчас. Энн, Рэмсден считает, что я не гожусь вам в опекуны; и я с ним вполне согласен. Он думает, что если бы ваш отец читал мою книгу, он бы меня не назначил. Эта книга и есть бесчестный поступок, о котором шла речь. Он считает, что ваш долг перед Родой — просить, чтобы он единолично взял на себя обязанности опекуна, а я бы от них отказался. Скажите свое слово, и я откажусь.

Энн. Но я не читала вашей книги, Джек.

Тэннер (

ныряя в корзину для бумаг, чтобы выудить оттуда книгу). Так прочтите ее сейчас же и решайте.

Рэмсден (

в неистовстве). Как ваш будущий опекун, Энни, я категорически запрещаю вам читать эту книгу! (

Встает, стукнув кулаком по столу.)

Энн. Раз вы не хотите, я, конечно, не стану. (

Кладет книгу на стол.)

Тэннер. Как же быть, если один опекун запрещает вам читать книгу, написанную другим опекуном? А если я вам прикажу ее прочесть? Ведь вы и меня должны слушаться.

Энн (

кротко). Я уверена, Джек, что вы никогда не поставите меня намеренно в такое затруднительное положение.

Рэмсден (

раздраженно). Да, да, Энни, все это очень хорошо, и, как я уже сказал, вполне естественно и понятно. Но вы должны выбрать что-нибудь одно. Это положение в равной мере затруднительно и для нас.

Энн. Я, право, слишком молода, слишком неопытна, чтобы решать. Воля моего отца для меня священна.

Миссис Уайтфилд. Если уж вы, мужчины, не хотите с этой волей считаться, нехорошо с вашей стороны перекладывать всю ответственность на Энн. Почему это люди всегда все стараются свалить на других?

Рэмсден. Мне очень жаль, если вы представляете себе дело таким образом.

Энн (

умильно). Неужели вы откажетесь взять меня под свою опеку, дединька?

Рэмсден. Нет. Я этого не говорил. Я только очень не хотел бы делить свои полномочия с мистером Тэннером, вот и все.

Миссис Уайтфилд. А почему? Что вам сделал бедный Джек?

Тэннер. У меня для него слишком передовые взгляды.

Рэмсден (

возмущенно). Неправда. Я решительно протестую против этого.

Энн. Ну конечно, неправда. Что за глупости! Самые передовые взгляды всегда были у дединьки! Я уверена, что это Джек во всем виноват. Полно, Джек! Будьте великодушны ко мне в моем горе. Вы ведь не откажетесь взять меня под свою опеку, правда?

Тэннер (

мрачно). Нет. Я сам впутался в эту историю; так что, видимо, придется мне расплачиваться. (

Отходит к книжному шкафу и, повернувшись спиной, угрюмо изучает заглавия на корешках книг.)

Энн (

встает, сияя сдерживаемой, но бурной радостью). Ну, вот мы и сговорились; и воля дорогого папочки будет исполнена. Если б вы знали, какая это радость для меня и для мамы! (

Подходит к Рэмсдену и берет его за обе руки со словами.) И мой милый дединька будет наставлять меня и поддерживать. (

Оглядывается через плечо на Тэннера.) И Джек Победитель Великанов[131] тоже. (

Идет мимо кресла матери к Октавиусу.) И его неразлучный дружок Рикки-Тикки-Тави[132]!

Октавиус краснеет; вид у него до крайности глупый.

Миссис Уайтфилд (

встает и расправляет свой вдовый креп). Раз уж вы теперь опекун Энн, мистер Рэмсден, хоть бы вы ее отучили от этой несносной привычки давать людям прозвища. Вряд ли это кому-нибудь может нравиться. (

Идет к двери.)

Энн. Ах, мама, что вы говорите! (

Покраснев от искреннего раскаяния.) Неужели это правда? Я как-то никогда не думала... (

Поворачивается к Октавиусу, который сидит на стуле верхом, облокотившись на спинку, кладет ему руку на лоб и запрокидывает его голову.) Вы хотите, чтоб с вами обращались, как со взрослым? Может быть, мне впредь называть вас мистер Робинсон?

Октавиус (

серьезно). О нет, пожалуйста, зовите меня Рикки-Тикки-Тави. Я просто не перенесу «мистера Робинсона».

Энн (

смеется и треплет его по щеке, потом возвращается к Рэмсдену). А ведь, пожалуй, дединька и в самом деле звучит дерзко. Но только мне и в голову не приходило, что это может вас обидеть.

Рэмсден (

растаяв, треплет ее по плечу). Глупости, дорогая Энни, глупости. Я настаиваю на «дединьке». Я Эннинькин дединька — и на другое имя просто откликаться не буду.

Энн (

с признательностью). Все вы меня балуете, — все, кроме Джека.

Тэннер (

у шкафа, говорит через плечо). Да, я считаю, что вы должны называть меня мистер Тэннер.

Энн (

кратко). Вовсе вы этого не считаете, Джек. Это вы только так говорите, назло. Обычная ваша манера; тот, кто вас знает, не станет обращать на это внимания. Но если хотите, в честь вашего прославленного предка я могу называть вас Дон Жуаном.

Рэмсден. Дон Жуаном?

Энн (

невинно). А разве это нехорошо? Я не знала. Ну тогда я, конечно, не буду. Можно мне называть вас Джек, пока я не придумаю что-нибудь другое?

Тэннер. Нет, уж ради всего святого больше ничего не придумывайте. Я сдаюсь. Я согласен на Джека. Я в восторге от Джека. На том кончается моя первая и последняя попытка утвердить свой авторитет.

Энн. Вот видите, мама, всем нравится, когда их зовут ласкательными именами.

Миссис Уайтфилд. А все-таки ты бы могла бросить эту привычку хотя бы на время траура.

Энн (

пораженная в самое сердце, с упреком). О мама, зачем вы мне напомнили? (

Поспешно выходит из комнаты, чтобы скрыть свое волнение.)

Миссис Уайтфилд. Ну конечно, опять я виновата. (

Идет вслед за Энн.)

Тэннер (

отходя от шкафа). Что ж, Рэмсден, мы разбиты, уничтожены, обращены в ничто, не лучше мамы.

Рэмсден. Глупости, сэр! (

Выходит из комнаты вслед за миссис Уайтфилд.)

Тэннер (

оставшись наедине с Октавиусом, смотрит на него лукавым, испытующим взглядом). Тави! Хотел бы ты чего-нибудь достигнуть в жизни?

Октавиус. Я хотел бы стать великим поэтом. Я хотел бы написать драму.

Тэннер. С Энн в качестве героини?

Октавиус. Да. Ты угадал.

Тэннер. Берегись, Тави. Энн в качестве героини драмы — это еще ничего. Но если ты не будешь остерегаться — даю голову на отсечение, она за тебя выйдет замуж.

Октавиус (

вздыхая). Ах, Джек, если бы я мог на это надеяться!

Тэннер. Голубчик мой, да ведь твоя голова в пасти у тигрицы! Ты уже почти проглочен, в три приема: раз — Рикки; два — Тикки; три — Тави, — и поминай как звали!

Октавиус. Она со всеми такая, Джек; ты ведь ее знаешь.

Тэннер. Да. Она каждому перешибает лапой спину; но весь вопрос в том, кого из нас она съест? Мне лично кажется, что она думает съесть тебя.

Октавиус (

встает, сердито). Возмутительно — говорить в таком тоне о девушке, которая в соседней комнате оплакивает своего отца. Но я так хочу, чтоб она меня съела, что готов терпеть твои грубости, ибо ты мне подаешь надежду.

Тэннер. Вот видишь, Тави, это и есть сатанинское в женщине: она заставляет человека стремиться к собственной гибели.

Октавиус. Какая же это гибель? Это достижение заветной цели.

Тэннер. Да, ее цели; но эта цель не в том, чтобы дать счастье тебе или себе, а лишь в том, чтобы удовлетворить природу. Женщина одержима слепой страстью созидания. Этой страсти она приносит в жертву себя; что же, ты думаешь, она остановится перед тем, чтобы и тебя принести в жертву?

Октавиус. Но именно потому, что ей свойственно самопожертвование, она не станет приносить в жертву тех, кого любит.

Тэннер. Глубочайшее заблуждение, Тави. Женщины, склонные к самопожертвованию, особенно легко приносят в жертву других. Они чужды эгоизма и потому добры в мелочах. Они служат цели, которая продиктована не их личными интересами, а интересами вселенной, и поэтому мужчина для них — лишь средство к достижению этой цели.

Октавиус. Ты несправедлив, Джек. Разве они не окружают нас самой нежной заботой?

Тэннер. Да, как солдат свою винтовку или музыкант свою скрипку. Но разве мы смеем стремиться к собственной цели или проявлять собственную волю? Разве бывает, чтобы одна женщина уступила мужчине другой? И как бы ни был силен мужчина, разве он может спастись, если уж он стал собственностью? Женщины дрожат, когда мы в опасности, и плачут, когда мы умираем, но это не о нас слезы, а о возможном отце, о понапрасну вскормленном сыне. Они обвиняют нас в том, что мы видим в них лишь орудие наслаждения;

но может ли такой слабый, мимолетный каприз, как наслаждение одного мужчины, настолько поработить женщину, насколько цель всей природы, воплощенная в женщине, поработает мужчину?

Октавиус. Но ведь это рабство делает нас счастливыми? Так не все ли равно?

Тэннер. Все равно, если не имеешь собственной цели в жизни и, подобно большинству мужчин, являешься просто кормильцем семьи. Но ведь ты — художник; а это значит, что у тебя есть своя цель, такая же всепоглощающая и корыстная, как цель женщины.

Октавиус. Как это корыстная?

Тэннер. А очень просто. Истинный художник скорее допустит, чтобы его жена голодала, дети ходили босыми, семидесятилетняя мать гнула спину ради его пропитания, чем станет заниматься чем-нибудь, кроме своего искусства. С женщинами он наполовину вивисектор, наполовину вампир. Он вступает с ними в интимные отношения для того, чтобы изучить их, чтобы сорвать с них маску условностей, чтобы проникнуть в самые сокровенные их тайны, зная, что они способны вызвать к жизни заложенную в нем творческую энергию, спасти его от холодной рассудочности, заставить его грезить и видеть сны, вдохновлять его, как он это называет. Он убеждает женщин, что все это приближает их к цели, тогда как на самом деле он думает только о своей. Он похищает молоко матери и превращает его в черную типографскую краску, чтобы, насмеявшись над своей жертвой, прославлять некий отвлеченный идеал женщины. Под предлогом избавления ее от мук материнства он стремится сохранить для себя одного заботу и нежность, которые по праву принадлежат ее детям. С тех пор, как существует институт брака, великие художники всегда были известны как дурные мужья. Хуже того: каждый из них — вор, обкрадывающий детей, кровопийца, лицемер и плут. Пусть выродится человечество, пусть тысячи женщин иссохнут в бесплодии, если только это поможет ему лучше сыграть Гамлета, написать более талантливую картину, создать проникновенную поэму, замечательную пьесу, глубокую философскую систему! Помни, Тави, художник творит затем, чтобы показать нас самим себе такими, какие мы есть. Наш разум — не что иное, как самопознание; и тот, кто хоть ничтожную каплю может прибавить к этому познанию, обновляет разум, — подобно тому как женщина обновляет человеческий род. В своем неистовстве созидания он так же безжалостен, как и женщина, так же опасен для нее, как она для него, и так же грозно пленителен. Человечество не знает борьбы более коварной и беспощадной, чем борьба мужчины-художника с женщиной-матерью. Кто кого? Иного исхода нет. И борьба смертельна именно потому, что, выражаясь вашим романтическим языком, они любят друг друга.

Октавиус. Будь это даже так — чего я ни на минуту не допускаю, — ведь именно в смертельной борьбе выковываются благородные характеры.

Тэннер. Советую тебе вспомнить об этом при ближайшей встрече с медведем гризли или с бенгальским тигром.

Октавиус. Я хотел сказать: там, где есть любовь, Джек.

Тэннер. О, тигр будет любить тебя! Нет любви более искренней, чем любовь к тому, что можно употребить в пищу. По-моему, именно так тебя любит Энн; она похлопала тебя по щеке, словно это была в меру поджаренная баранья котлетка.

Октавиус. Знаешь ли, Джек, мне бы давно следовало убежать от тебя без оглядки, если бы я не взял себе за правило не обращать внимания на твои слова. Ты иногда говоришь такое, что просто слушать невыносимо.

Возвращается Рэмсден, и за ним Энн. Они входят быстрым шагом, прежний досужий и торжественно-скорбный вид сменился у них выражением неподдельной озабоченности, а у

Рэмсдена, кроме того, и тревоги. Он останавливается, собираясь обратиться к Октавиусу, но при виде Тэннера сразу спохватывается.

Рэмсден. Никак не думал застать вас еще здесь, мистер Тэннер.

Тэннер. Я мешаю? Всего наилучшего, коллега опекун. (

Идет к двери.)

Энн. Джек, погодите. Ведь все равно, дединька, рано или поздно он узнает.

Рэмсден. Октавиус! Я должен сообщить вам нечто в высшей степени серьезное. Речь идет о весьма интимном и щекотливом обстоятельстве — и весьма неприятном, как ни грустно мне в этом признаться. Вы желаете, чтобы я говорил в присутствии мистера Тэннера?

Октавиус (

побледнев). У меня нет секретов от Джека.

Рэмсден. Прежде чем вы примете окончательное решение, я должен вас предупредить, что дело касается вашей сестры и что произошло нечто ужасное.

Октавиус. Вайолет?! Что случилось? Она... она умерла?

Рэмсден. Это было бы не самое худшее.

Октавиус. Ранена? Несчастный случай?

Рэмсден. Да нет же. Совсем другое.

Тэннер. Энн, может быть, у вас хватит элементарной человечности толком сказать нам, в чем дело?

Энн (

шепотом). Не могу. Вайолет совершила нечто ужасное. Придется увезти ее куда-нибудь. (

Порхнув к письменному столу, усаживается в кресло Рэмсдена, предоставив мужчинам самим выпутываться из затруднения.)

Октавиус (

озаренный догадкой). Мистер Рэмсден, вы хотите сказать...

Рэмсден. Да.

Октавиус, уничтоженный, падает в кресло.

Боюсь, нам придется признать установленным факт, что три недели тому назад, когда все мы считали, что Вайолет гостит у Парри Уайтфилдов, она находилась вовсе не в Истборне. А не далее как вчера миссис Парри Уайтфилд встретила ее с обручальным кольцом на пальце в приемной у некоего врача; таким образом все и раскрылось.

Октавиус (

вскакивает, сжимая кулаки). Кто этот негодяй?

Энн. Она не говорит.

Октавиус (

снова рухнув в кресло). Какой ужас!

Тэннер (

с едким сарказмом). Ужасно! Потрясающе! Хуже смерти, как считает Рэмсден. (

Подходит к Октавиусу.) Ты бы, наверно, предпочел услышать, что она попала под поезд и осталась без ног или еще что-нибудь столь же благопристойное и заслуживающее сочувствия.

Октавиус. Как ты жесток, Джек!

Тэннер. Жесток? Но послушай, милый мой, чего ты, собственно, убиваешься? Вот женщина, о которой все мы до сих пор знали только то, что она рисует скверные акварели, разыгрывает на рояле Грига и Брамса, бегает по концертам и по гостям, тратя впустую жизнь и деньги. И вдруг мы узнаем, что она бросила всю эту дребедень и обратилась к своей величайшей цели и самому высокому назначению — увеличивать, умножать и пополнять население земли. И вместо того, чтобы восхититься ее мужеством и возрадоваться проявлению великого инстинкта, вместо того, чтоб увенчать торжество женской сущности и возгласить в победном гимне «Младенец родился нам; сын дан нам», — вы, весело чирикавшие под траурным крепом, строите постные мины, и вид у вас такой жалкий и пристыженный, словно девушка совершила самое отвратительное преступление.

Рэмсден (

рыча от бешенства). Я не потерплю, чтобы подобные гнусности произносились в моем доме!
(

Ударяет кулаком по столу.)

Тэннер. Слушайте, если вы еще раз оскорбите меня, я поймаю вас на слове и уйду из вашего дома. Где сейчас Вайолет, Энн?

Энн. А что? Вы к ней пойдете?

Тэннер. Конечно, я к ней пойду. Ей нужна помощь; ей нужны деньги; ей нужно знать, что ее уважают, радуются за нее; нужна уверенность, что ее ребенок ни в чем не будет нуждаться. От вас она вряд ли получит все это; пусть же получит от меня. Где она?

Энн. До чего вы своенравны, Джек. Она наверху.

Тэннер. Как? Под священным кровом Рэмсдена? Скорей, Рэмсден, идите и свершите свой жалкий долг. Выбросьте ее на улицу. Отмойте свой порог от прикосновения заразы. Восстановите чистоту английского домашнего очага. Я иду за кэбом.

Энн (

встревоженно). Нет, нет, дединька, не надо!

Октавиус (

встает, убитый горем). Я увезу ее, мистер Рэмсден. Она не смела являться в ваш дом.

Рэмсден (

возмущенно). Но я только и думаю о том, как помочь ей. (

Повернувшись к Тэннеру.) Кто дал вам право, сэр, приписывать мне столь чудовищные намерения? Я протестую. Я готов отдать свой последний пенни, чтобы избавить ее от необходимости искать защиты у вас.

Тэннер (

сразу унимаясь). Ну вот и отлично. Он не собирается поступать согласно своим принципам. Значит, решено: мы все окажем Вайолет поддержку.

Октавиус. Но кто виновник? Он может исправить зло, женившись на ней; и он сделает это — или будет иметь дело со мной!

Рэмсден. Правильно, Октавиус. Вот это слова мужчины!

Тэннер. Значит, он, по-твоему, не такой уж негодяй?

Октавиус. Что? Да он величайший негодяй!

Рэмсден. Отъявленный негодяй, черт его побери! Простите меня, Энни, я не мог сдержаться.

Тэннер. Так, значит, чтобы возратить твою сестру на путь добродетели, мы должны выдать ее замуж за отъявленного негодяя? Честное слово, вы все с ума сошли.

Энн. Джек, не говорите глупостей. Конечно, вы совершенно правы, Тави; но только мы ведь не знаем, кто он. Вайолет не говорит.

Тэннер. А зачем нам это знать, спрашивается? Он свое сделал; остальное — дело Вайолет.

Рэмсден (

вне себя). Вздор! Бред! В нашу среду проник мерзавец, распутник, злодей, который хуже убийцы, — и мы не должны знать его имени? Мы останемся в неведении и будем пожимать ему руку, принимать его у себя в доме, доверять ему своих дочерей! Мы... Мы....

Энн (

умиротворяюще). Ну, ну, дединька, зачем так громко? Все это ужасно, никто не спорит. Но раз Вайолет не говорит, что же мы можем сделать? Ничего. Решительно ничего.

Рэмсден. Пфф! Я в этом не уверен. Если есть такой человек, который когда-нибудь оказывал Вайолет особое внимание, это нетрудно установить. Если есть среди нас человек, отличающийся распущенностью взглядов...

Тэннер. Гм!

Рэмсден (

повышая голос). Да, сэр, я повторяю: если есть среди нас человек, отличающийся распущенностью взглядов...

Тэннер. Или человек, отличающийся неумением владеть собой...

Рэмсден (

потрясенный). Вы смеете намекать, что я способен на такое дело?

Тэннер. Дорогой мой Рэмсден, на такое дело способен каждый мужчина. Нельзя безнаказанно прекословить природе. Подозрение, которое вы только что бросили мне,

приложимо к любому из нас. Оно — точно комок грязи, который одинаково пристаёт и к лохмотьям бродяги, и к судейской мантии, и к облачению кардинала. Ну, ну, Тави! Не смотри на меня с таким ужасом. Это мог быть я, мог быть Рэмсден, мог быть кто угодно. И любому из нас в этом случае оставалось бы только одно: запираться и протестовать — как сейчас запротестует Рэмсден.

Рэмсден (задыхаясь). Я... я... я...

Тэннер. Самое тяжкое сознание вины не могло бы так парализовать человеческую речь. А ведь он ни в чем не повинен, Тави, и ты это знаешь.

Рэмсден (обессиленный). Очень рад, что вы признаете это, сэр. Я, со своей стороны, готов признать, что в ваших словах есть некоторая доля истины, хоть и искаженная самым грубым образом в угоду вашему злобному юмору. Октавиус, я надеюсь, вы не допускаете мысли о том, чтобы подозревать меня?

Октавиус. Вас? О нет, ни на минуту!

Тэннер (сухо). Кажется, он чуть-чуть подозревает меня.

Октавиус. Джек! Это не... ты не...

Тэннер. А почему бы и нет?!

Октавиус (в ужасе). Почему бы и нет?!

Тэннер. Ладно, ладно, я скажу тебе, почему нет. Во-первых, ты бы тогда счел своим долгом поссориться со мной. Во-вторых, Вайолет я не нравлюсь. В-третьих, если бы мне принадлежала честь быть отцом ребенка Вайолет, я бы гордился этим, а не прятался. Так что будь покоен: наша дружба вне опасности.

Октавиус. Я бы сразу с отвращением отогнал эту мысль, если б ты относился к таким вещам, как все люди. Прости меня.

Тэннер. Простить? Что за чушь! Давай лучше сядем и откроем семейный совет. (

Садится. Остальные, с большей или меньшей неохотой, следуют его примеру.) И так, Вайолет готовится оказать услугу государству, а поэтому ее нужно на время отправить в ссылку, как преступника. Что там происходит, наверху?

Энн. Вайолет у экономки в комнате; одна, конечно.

Тэннер. А почему не в гостиной?

Энн. Не говорите глупостей, Джек. В гостиной мисс Рэмсден и мама, они обдумывают, как быть.

Тэннер. Ага, понимаю! Комната экономки служит камерой предварительного заключения, и обвиняемая дожидается вызова, чтобы предстать перед судом. Ах, старые кошки!

Энн. Джек!

Рэмсден. Вы находитесь в доме у одной из «старых кошек», сэр. Моя сестра — хозяйка здесь.

Тэннер. Она бы и меня посадила в комнату экономки, если б только посмела. Впрочем, я готов взять «кошек» обратно. Кошки проявили бы больше здравого смысла. Энн! На правах опекуна приказываю вам сейчас же отправиться к Вайолет и обходиться с ней как можно ласковее.

Энн. Я уже была у нее, Джек. И, как это ни грустно, боюсь, что она будет упрячиться насчет отъезда за границу. Пусть лучше Тави поговорит с ней.

Октавиус. Как я могу говорить с ней о таких вещах? (

Он в отчаянии.)

Энн. Не отчаивайтесь, Рикки. Ради всех нас постарайтесь перенести это с достоинством.

Рэмсден. Жизнь состоит не из одних лишь поэм и пьес, Октавиус. Полно! Будьте мужчиной.

Тэннер (

снова вскипая). Бедный, несчастный брат! Бедные, несчастные друзья дома! Бедные, несчастные тетушки и кумушки! Все, все бедные и несчастные, кроме женщины, которая рискует своей жизнью, чтобы сотворить новую жизнь! Тави, не будь эгоистичным ослом! Сейчас же ступай к Вайолет! Поговори с ней и потом приведи ее сюда, если только она захочет прийти.

Октавиус встает.

Скажи ей, что мы все готовы поддержать ее.

Рэмсден (

встает). Однако, сэр...

Тэннер (

тоже встает и перебивает его). Да, да, все понятно. Это против вашей совести; но вы все-таки пойдете на это.

Октавиус. Даю вам всем честное слово, я меньше всего думаю о себе. Так трудно решить, как поступить, если искренне хочешь поступить справедливо.

Тэннер. Дорогой мой Тави, ты, как всякий благочестивый англичанин, привык смотреть на мир, как на гимнастический зал для нравственных тренировок, выстроенный специально, чтобы ты мог упражняться в силе характера. Вот что подчас заставляет тебя думать о своих дурацких принципах там, где следовало бы думать о чужой нужде. В настоящую минуту самое существенное — счастливая мать и здоровый ребенок. Устрями на это всю свою энергию, и тебе сразу станет ясно, что делать.

Октавиус, растерянный, выходит из комнаты.

Рэмсден (

внушительно смотрит на Тэннера). Ну, а нравственность, сэр? Что будет с нравственностью?

Тэннер. Вы хотите видеть кающуюся Магдалину и невинное дитя, заклеянное позором? Нет, благодарю вас. Нравственность — к черту, ее прародителю.

Рэмсден. Я так и думал, сэр. В угоду распутникам обоюго пола нравственность должна быть послана к черту. И это — будущее Англии?

Тэннер. Ну, Англия переживет как-нибудь ваше неодобрение. А пока что разрешите считать, что вы согласны со мной относительно практических мер, которые нам следует принять.

Рэмсден. Да, но в ином смысле, сэр; и из иных побуждений.

Тэннер. Это все вы можете объяснить, если от вас потребуют отчета на этом свете или на том. (

Отходит к стене и мрачно созерцает мистера Герберта Спенсера.)

Энн (

встает и подходит к Рэмсдену). Дединька! Мне кажется, вы должны пойти в гостиную и сказать им, что мы решили.

Рэмсден (

искоса глядя на Тэннера). Не хотелось бы мне оставлять вас наедине с этим господином. Может быть, вы тоже пойдете в гостиную?

Энн. Мисс Рэмсден не захочет вести этот разговор при мне, дединька Лучше мне не ходить.

Рэмсден. Вы правы; как это я сам не подумал! Вы умница, Энни. (

Треплет ее по плечу. Она поднимает на него сияющие глаза, и он выходит из комнаты, окончательно растроганный.)

Спровадив его, Энн поворачивается к Тэннеру. Так как он стоит к ней спиной, она быстрым движением поправляет прическу, затем бесшумно подходит к Тэннеру и почти над самым его ухом произносит

Энн. Джек!

Он вздрагивает и оглядывается.

Вы довольны, что будете моим опекуном? Или, может быть, вам неприятно, что пришлось взять на себя такую ответственность?

Тэннер. Ценное приобретение для вашей коллекции козлов отпущения, не правда ли?

Энн. Опять эта глупая старая шутка! Пожалуйста, не повторяйте ее. Зачем вы говорите то, что заведомо должно меня огорчить? Я так стараюсь угодить вам, Джек; раз вы мой опекун, я теперь могу вам сказать об этом. Мне будет так грустно, если вы не захотите, чтоб мы были друзьями.

Тэннер (

разглядывая ее так же мрачно, как до того разглядывал бюст Спенсера). Вам нет никакой надобности улещать меня. Многого стоят наши моральные суждения! Вот я, например, знаю, что у вас нет и тени совести, одно лицемерие, — впрочем, для вас это одно и то же, — и все-таки чем-то вы для меня привлекательны. Как-то всегда выходит, что я исполняю ваши капризы. Если б вы вдруг исчезли из моей жизни, мне бы вас не доставало.

Энн (

спокойно берет его под руку и вместе с ним идет по комнате). Что же тут удивительного, Джек? Мы знаем друг друга с детства. Вы помните...

Тэннер (

резким движением высвобождая руку). Молчите! Я все помню.

Энн. Ах, правду сказать, мы часто делали глупости, но...

Тэннер. Довольно, Энн. Я уже вышел из школьного возраста и еще не превратился в слабоумного старикашку — что неизбежно, если я доживу лет до девяноста. Дело прошлое; дайте мне забыть об этом.

Энн. А разве не хорошо было тогда? (

Делает попытку снова завладеть его рукой.)

Тэннер. Сядьте и ведите себя как следует. (

Силой усаживает ее в кресло у письменного стола.) Конечно, вам тогда было хорошо. Вы были примерной девочкой и ни разу себя не скомпрометировали. И тем не менее вы веселились больше, чем самые отъявленные шалуни, которым то и дело достается за проказы. Я отлично понимаю, каким образом вам удалось держать в подчинении других девочек: вы их подавляли своей добродетелью. Но скажите мне вот что: встречали вы когда-нибудь примерного мальчика?

Энн. Конечно. Правда, каждому мальчику случается делать глупости; но возьмите Тави — он всегда был примерным.

Тэннер (

пораженный). Да! Это совершенно верно! Почему-то вы никогда не пытались искушать Тави!

Энн. Искушать? Джек!

Тэннер. Да, леди Мефистофель, искушать! Мальчики всегда внушали вам неистребимое любопытство, и вы чертовски ловко умели обмануть их осторожность и проникнуть в самые сокровенные их тайны.

Энн. Какой вздор! Вы сами постоянно рассказывали мне бесконечные истории о разных своих «злодеяниях» — глупых мальчишеских проделках. И это вы называете сокровенными тайнами! У мальчишек тайны такие же, как у взрослых мужчин; а что такое тайна мужчины, вы знаете.

Тэннер (

упрямо). Нет, не знаю. Может быть, вы мне скажете?

Энн. Пожалуйста: это то, о чем он рассказывает всем и каждому.

Тэннер. А я могу поклясться, что ни одной душе не рассказывал того, что рассказывал вам. У нас был уговор не иметь секретов друг от друга. Это придумали вы и уверили меня, что мы будем рассказывать друг другу решительно все. А я и не замечал, что вы мне никогда ничего не рассказываете.

Энн. Вас не интересовали мои дела, Джек. Вам всегда хотелось говорить только о себе.

Тэннер. Да, это так; к сожалению, это так. Но какой дьявольской пронизательностью должна была обладать маленькая девочка, чтобы подметить слабую струнку и так мастерски играть на ней ради удовлетворения собственного любопытства! Да, мне хотелось порисоваться перед вами, придать себе в ваших глазах больше интереса. И вот я пускался на всякие рискованные проделки, просто для того, чтоб было о чем вам потом рассказать. Я дрался с мальчишками, к которым не чувствовал злобы, лгал там, где совершенно спокойно мог бы сказать правду, крал вещи, которые не были мне нужны, целовал девочек, которые мне не нравились. Все это была лишь бравада; в этом не было страсти, а потому не было и смысла.

Энн. Я ни разу не выдала вас, Джек.

Тэннер. Верно; но вы не задумались бы меня выдать, если б захотели прекратить это. Просто вам это нравилось.

Энн (

вспыхнув). Неправда! Вот уж неправда, Джек! Никогда мне не нравились ваши скучные, грубые, глупые, мелочные, вульгарные выходки. Я всегда надеялась, что вы наконец совершите что-нибудь по-настоящему героическое. (

Овладев собой.) Вы не обижайтесь, Джек; но все то, что вы делали, так мало походило на то, чего я от вас ждала. Часто мне становилось не по себе от ваших проделок; но выдать вас и подвести под наказание я не могла. И потом ведь вы были еще мальчиком. Я верила, что когда-нибудь вы перерастете все эти мальчишества. Может быть, я ошиблась.

Тэннер (

насмешливо). Пусть совесть вас не мучает, Энн. Из двадцати рассказов о моих подвигах не меньше девятнадцати было чистым враньем. Я очень скоро заметил, что вы не любите правды.

Энн. Конечно, многое вы просто выдумывали, и я это отлично понимала. Но...

Тэннер. Вы хотите напомнить мне, что самое постыдное было не выдуманно?

Энн (

ласково — к его величайшему ужасу). Я ни о чем вам не хочу напоминать. Но я знала тех, кого это касалось, и кое-что слышала не только от вас.

Тэннер. И все-таки даже то, что на самом деле было, я всячески приукрашивал в рассказе. Взрослые настолько толстокожи, что унижения впечатлительного от природы мальчика им кажутся забавными; но сам он так остро, так мучительно чувствует эти унижения, что не может в них признаться, — ему остается лишь страстно отрицать их. Впрочем, оно, пожалуй, и лучше, что я немного фантазировал, — потому что единственный раз, когда я сказал вам чистую правду, вы пригрозили меня выдать.

Энн. Неправда. Никогда этого не было.

Тэннер. Было. Помните черноглазую девочку по имени Рэчел Розтри?

Энн невольно хмурит на мгновение брови.

Я затеял с ней роман; однажды вечером мы встретились в саду, долго гуляли обнявшись — хоть это было очень неудобно, на прощанье поцеловались и вообще старались, чтобы все было как можно романтичнее. Затянулся этот роман, он бы мне надоел до смерти; но он кончился очень быстро. Вскоре после этого вечера Рэчел со мной поссорилась, потому что

узнала, что я все рассказал вам. Кто ей сказал об этом? Вы сами. Вы подвесили над ее головой дамоклов меч и держали ее в постоянном страхе и унижении, угрожая выдать эту преступную тайну.

Энн. И правильно сделала. Я считала своим долгом помешать ее недостойному поведению; она мне по сию пору благодарна.

Тэннер. Неужели?

Энн. Во всяком случае, должна быть благодарна.

Тэннер. Но моему недостойному поведению вы не считали своим долгом мешать?

Энн. Помешав ей, я тем самым помешала и вам.

Тэннер. Вы уверены? Вы помешали мне рассказывать вам о своих похождениях; но откуда вы знаете, что они прекратились?

Энн. Вы хотите сказать, что у вас потом были такие же отношения с другими девочками?

Тэннер. Нет. С романтическими бреднями я после Рэчел покончил.

Энн (

не вполне убежденная). Почему же вы перестали верить мне ваши секреты и так отделились от меня?

Тэннер (

загадочным тоном). Видите ли, именно в эту пору у меня появилось нечто такое, что я хотел сохранить для себя одного и не намерен был делить с вами.

Энн. Уж, наверно, я не стала бы просить у вас то, что вам было жалко отдать.

Тэннер. Это была не коробка конфет, Энн. Это было нечто такое, что вы никогда не позволили бы мне считать своим.

Энн (

недоверчиво). Что же это было?

Тэннер. Моя душа.

Энн. Ах, давайте говорить серьезно, Джек. Ну кому нужны эти глупости?

Тэннер. Я как нельзя более серьезен, Энн. Вы тогда не заметили, что и у вас появилась душа. А между тем это так и было. Не случайно вы вдруг почувствовали, что карать и перевоспитывать Рэчел — ваш нравственный долг. Раньше вы успешно строили из себя пай-девочку, но мысль о долге по отношению к другим пришла вам в голову впервые. Вот и со мной случилось то же. До той поры я вел жизнь юного пирата и был не совестливее лисы в курятнике. Но тут я начал кое в чем сомневаться, я почувствовал, что у меня есть обязанности, я вдруг обнаружил, что и честь и правдивость — не только красивые слова, которыми любят перекидываться взрослые, а принципы, заложенные во мне самом.

Энн (

спокойно). Да, по-видимому, вы правы. Это было начало зрелости. Вы становились мужчиной, я — женщиной.

Тэннер. А вы не думаете, что это было начало еще чего-то? Что, собственно, в устах большинства означает стать мужчиной или стать женщиной? Вы знаете: это означает полюбить. Но любовь для меня началась гораздо раньше. Любовь играла свою роль в самых ранних мечтах, фантазиях, снах, которые я могу припомнить, — разрешите мне сказать: которые мы можем припомнить, — хотя в то время мы этого не понимали. Нет. Та перемена, что совершилась во мне, означала рождение духовной страсти; и я утверждаю, на основании своего личного опыта, что духовная страсть — единственная подлинная, чистая страсть

Энн. Нечистых страстей вообще не должно быть, Джек.

Джек. Что значит — не должно быть? Какая сила может заставить страсть следовать требованиям долга? Разве только другая, еще более сильная страсть.

Энн. Наше духовное начало должно обуздывать страсти, Джек. Вы говорите вздор.

Тэннер. Духовное начало! А разве оно не есть страсть? Или все страсти — от дьявола, как и все прекрасные мелодии? Если б оно не было страстью, самой могущественной из всех страстей, — другие страсти смели бы его на своем пути, как листок, подхваченный ураганом. Именно эта страсть, рождаясь, делает из мальчика мужчину.

Энн. Есть другие страсти, Джек. И очень сильные.

Тэннер. Все другие страсти я знал и раньше, но они были мелки и бесплодны — детская жадность и детская злоба, любопытство и своеобразие, привычки и суеверия, нелепые и смешные для зрелого разума. Когда они вдруг запылали, точно зажженный факел, — это был не собственный их огонь, а лишь отсвет просыпающейся духовной страсти. Эта страсть возвеличила их, придала им направленность и смысл; она встретила толпу слепых вожделей и превратила ее в организованную армию стремлений и принципов. Из этой страсти и родилась моя душа.

Энн. Я замечала, что вы становитесь разумнее. До этого вы были настоящим разрушителем.

Тэннер. Разрушителем? Ерунда! Я просто был скверным мальчишкой.

Энн. Ах нет, Джек, именно разрушителем! Вы перепортили все молодые ели, отсекая ветки деревянным мечом; вы перебили своей рогаткой стекла в парниках; вы подожгли траву на выгоне, — а полиция арестовала Тави, который пустился наутек, видя, что ему не отговорить вас; вы...

Тэннер. Та-та-та! Это же были битвы, бомбардировки, военные хитрости, предпринятые, чтобы спасти свой скальп от краснокожих. Вы лишены всякого воображения, Энн. Я теперь в десять раз больший разрушитель, чем был тогда. Духовная страсть обуздала мою разрушительную силу и заставила ее служить возвышенным целям. Я стал реформатором и, как все реформаторы, иконоборцем. Я больше не бью парниковые стекла и не поджигаю кусты терновника, — сокрушаю религии и разбиваю идолов.

Энн (

явно скучая). К сожалению, я, кажется, слишком женщина, чтобы видеть какой-либо смысл в разрушении. Разрушение только к разрухе и ведет.

Тэннер. Да. И в этом его польза. Строительство загромождает землю бездарными выдумками. Разрушение расчищает почву и дает нам простор и возможность вольно дышать.

Энн. Зря тратите слова, Джек. Ни одна женщина тут с вами не согласится.

Тэннер. Потому что вы путаете разрушение с убийством и строительство с созиданием. Это совершенно разные вещи. Я ненавижу убийство и преклоняюсь перед созидательной силой. Да, преклоняюсь, где бы я ни прозревал ее — в дереве и в цветке, в птице и в животном, даже в вас.

Выражение интереса и удовольствия сразу сгоняет с лица Энн появившуюся было тень недоумения и скуки.

Ведь вы повиновались созидательному инстинкту, когда привязали меня к себе узами, след от которых не изгладился до сих пор. Да, Энн. Наша детская интимность была неосознанной интимностью любви.

Энн. Джек!

Тэннер. О, не пугайтесь...

Энн. Я не испугалась.

Тэннер (

лукаво). Как же так? А ваши принципы?

Энн. Джек, вы шутите или говорите серьезно?

Тэннер. О чем? О духовной страсти?

Энн. Да нет же! О другой. (

Смутившись.) Господи, вы такой глупый... Никогда не знаешь, как к вам относиться!

Тэннер. Вы должны относиться ко мне совершенно серьезно. Я ваш опекун, и развивать ваш ум — моя обязанность.

Энн. Значит, интимность любви прошла? Должно быть, я вам просто надоела.

Тэннер. Нет. Но духовная страсть сделала невозможными наши ребяческие отношения. Я ревниво оберегал свою вновь обретенную индивидуальность и...

Энн. Вы уже не могли допустить, чтобы на вас смотрели, как на мальчика. Бедный Джек!

Тэннер. Да, потому что смотреть на меня, как на мальчика, значило видеть меня в прежнем свете. Я стал другим, новым человеком; а те, для кого существовал только прежний «я», смеялись надо мной. Единственный разумный человек был мой портной: он каждый раз наново снимал с меня мерку, тогда как все остальные подходили ко мне со старой и воображали, что она все еще соответствует моим действительным размерам.

Энн. Вы все время думали только о себе.

Тэннер. Когда вы попадете в рай, Энн, первый год или два вы все время будете думать о своих крыльях. А когда вы там встретите родственников и они упорно будут обращаться с вами так, словно вы обыкновенная смертная, — вы их просто возненавидите. Вам захочется иметь дело только с теми, кто вас узнал уже ангелом.

Энн. Значит, одно тщеславие заставило вас в конце концов от нас убежать?

Тэннер. Да, одно тщеславие, выражаясь вашим языком.

Энн. Но меня-то вам нечего было сторониться, если так.

Тэннер. Вас больше, чем кого бы то ни было: вы сильнее всех противились моему самоутверждению.

Энн (

серьезно). Какая несправедливость! Я для вас на все была готова.

Тэннер. На все, кроме того, чтобы дать мне свободу. Инстинкт уже тогда подсказал вам дьявольскую уловку женщины — придавить мужчине бременем долга, покорно и безоговорочно отдаться на его волю, так чтобы в конце концов он шагу не смел ступить, не спросившись у нее. Есть у меня один знакомый; бедняга только об одном мечтает в жизни: как бы удрать от жены. Но он никогда на это не решится, потому что она пригрозила ему броситься под тот самый поезд, в котором он уедет. Так поступают все женщины. Нет такого закона, который запрещал бы нам идти куда-либо против вашего желания; но стоит нам сделать шаг — и нога наступит на вашу грудь; стоит тронуться с места — и ваше тело окажется под колесами. Нет! Еще не родилась та женщина, которая сумеет так поработить меня.

Энн. Но нельзя же прожить свою жизнь, совершенно не считаясь с другими, Джек.

Тэннер. А кто эти другие, хотел бы я знать? Вот это стремление считаться с другими — или, вернее, жалкая трусость, которую мы выдаем за стремление считаться с другими, — превращает нас в сентиментальных рабов. Считаться с вами, как вы это понимаете, значит подменить свою волю вашей. А если ваша воля менее благородна, чем моя? У кого знаний больше, у женщины или у мужчины? Конечно, у мужчины. У толпы избирателей или у государственного деятеля? Конечно, у государственного деятеля. К чему же мы придем, если государственные деятели начнут считаться со своими избирателями, а в частной жизни — мужчины со своими женами? Что такое Церковь и Государство в наше время? Женщина и Налогоплательщик!

Энн (

мирным тоном). Я так рада, что вы разбираетесь в политике, Джек. Это вам очень пригодится, если вы попадете в парламент.

Он съезживается, точно проколотый воздушный шар.

Но мне очень грустно, что вы считаете мое влияние таким дурным.

Тэннер. Я этого не сказал. Дело не в том, дурное это влияние или хорошее, а в том, что я не хочу быть сшитым по вашей выкройке. И не бывать этому.

Энн. Никто этого и не добивается, Джек, уверяю вас; право же, я решительно ничего не имею против ваших странных взглядов. Вы ведь знаете, мы все воспитаны в духе передовых идей. Почему вы так упорно хотите считать меня ограниченной?

Тэннер. А, вот это и есть самое опасное! Конечно, вы ничего не имеете против, — вы убедились, что это не так важно. Когда боа-констриктор уже обвил своими кольцами тело лани, он ничего не имеет против ее взглядов.

Энн (

встает, осененная внезапной догадкой). А-а-а! Теперь я поняла, почему вы сказали Тави, что я — боа-констриктор. Мне дединашка рассказывал! (

Со смехом накидывает ему на шею свое боа.) А как тепло и приятно! Разве нет, Джек?

Тэннер (

барахтается в сетях). Бессовестная женщина, перестанете вы когда-нибудь лицемерить?

Энн. С вами я никогда не лицемерю, Джек. Вы сердитесь? (

Снимает с него боа и бросает на кресло.) Не надо было мне этого делать.

Тэннер (

презрительно). Подумаешь, преступление! А почему бы и нет, раз это вам доставляет удовольствие?

Энн (

застенчиво). Потому что... потому что мне кажется, когда вы говорили о боа-констрикторе, вы имели в виду вот что. (

Закидывает ему руки на шею.)

Тэннер (

пристально глядя на нее). Какая смелость!

Она смеется и гладит его по щеке.

Любопытно: вот вздумай я рассказать об этом, мне бы попросту не поверили, а кто и поверил бы, тут же осудил бы меня за мой рассказ; но если бы вы меня в этом обвинили, то ни одна душа не поверила бы моим запирательствам!

Энн (

с достоинством, снимая руки). Вы неисправимы, Джек. Зачем вы шутите над нашей привязанностью друг к другу? Никому не пришло бы в голову неправильно истолковать это. Вам ведь не приходит в голову, я надеюсь?

Тэннер. Моя кровь говорит за меня, Энн. Бедный Рикки-Тикки-Тави!

Энн (

метнув на него быстрый взгляд, словно озаренная неожиданной мыслью). Не так уж вы глупы, чтобы ревновать к Тави.

Тэннер. Ревновать! С какой стати? Но я не удивляюсь вашей власти над ним. Со мной вы только шутите, и то я уже чувствую, как вокруг меня стягиваются убийственные кольца.

Энн. Вы думаете, я имею виды на Тави?

Тэннер. Не думаю, а знаю.

Энн (

серьезно). Берегитесь, Джек. Вы причините Тави много горя, если наведете его на ложный след.

Тэннер. Не бойтесь. Он от вас не уйдет.

Энн. Хотелось бы мне знать: вы действительно умный человек?

Тэннер. Откуда это внезапное сомнение?

Энн. Вы как будто понимаете все, чего не понимаю я; и в то же время вы совершенный ребенок в таких вещах, которые я отлично понимаю.

Тэннер. Как Тави к вам относится, я понимаю, Энн; уж в этом-то можете быть уверены.

Энн. Но кроме того, вам кажется, что вы понимаете, как я отношусь к Тави.

Тэннер. Я слишком хорошо знаю, что ждет беднягу.

Энн. Если бы не покойный папочка, я бы сейчас от души посмеялась, Джек. Смотрите же! Тави будет очень несчастен.

Тэннер. Вероятно. Но он этого не заметит, бедняга. Он слишком хороший. Потому-то он и совершит из-за вас роковую ошибку своей жизни.

Энн. По-моему, слишком умные люди гораздо чаще совершают ошибки, чем слишком хорошие. (

Садится, и презрение ко всему мужскому полу ясно выражено в грациозном изгибе ее плеч.)

Тэннер. О, я знаю, что судьба Тави вас не особенно беспокоит. Но в любви всегда один целует, а другой лишь позволяет себя целовать. Так вот: целовать будет Тави, а вы лишь будете подставлять щеку; и бросите его, как только подвернется что-нибудь получше.

Энн (

обиженно). Вы не имеете права так говорить, Джек. Это несправедливо и невежливо. Не моя вина, если вам и Тави угодно делать глупости из-за меня.

Тэннер (

тоном раскаяния). Простите мои грубые выпады, Энн. Они направлены не против вас, а против всего испорченного мира. (

Она бросает на него довольный, прощающий взгляд; он тотчас настораживается.) А все-таки скорей бы вернулся Рэмсден. С вами я никогда не чувствую себя в безопасности; какое-то наваждение... или нет, не наваждение, а какое-то утонченное любопытство влечет меня к вам.

Она смеется.

Да, да, именно. Вы это знаете и наслаждаетесь этим. Открыто и бессовестно наслаждаетесь этим!

Энн. Ну и кокетка же вы, Джек!

Тэннер. Кокетка?! Я?!!

Энн. Да, вы. Вы всегда готовы осудить и оскорбить человека, но в то же время ни за что не выпустите его из рук.

Тэннер. Я позвоню. Наш разговор и так уже зашел дальше, чем я предполагал.

Возвращаются Рэмсден и Октавиус, с ними мисс Рэмсден — деловитая, почтенного вида старая дева; на ней простое коричневое шелковое платье и ровно столько колец, цепочек и

брошей, сколько нужно, чтобы показать, что она одета скромно не по бедности, а из принципа. Она входит в комнату весьма решительным шагом; мужчины, растерянные и удрученные, следуют за ней. Энн встает и порывисто бросается ей навстречу. Тэннер отступает к простенку между бюстами и делает вид, что занят рассматриванием картин. Рэмсден, как обычно, подходит к своему столу; Октавиус старается держаться поближе к Тэннеру.

Мисс Рэмсден (

почти оттолкнув Энн, решительным движением усаживается в кресло, где прежде сидела миссис Уайтфилд). Я умываю руки.

Октавиус (

окончательно пришибленный). Я знаю, мисс Рэмсден, вы желаете, чтоб я увез Вайолет домой. Я сейчас. (

Нерешительно поворачивается к двери.)

Рэмсден. Нет, нет...

Мисс Рэмсден. К чему говорить «нет», Рубэк? Октавиус знает, что я никогда не закрыла бы дверь твоего дома перед женщиной, искренне раскаивающейся и огорченной. Но если женщина не только безнравственна, но еще упорствует в своей безнравственности — нам с ней не по пути.

Энн. Ах, мисс Рэмсден, что вы хотите сказать? Вайолет что-нибудь говорила вам?

Рэмсден. Вайолет действительно очень упряма. Она не хочет уезжать из Лондона. Я отказываюсь понять ее.

Мисс Рэмсден. А я ее отлично понимаю. Ясно как божий день: она не хочет уезжать потому, что не желает разлучаться с этим мужчиной, кто бы он ни был.

Энн. Ну конечно, конечно! А вы, Октавиус, говорили с ней?

Октавиус. Она отказывается от объяснений. Она сказала, что ничего не станет решать, пока не посоветуется с кем-то. По-видимому, с тем самым негодяем, который обманул ее.

Тэннер (

Октавиусу). Ну и пусть она советуется. Он только рад будет ее отъезду. Не вижу, в чем тут трудность!

Мисс Рэмсден (

не дав Октавиусу раскрыть рот для ответа). Трудность, мистер Джек, в том, что предлагая свою помощь, я вовсе не предлагаю своего соучастия в безнравственных поступках. Или она даст слово никогда больше не видеть этого человека, или пусть находит себе других друзей; и чем скорее, тем лучше.

В дверях показывается горничная. Энн поспешно садится на свое место и делает вид, что ее все это нисколько не касается. Октавиус инстинктивно подражает ей.

Горничная. Кэб у подъезда, мэм.

Мисс Рэмсден. Какой кэб?

Горничная. Для мисс Робинсон.

Мисс Рэмсден. О! (

Овладев собой.) Хорошо.

Горничная уходит.

Она послала за кэбом.

Тэннер. Я хотел послать за этим кэбом еще полчаса назад.

Мисс Рэмсден. Очень рада, что она понимает, в какое положение поставила себя.

Рэмсден. Мне очень неприятно, что она так уезжает отсюда, Сьюзен. Нам следовало быть помягче.

Октавиус. Нет. Я еще и еще раз благодарю вас, но мисс Рэмсден совершенно права: Вайолет больше не может здесь оставаться.

Энн. По-моему, вы должны поехать вместе с ней, Тави.

Октавиус. Она не захочет.

Мисс Рэмсден. Конечно, не захочет. Она прямехонько отправится к этому мужчине.

Тэннер. Что вполне естественно после достойного приема, который ей здесь оказали.

Рэмсден (

вконец расстроенный). Вот, Сьюзен, слышишь? А ведь в этом есть доля правды. Неужели ты не могла, не нарушая своих принципов, быть немного терпеливее с этой бедной девушкой? Она так еще молода; в этом возрасте свойственно заблуждаться.

Мисс Рэмсден. Ничего, если ей так нужно сочувствие, она в избытке встретит его у мужчин. Я просто удивлена твоим поведением, Роубэк.

Тэннер. Я тоже удивлен; и, надо сказать, приятно.

В дверях появляется Вайолет. Ее выдержке и отнюдь не покаянному виду могли бы позавидовать самые добродетельные представительницы ее пола. Небольшая головка, упрямый маленький рот и подбородок, горделивая осанка и надменная чеканность речи, безупречное изящество костюма, дополненного очень нарядной шляпой с чучелом птицы, — все вместе создает облик прелестный, но в то же время и несколько отпугивающий. Это не сирена, как Энн, — она вызывает восхищение без всякого усилия или хотя бы желания со своей стороны; кроме того, Энн присущ некоторый юмор, а Вайолет он совершенно незнаком, как незнакома ей, вероятно, и жалость; если что-нибудь и служит ей сдерживающим началом, то это ум и гордость, а никак не милосердие. Голосом учительницы, обращающейся к группе провинциальных школьниц, она с полным самообладанием и некоторым отвращением заговаривает о том, ради чего пришла.

Вайолет. Я хотела предупредить мисс Рэмсден, что браслет, который она подарила мне в день рождения, лежит на столе в комнате экономки.

Тэннер. Вайолет, войдите, сядьте, и давайте поговорим серьезно,

Вайолет. Благодарю вас. На мой взгляд, сегодня уже достаточно было семейных разговоров. Твоя мать тоже так считает, Энн; она уехала домой вся в слезах. Во всяком случае, я теперь

точно знаю цену некоторым из моих так называемых друзей. Всего хорошего.

Тэннер. Нет, нет! Погодите минуту. Я хочу сказать два слова и очень прошу вас их выслушать.

Она смотрит на него без малейшего любопытства, но медлит, по-видимому, не столько ради того, чтобы выслушать его, сколько чтобы натянуть перчатку.

Во всем этом деле я полностью на вашей стороне. Я с искренним уважением приветствую вашу смелость и решительность. Вы кругом правы, а все ваши близкие кругам виноваты перед вами.

Сенсация. Энн и мисс Рэмсден встают и поворачиваются лицом к ним обоим. Вайолет, которая изумлена больше других, забывает про свою перчатку и выходит на середину комнаты, недоумевающая и рассерженная. Только Октавиус не трогается с места и не поднимает головы; он сгорает со стыда.

Энн (

взывая к благоразумию Тэннера). Джек!

Мисс Рэмсден (

оскорбленно). Ну, знаете ли!

Вайолет (

Тэннеру, резко). Кто вам сказал?

Тэннер. Как кто? Рэмсден и Тави, конечно. Почему им было не сказать?

Вайолет. Но ведь они не знают.

Тэннер. Не знают — чего?

Вайолет. Я хочу сказать: они же не знают, что я права.

Тэннер. О, сердцем они, конечно, знают это, хотя в силу глупых предрассудков насчет нравственности, приличий и прочего считают своим долгом осуждать вас. Но я твердо знаю — как знает весь мир, хотя не смеет открыто признать это, — что вы были правы, следуя своему инстинкту; что нет большего достоинства в женщине, чем смелость и верность своему жизненному призванию, а материнство торжественно возводит ее на высшую ступень женственности; и, хотя вы формально не замужем, это ни на йоту не уменьшает вашей добродетели и вашего права на наше уважение.

Вайолет (

вне себя от негодования). Так, значит, вы, как и все, считаете меня безнравственной женщиной! Мало того, вы еще воображаете, будто я разделяю ваши гнусные взгляды! Мисс Рэмсден, я терпела ваши жестокие слова, зная, что вы о них пожалеете, когда узнаете истину. Но выслушивать похвалы Джека, будто я одна из тех тварей, которых он превозносит, — это уже слишком! Ради моего мужа я держала до сих пор свой брак в тайне. Но сейчас я, как замужняя женщина, требую, чтобы меня перестали оскорблять.

Октавиус (

поднимая голову с чувством неопишуемого облегчения). Ты замужем?

Вайолет. Да; и мне кажется, можно было догадаться об этом. Почему вы все решили, что я надела обручальное кольцо, не имея на то права? Никому даже в голову не пришло спросить меня. Этого я никогда не забуду.

Тэннер (

уничтоженный). Я разбит в пух и прах. Но, право же, я не думал ничего дурного. Прошу прощения. Смирненно прошу прощения.

Вайолет. Надеюсь, впредь вы будете внимательнее к своим словам. Конечно, их никто не принимает всерьез, но все же приятного в них мало, а бестактности достаточно.

Тэннер (

склоняясь перед бурей). Мне нечего возразить. Впредь буду умнее и никогда больше не встану на защиту женщины. Боюсь, что все мы уронили себя в ваших глазах, за исключением разве Энн. Она-то отнеслась к вам по-дружески. Ради Энн простите нас всех.

Вайолет. Да, Энн была очень добра ко мне; впрочем, она все знала.

Тэннер (

с жестом отчаяния). О!!! Какой чудовищный обман! Какое коварство!

Мисс Рэмсден (

чопорно). А кто же, позвольте спросить, этот джентльмен, который не признает свою жену?

Вайолет (

живо). Уж это мое дело, мисс Рэмсден. У меня есть особые причины до поры до времени держать свой брак в тайне.

Рэмсден. Я могу сказать только одно: мы все чрезвычайно сожалеем, Вайолет. Мне стыдно думать о том, как мы к вам отнеслись.

Октавиус (

неловко). Прости меня, Вайолет. Больше мне нечего сказать.

Мисс Рэмсден (

все еще не желая сдаваться). То, что вы нам сообщили, придает, разумеется, делу иной вид. Но все же, я должна...

Вайолет (

перебивая ее). Вы должны принести мне свои извинения, мисс Рэмсден: вот что вы в первую очередь должны сделать. Будь вы замужней женщиной, вряд ли вам было бы приятно сидеть в комнате экономки, точно напроказившая школьница, и слушать выговоры молодых девиц и пожилых дам, не обремененных серьезными заботами и обязанностями.

Тэннер. Лежачего не бьют, Вайолет. Может оказаться, что мы сваляли дурака, — но на самом деле это вы нас одурачили.

Вайолет. Уж вы, Джек, здесь во всяком случае ни при чем.

Тэннер. Ни при чем? Да Рэмсден чуть не обвинил меня в том, что я и есть этот неведомый

джентльмен!

Рэмсден бурно выражает свой протест, но утихает под напором холодного бешенства Вайолет.

Вайолет. Вы! Какая низость! Какая гнусность! Какие гадости вы обо мне тут говорили! Если бы это узнал мой муж, он бы мне и разговаривать ни с кем из вас не позволил. (

Рэмсдену.) Хоть от этого-то вы могли бы меня избавить!

Рэмсден. Уверю вас, я и не думал... во всяком случае, это чудовищное искажение моих слов, я только...

Мисс Рэмсден. Не к чему извиняться, Роубэк. Она сама виновата. Это она должна просить прощения за то, что обманула нас.

Вайолет. Для вас, мисс Рэмсден, я готова сделать исключение: вам трудно понять меня в данном вопросе; но от людей с большим опытом я вправе была ожидать большего такта. Одним словом, для меня ясно, что все вы поставили себя в крайне неловкое положение, и я думаю, что разумнее всего мне уехать. До свидания. (

Уходит, не дав никому опомниться.)

Мисс Рэмсден. Ну, знаете ли!

Рэмсден (

жалобно). Мне кажется, она не совсем к нам справедлива.

Тэннер. Придется вам, как и всем нам, склониться перед обручальным кольцом, Рэмсден. Чаша нашего позора переполнилась.

Действие второе

В парке загородной виллы близ Ричмонда, на подъездной аллее застрял из-за поломки автомобиль. Он успел доехать до поворота аллеи, откуда сквозь листву деревьев виднеется фасад дома; Тэннер, который стоит слева от автомобиля, мог бы беспрепятственно обозревать со своего места западное крыло этого дома, не будь его внимание поглощено парой ног в синих брюках, торчащих из-под машины. Он с интересом следит за ними, пригнувшись и упираясь руками в колени. Кожаное пальто и фуражка изобличают в нем одного из участников прерванного путешествия.

Ноги. Ага! Есть!

Тэннер. Ну как, теперь в порядке?

Ноги. В порядке.

Тэннер наклоняется и, ухватясь за ноги, точно за рукоятки тачки, вытаскивает наружу их обладателя, который переступает руками, держа в зубах молоток. Это молодой человек в аккуратном костюме из синей материи, чисто выбритый, с темными глазами, квадратными пальцами, короткими, тщательно причесанными черными волосами и скептически

приподнятыми бровями не совсем правильной формы. Когда он возится с машиной, движения его быстры и неожиданны, хотя в то же время обдуманно и точны. К Тэннеру и его друзьям он относится без малейшей почтительности, но благодаря своему хладнокровию и такту ему удается удерживать их на расстоянии, не давая при этом поводов к недовольству. Тем не менее он всегда зорко следит за ними, — слегка, впрочем, иронически, как человек, хорошо знающий изнанку жизни. Говорит он медленно, с оттенком сарказма; и поскольку в своей речи он совершенно не стремится подражать джентльмену, можно заключить, что его опрятная внешность является данью уважения тому классу, к которому он принадлежит, а не тому, которому служит. Сейчас он садится на свое место за рулем, чтобы спрятать инструменты и снять свой комбинезон. Тэннер снимает кожаное пальто и со вздохом облегчения кидает его в машину, очень довольный, что наконец от него избавился. Шофер, заметив это, презрительно встряхивает головой и с насмешкой поглядывает на своего хозяина.

Шофер. Что, надоело?

Тэннер. Дойду пешком; не мешает размять ноги и немного успокоить нервы. (

Смочит на часы.) Вам известно, что мы проехали расстояние от Гайд-парка до Ричмонда за двадцать одну минуту!

Шофер. Я и за пятнадцать проехал бы, был бы путь свободен.

Тэннер. Скажите, зачем вы это делаете — из любви к спорту или ради устрашения вашего злополучного хозяина?

Шофер. А вы чего боитесь-то?

Тэннер. Во-первых, налететь на штраф; во-вторых — сломать себе шею.

Шофер. Так если вам медленная езда по душе, ездили бы в омнибусе. Дешевле. Вы мне платите деньги, чтобы экономить время и оправдать тысячу фунтов, которую вам стоила машина. (

Спокойно усаживается.)

Тэннер. Я раб этой машины и ваш тоже. Мне эта проклятая штука по ночам снится.

Шофер. Это пройдет. Скажите, пожалуйста, вы там у них долго пробудете? Может, вы все утро собираетесь с дамами разговоры разговаривать, так я поставлю машину в гараж и пойду погляжу, как тут насчет завтрака. А если нет, буду ждать вас с машиной здесь.

Тэннер. Лучше ждите. Мы не задержимся. Сейчас должен приехать мистер Робинсон, он едет с одним молодым американцем, мистером Мэлоуном, в его новой американской машине.

Шофер (

выскакивает и подбегает к Тэннеру). Американская машина?! Следом за нами из Лондона?!

Тэннер. Может быть, они уже здесь.

Шофер. Если б я только знал! (

Тоном глубокого упрека.) Почему вы не сказали мне, мистер Тэннер?

Тэннер. Потому что мне говорили, будто эта машина может делать восемьдесят четыре мили в час; а что можете делать вы, когда вас нагоняет другая машина, я и сам знаю. Нет, Генри,

бывают обстоятельства, о которых вам вредно знать, — и это как раз одно из таких обстоятельств. Но вы не огорчайтесь: нам предстоит прогулка вполне в вашем вкусе. Американец повезет мистера Робинсона, его сестру и мисс Уайтфилд. С нами поедет мисс Рода.

Шофер (

успокоившись и думая уже о другом). Это ведь сестра мисс Уайтфилд?

Тэннер. Да.

Шофер. А сама мисс Уайтфилд поедет в другой машине? Не с вами?

Тэннер. А почему, черт возьми, она должна ехать со мной? Ведь мистер Робинсон будет в той машине.

Шофер, взглянув на Тэннера с хладнокровным недоверием, принимается насвистывать вполголоса популярную песенку и отходит к машине. Тэннер, несколько раздосадованный, хочет продолжить разговор, но останавливается, услышав шаги Октавиуса. Октавиус идет от дома, одетый по-дорожному, но без пальто.

Слава богу, мы проиграли гонку: вот и мистер Робинсон. Ну, Тави, хорош американский паровичок?

Октавиус. Пожалуй. Мы ехали сюда от Гайд-парка ровно семнадцать минут.

Шофер, рыча от злости, дает машине яростного пинка.

А вы?

Тэннер. Что-то около трех четвертей часа.

Шофер (

задетый). Но-но, мистер Тэннер, будет вам! Мы и за пятнадцать минут могли бы доехать.

Тэннер. Кстати, позвольте вас познакомить: мистер Октавиус Робинсон — мой друг; мистер Генри Стрэйкер — мой шофер.

Стрэйкер. Очень приятно, сэр. Мистер Тэннер нарочно так сказал: «шофер». По-вашему, надо говорить «шофер». Но я не в обиде, пусть его.

Тэннер. Ты, верно, думаешь, Тави, что с моей стороны бестактно передразнивать его? Ошибаешься. Этот молодой человек переставляет ударения не случайно, а обдуманно. Для него это — знак касты. Я в жизни не встречал человека, до такой степени надутого классовой гордостью, как Генри.

Стрэйкер. Тише, тише! Не увлекайтесь, мистер Тэннер.

Тэннер. Замечаешь, Тави? «Не увлекайтесь». Ты бы мне сказал: «Полегче, Джек». Но этот молодой человек получил настоящее образование. Больше того, он знает, что мы с тобой его не получили. Как эта школа называлась, где вы учились, Стрэйкер?

Стрэйкер. Шербрук-Роуд.

Тэннер. Шербрук-Роуд! Ну кто из нас произнес бы Рэгби, Харроу, Итон таким тоном интеллектуального сноба! Шербрук-Роуд — школа, в которой учат делу. А Итон — просто питомник, куда нас отправляют, потому что дома с нами нет сладу, и еще для того, чтобы

потом, когда при тебе упомянут имя какого-нибудь герцога, можно было сказать: «А, это мой школьный товарищ».

Стрэйкер. Все-то вы путаете, мистер Тэннер. Делу вовсе не в школе учат, а в политехникуме.

Тэннер. Его университет, Октавиус. Не Оксфорд или Кембридж, не Дарэм, Дублин или Глазго и не какое-нибудь из нонконформистских заведений Уэльса[133]. Нет, Тави. Риджент-стрит, Челси, Боро... — я и половины их названий не знаю, — вот его университеты. И в отличие от наших, это не просто лавки, где торгуют сословными привилегиями. Ведь правда, вы презираете Оксфорд, Генри?

Стрэйкер. Отчего же. Оксфорд, я бы сказал, отличное заведение — для тех, кому вообще такие заведения по нраву. Там учат быть джентльменом. А в политехникуме учат быть механиком или чем другим в таком же роде. Понятно?

Тэннер. Сарказм, Тави! Чувствуешь сарказм? О, если б ты мог заглянуть в душу Генри, тебя ужаснуло бы, как глубоко его презрение к джентльмену, как непомерна его гордость механика. Ему положительно доставляет удовольствие каждая поломка машины, потому что при этом выявляется моя джентльменная беспомощность и его рабочая сноровка и находчивость.

Стрэйкер. Вы не обращайте внимания, мистер Робинсон. Он любит поговорить. Уж мы его, слава богу, знаем.

Октавиус (

серьезно). Но в существе его слов заключена глубокая истина. Я горячо верю в величие труда.

Стрэйкер (

нимало не тронутый). Это потому, что вы никогда не трудились, мистер Робинсон. Я вот, например, занимаюсь уничтожением труда. От меня одного с моей машиной больше проку, чем от двадцати работников, да и чаевых меньше.

Тэннер. Ради бога, Тави, не ударяйся ты в политическую экономию. Он в этих делах дока, а мы с тобой неучи. У него ведь социализм научный, а не поэтический, как у тебя.

Стрэйкер (

невозмутимо). Именно. Ну, как ни поучительно с вами беседовать, а надо мне заняться машиной; да и вам, верно, охота поговорить о ваших барышнях. Я уж знаю. (

Отходит к машине и некоторое время притворяется, что занят делом, потом закуривает и не спеша идет к дому.)

Тэннер. Знаменательный социальный феномен.

Октавиус. Ты о чем?

Тэннер. О Стрэйкере. Уже много лет, стоит где-нибудь появиться особенно старомодному существу женского пола, как мы, литераторы и просвещенные умы, спешим громогласно возвестить рождение Новой Женщины; а вот рождения Нового Человека никто и не заметил. Стрэйкер — это Новый Человек.

Октавиус. Я тут не вижу ничего нового, кроме разве твоей манеры дразнить его. Но мне сейчас не до него. Я решил поговорить с тобой об Энн.

Тэннер. Стрэйкер и это знал. Должно быть, проходил в политехникуме. Ну, так что же Энн? Ты сделал предложение?

Октавиус (

как бы с упреком самому себе). Да, сделал. Вчера вечером у меня хватило грубости.

Тэннер. Что ты хочешь сказать?

Октавиус (

настраиваясь на дифирамбический лад). Джек! Все мы, мужчины, толстокожи; нам никогда не понять тонкой, чувствительной женской натуры. Как я мог это сделать!

Тэннер. Что «это», идиот плаксивый?

Октавиус. Да, я действительно идиот. Ах, Джек! Если б ты слышал ее голос, если б ты видел ее слезы! Я не спал всю ночь, размышляя о ней. Мне было бы легче, если б она меня упрекнула.

Тэннер. Слезы? Это опасно. А что она ответила?

Октавиус. Она сказала, что не может сейчас ни о чем думать, кроме своего незабвенного отца. Она подавила рыдания... (

Он не в силах продолжать.)

Тэннер (

хлопая его по спине). Будь мужчиной, Тави, даже если ты себя чувствуешь ослом. Старая история: ей еще не надоело играть с тобой.

Октавиус (

раздраженно). Брось глупости, Джек. Этот твой вечный дешевый цинизм совершенно неуместен по отношению к такой натуре, как Энн.

Тэннер. Гм... А она еще что-нибудь говорила?

Октавиус. Да. Именно поэтому я и вынужден подвергать ее и себя твоим насмешкам, рассказывая тебе обо всем.

Тэннер (

с раскаянием). Нет, милый Тави, клянусь честью, я не смеюсь над тобой. Впрочем, не в этом дело. Дальше?

Октавиус. Чувство долга в ней так велико, так возвышенно, так...

Тэннер. Да, да, знаю. Дальше?

Октавиус. Видишь ли, ведь по завещанию вы с Рэмсденом являетесь ее опекунами, и она считает своим долгом подчиняться вашей воле, как прежде подчинялась отцовской. Она сказала, что, по ее мнению, мне прежде всего следует переговорить с вами обоими. Конечно, она права; но все-таки как-то нелепо, что я должен явиться к тебе и официально просить у тебя руки твоей подопечной.

Тэннер. Я рад, что любовь не окончательно убила в тебе чувство юмора, Тави.

Октавиус. Такой ответ едва ли ее удовлетворит.

Тэннер. Видимо, я должен ответить так: благословляю вас, дети мои, и будьте счастливы!

Октавиус. Я тебя очень прошу, перестань дурачиться. Это достаточно серьезный вопрос, — если не для тебя, то для нас с ней во всяком случае.

Тэннер. Ты отлично знаешь, что она так же свободна в своем выборе, как и ты.

Октавиус. Она думает иначе.

Тэннер. В самом деле? Интересно. А все-таки, чего ж ты от меня хочешь?

Октавиус. Я хочу, чтоб ты со всей искренностью и серьезностью сказал ей свое мнение обо мне. Я хочу, чтоб ты сказал ей, что вполне можешь доверить ее мне, конечно, если ты действительно так думаешь.

Тэннер. То, что я могу доверить ее тебе, явно не внушает сомнений. Меня гораздо больше беспокоит вопрос, могу ли я тебя ей доверить. Ты читал книгу Метерлинка о пчелах?

Октавиус (

с трудом сдерживаясь). Я не собираюсь сейчас беседовать на литературные темы.

Тэннер. Немножко терпения, Тави. Я тоже не беседую на литературные темы: книга о пчелах относится к естествознанию. Это назидательный урок для человечества. Ты воображаешь, что ты — поклонник Энн; что ты — охотник, а она — дичь; что тебе надлежит ухаживать, добиваться, побеждать. Глупец! Это ты — дичь, обреченная жертва. Не к чему тебе сидеть у западни и облизываться, глядя на приманку: вход свободен, и дверца останется открытой, пока не захлопнется за тобой навсегда

Октавиус. Как ни циничны твои слова, я хотел бы, чтоб это было правдой.

Тэннер. Да ты сам подумай: что ей еще делать в жизни, как не искать себе мужа? Всякая женщина должна стремиться как можно скорее выйти замуж, а мужчина как можно дольше оставаться холостым. У тебя есть занятие — твои стихи и драмы. У Энн нет ничего.

Октавиус. Я не могу писать без вдохновения. А вдохновлять меня может только Энн.

Тэннер. Так не безопаснее ли вдохновляться издали? Ни Петрарка с Лаурой, ни Данте с Беатриче не виделись так часто, как ты с Энн, и тем не менее они писали отличные стихи, — так по крайней мере говорят. Свою верность кумиру они никогда не подвергали испытанию семейной жизнью и были верны до гроба. Женись на Энн — и через неделю она будет вдохновлять тебя не больше, чем тарелка блинчиков.

Октавиус. Ты думаешь, что я разлюблю ее?

Тэннер. Вовсе нет; разве ты не любишь блинчики? Но они тебя не вдохновляют; и точно так же не будет вдохновлять она, когда из мечты поэта превратится во вполне реальную жену весом фунтов на полтора. Придется тебе мечтать о ком-нибудь другом; и тогда пойдут ссоры.

Октавиус. Это бесполезный разговор, Джек. Ты не понимаешь. Ты никогда не любил.

Тэннер. Я? Да я никогда не переставал любить! Я даже Энн люблю. Но я не раб любви и не жертва. Ступай к пчелам, поэт, познай их закон и проникнись их мудростью. Ей-богу, Тави, если б мы не работали на женщин и ели хлеб их детей, вместо того чтоб добывать его, они

убивали бы нас, как паучиха убивает самца или пчелы — трутней. И они были бы правы — в том случае, если бы мы умели только любить и ничего больше.

Октавиус. Ах, если бы мы умели по-настоящему любить! Ничто не может сравниться с Любовью, ничто не может заменить Любовь! Не будь ее, мир превратился бы в отвратительный кошмар.

Тэннер. И это человек, который претендует на руку моей подопечной! Знаешь, Тави, я начинаю думать, что нас перепутали в детстве и что не я, а ты — настоящий потомок Дон Жуана.

Октавиус. Только, пожалуйста, не говори ничего такого Энн.

Тэннер. Не бойся. Она тебя облюбовала, и теперь ничто ее не остановит. Ты обречен.

Возвращается Стрэйкер с газетой в руках.

Вот, полюбуйся: Новый Человек, по обыкновению, деморализует себя грошовой прессой.

Стрэйкер. Вы только послушайте, мистер Робинсон: каждый раз, как мы с ним выезжаем на машине, я покупаю две газеты — «Таймс» для него и «Лидер» или «Эхо» для себя. И что же вы думаете? Я даже не вижу своей газеты. Он сейчас же хватает «Лидера», а я должен давиться его «Таймсом».

Октавиус. А разве «Таймс» не печатает списков победителей на скачках?

Тэннер. Генри не интересуется скачками, Тави. Его слабость — автомобильные рекорды. Что, кстати, нового?

Стрэйкер. Париж — Бискра, средняя скорость — сорок в час, исключая переправу через Средиземное море.

Тэннер. Сколько убитых?

Стрэйкер. Две дурацкие овцы. Подумаешь, важность! Овцы не бог вещь в какой цене; хозяйева радехоньки будут получить что следует, не таскаясь к мяснику. А все-таки, увидите, шуму не оберешься. Кончится тем, что французское правительство запретит всякие гонки, — и тогда уже крышка. Понимаете? Ну просто с ума сойти! Еще есть время сделать хороший пробег, а мистер Тэннер не хочет.

Тэннер. Тави, ты помнишь моего дядю Джеймса?

Октавиус. Да. А что?

Тэннер. У дяди Джеймса была первоклассная кухарка; его желудок переваривал только ту пищу, которую стряпала она. Бедняга от природы был застенчив и терпеть не мог общества. Но кухарка гордилась своим искусством и желала кормить обедами принцев и послов. Так вот, из страха, что она от него уйдет, несчастный старик вынужден был два раза в месяц устраивать званые обеды и претерпевать пытки смущения. Взять теперь меня и вот этого малого, Генри Стрэйкера, Нового Человека. Мне ненавистны путешествия; но мне симпатичен Генри. А для него нет в жизни ничего лучшего, чем в кожаном пальто и очках-консервах, под слоем пыли в два дюйма толщиной нестись со скоростью шестьдесят миль в час, рискуя сломать свою и мою шею. Не считая, конечно, тех минут, когда он лежит в грязи под машиной, стараясь отыскать, где там что застопорило. Так вот, если я не буду хотя бы раз в две недели предоставлять ему возможность тысячемильной прогулки, я его потеряю. Он возьмет расчет и уйдет к какому-нибудь американскому миллионеру, а мне придется удовольствоваться вежливым грумом-садовником-любителем, который умеет

вовремя приподнимать шляпу и знает свое место. Я просто раб Генри, точно так же, как дядя Джеймс был рабом своей кухарки.

Стрэйкер (

рассердившись). Тьфу, пропасть! Вот бы мне машину с таким мотором, как ваш язык, мистер Тэннер! Я ведь что говорю? Иметь автомобиль и не ездить на нем, значит попросту зря деньги терять. Что вам толку от машины и шофера, если вы из них пользу извлечь не умеете? Завели б себе колясочку и няньку, чтоб вас катала.

Тэннер (

примирительно). Ну-ну, ладно, Генри. Сейчас поедem на полчасака.

Стрэйкер (

с отвращением). Полчасака! (

Возвращается к машине, усаживается на свое место и листает газету в поисках очередных новостей.)

Октавиус. Ах да, я совсем забыл. Тебе записка от Роды. (

Передает Тэннеру записку.)

Тэннер (

вскрывая конверт). Боюсь, что Рода собирается поскандалить с Энн. Как правило, английская девушка только одного человека ненавидит еще сильнее, чем свою старшую сестру, — это свою мать. Но Рода, несомненно, лучше уживается с матерью. Энн она... (

возмущенно) ну, уж это слишком!

Октавиус. Что такое?

Тэннер. Мы с Родой сговорились покататься на машине. Теперь она пишет, что Энн не разрешает ей со мной ехать.

Внезапно Стрэйкер с нарочитой небрежностью принимается насвистывать свою любимую мелодию. Пораженные этой неожиданной соловьиной руладой и смущенные ехидной ноткой, которая слышна в ее веселых переливах, оба друга вопросительно оглядываются на него. Но он поглощен газетой и движение их остается без ответа.

Октавиус (

приходя в себя). Без всяких объяснений?

Тэннер. Объяснений! Оскорбление не есть объяснение. Энн запретила ей при каких бы то ни было обстоятельствах оставаться со мной наедине. Я, видите ли, неподходящее общество для молодой девушки. Что ты теперь скажешь о своем кумире?

Октавиус. Ты все-таки не забывай, что после смерти отца на Энн легла очень серьезная ответственность. Миссис Уайтфилд слишком слабохарактерна, чтобы руководить Родой.

Тэннер (

глядя на него в упор). Короче говоря, ты разделяешь мнение Энн?

Октавиус. Нет, но я готов понять ее. Ты же сам знаешь, что твои взгляды едва ли могут благотворно влиять на формирование ума и характера молодой девушки.

Тэннер. Нет, я совсем этого не знаю. Я знаю, что формирование ума и характера молодой девушки состоит обычно в том, что ей лгут везде и во всем; но я не желаю, чтобы ей лгали обо мне, — будто мне свойственно злоупотреблять доверием девушек.

Октавиус. Энн этого не говорила, Джек.

Тэннер. А что ж еще означают ее слова?

Стрэйкер (

заметив приближающуюся Энн). Мисс Уайтфилд, джентльмены. (

Вылезает из машины и идет по аллее с видом человека, который знает, что в его присутствии больше не нуждаются.)

Энн (

останавливаясь между Октавиусом и Тэннером). Доброе утро, Джек. Я пришла сказать вам, что у Роды очень сильно разболелась голова и она не сможет сегодня ехать с вами кататься. Она страшно огорчена, бедняжка.

Тэннер. Ну, Тави, что ты теперь скажешь?

Октавиус. Мне кажется, все совершенно ясно, Джек. Щадя твои чувства, Энн не остановилась даже перед обманом.

Энн. О чем это вы говорите?

Тэннер. Хотите вылечить Роду от головной боли, Энн?

Энн. Конечно, хочу.

Тэннер. Так повторите ей все, что вы только что сказали; и прибавьте, что вы пришли сюда через две минуты после того, как я получил и прочел ее записку.

Энн. Рода вам писала?

Тэннер. И очень подробно.

Октавиус. Не слушайте его, Энн. Вы правы, вы совершенно правы. Энн только исполнила свой долг, Джек; ты сам это знаешь. И с такой деликатностью!

Энн (

подходит к Октавиусу). Какой вы добрый, Тави! Какой чуткий! Как вы все хорошо понимаете!

Октавиус сияет.

Тэннер. Так, так, потуже кольца! Ведь ты ее любишь, Тави, правда?

Октавиус. Она это знает.

Энн. Тсс, Тави! Как вам не стыдно!

Тэннер. Ничего, я разрешаю. Я же ваш опекун, если не ошибаюсь. Ну вот, я вас на часок оставляю на попечении Тави. Я еду прокатиться на машине.

Энн. Нет, Джек. Мне нужно поговорить с вами относительно Роды. Рикки, милый, ступайте в дом и займите своего американского приятеля. Маме некогда возиться с ним так рано; она еще занята по хозяйству.

Октавиус. Лечу, Энн, дорогая. (

Целует ей руку.)

Энн (

нежно). Рикки-Тикки-Тави!

Он смотрит на нее, выразительно краснея, потом убегает.

Тэннер (

резко). Вот что, Энн. На этот раз вы попались. И не будь Тави влюблен в вас без всякой надежды на спасение, он бы сразу увидел, какая вы неисправимая лгунья.

Энн. Вы не так поняли, Джек. У меня просто не хватило смелости сказать Тави правду.

Тэннер. Ну конечно. Вот когда нужно солгать — у вас смелости хоть отбавляй. Что вы там наговорили Роде о моей безнравственности и о том, будто ей опасно со мной встречаться? Как она теперь может ко мне по-человечески относиться после того, что вы отравили ее душу всякими гнусностями?

Энн. Джек, я знаю, вы не способны на что-нибудь дурное...

Тэннер. Зачем же вы ей налгали?

Энн. Пришлось.

Тэннер. Пришлось?

Энн. Мама меня заставила.

Тэннер (

сверкнув глазами). Ха! Как это я сразу не догадался? Мама! Всегда мама!

Энн. Все дело в вашей ужасной книге. Вы ведь знаете, какая мама робкая. А робкие женщины очень считаются с условностями; если нам не считаться с условностями, Джек, мы всегда будем наталкиваться на самое жестокое, самое грубое непонимание. Даже вы, мужчины, не можете прямо говорить все, что вы думаете, без риска, что вас не так поймут и очернят. Да, я признаю, я вынуждена была очернить вас. А вы хотите, чтоб и бедную Роду точно так же не понимали и чернили? Разве может мама допустить, чтоб она подвергала себя этой опасности сейчас, когда она еще слишком молода и неопытна?

Тэннер. Короче говоря, единственный способ избежать непонимания — это лгать, клеветать, злословить и лицемерить что есть силы. Вот что значит слушаться матери.

Энн. Я люблю маму, Джек.

Тэннер (

постепенно взбираясь на вершины социологического пафоса). Разве это причина для того, чтоб полностью отказаться от своего «я»? Нет, я протестую против этого гнусного порабощения молодости старостью. Взгляните на наше светское общество. Чем оно хочет

казаться? Прелестным хороводом нимф. А на самом деле что это? Отвратительная процессия несчастных девушек, каждая из которых зажата в когтях циничной, хитрой, жадной, лишенной иллюзий, нравственно-испорченной, невежественной, но многоопытной старухой, именуемой матерью и почитающей своей обязанностью растлить ее душу и продать ее тому, кто больше даст. Почему эти жалкие рабыни предпочитают выйти замуж за старика или подлеца, чем совсем не выходить? Потому что замужество для них единственный путь спасения от дряхлых мегер, скрывающих под маской материнского долга и родственной любви свое эгоистическое честолюбие, свою ревнивую ненависть к вытесняющим их молодым соперницам. Какая мерзость! Голос природы требует отцовских забот для дочери, материнских — для сына. Закон, который управляет взаимными чувствами отца и сына, матери и дочери — не закон любви: это закон борьбы, революции, вытеснения старых и немощных молодыми и сильными. Первым актом самоутверждения мужчины и женщины должна быть Декларация Независимости; мужчина, который признает авторитет отца, — не мужчина; женщина, которая признает авторитет матери, не способна рожать граждан свободного народа.

Энн (

наблюдая за ним с безмятежным любопытством). Когда-нибудь вы, наверно, всерьез займетесь политикой, Джек.

Тэннер (

падая с высоты). А? Что? Как?... (

Кое-как собрав рассыпавшиеся мысли.) При чем тут это?

Энн. Вы так хорошо говорите.

Тэннер. Говорите! Говорите! Для вас это только разговоры. Ну что ж, возвращайтесь к своей мамушке и помогайте ей отравлять воображение Роды, как она уже отравила ваше. Ручные слоны всегда охотно участвуют в ловле диких.

Энн. Прогресс! Вчера я была боа-констриктор; сегодня я уже слон.

Тэннер. Именно. Сворачивайте же свой хобот — и до свидания. Больше мне не о чем с вами говорить.

Энн. Какой вы все-таки сумасброд и упрямец, Джек. Ну что я могу сделать?

Тэннер. Что? Разбейте оковы. Идите своим путем, подсказанным вашей совестью, а не совестью вашей матери. Очистите и укрепите свой дух. Научитесь находить удовольствие в быстрой автомобильной езде, а не смотреть на нее только как на повод к пошлой интриге. Поедьте со мной в Марсель, в Алжир, в Бискру со скоростью шестьдесят миль в час. Поедьте хоть до самого мыса Доброй Надежды. Вот это будет настоящая Декларация Независимости. Потом вы можете написать об этом книгу. Это доконает вашу мать и сделает из вас женщину.

Энн (

задумчиво). Пожалуй, тут не будет ничего дурного, Джек. Вы мой опекун; вы заменяете мне отца по его собственной воле. Никто нас не осудит, если мы вместе отправимся путешествовать. Чудесно! Большое спасибо, Джек! Я еду.

Тэннер (

потрясенный). Вы едете?!!

Энн. Конечно.

Тэннер. Но... (

Осекся, растерявшись; потом продолжает в беспомощной попытке протестовать.)
Послушайте, Энн, если тут нет ничего дурного, это же теряет всякий смысл!

Энн. Какой вы чудак! Можно подумать, что вы хотите меня скомпрометировать.

Тэннер. Да, хочу. В этом весь смысл моего предложения.

Энн. Вы говорите совершенный вздор и сами это знаете. Вы никогда не сделаете ничего мне во вред.

Тэннер. Что ж, если не хотите быть скомпрометированной, оставайтесь дома.

Энн (

скромно и серьезно). Нет, раз вы этого хотите, Джек, я поеду. Вы мой опекун; и, мне кажется, нам нужно почаще видаться и получше узнать друг друга. (

С признательностью.) Так мило, так заботливо с вашей стороны, Джек, что вы предложили мне эту замечательную прогулку, особенно после того, что я говорила насчет Роды. Право же, вы очень хороший, гораздо лучше, чем вы сами думаете. Когда мы выезжаем?

Тэннер. Но...

Разговор прерывается появлением миссис Уайтфилд. Рядом с ней идет американский гость; сзади следуют Рэмсден и Октавиус. Гектор Мэлоун — американец из восточных штатов, но он нисколько не стыдится своей национальности. Этим он снискал себе благосклонность английского светского общества, где на него смотрят, как на молодого человека, у которого хватает мужества сознаваться в явно невыгодном для него обстоятельстве, не пытаясь скрыть его или смягчить. Все решили, что он не должен страдать за то, в чем он явно не виноват, и считают своим долгом быть с ним особенно любезными. Его рыцарское обращение с женщинами и высокоразвитое нравственное чувство — черты необычные и необъяснимые — вызывают в них легкую досаду; и хотя, по привыкнов, они стали находить забавным его непринужденный юмор (который на первых порах немало их озадачивал), им все же пришлось дать ему понять, что не следует рассказывать в обществе анекдоты, если только они не носят характера личной сплетни, а также, что красноречие принадлежит к разряду достоинств, уместных на более низкой ступени цивилизации, чем та, с которой он теперь соприкоснулся. В этом Гектор пока не совсем убежден: он все еще находит, что англичане склонны ставить себе в заслугу нелепые предрассудки и выдавать различные свои природные несовершенства за признаки хорошего воспитания. Английский характер, на его взгляд, страдает отсутствием облагораживающего пафоса (который он называет высокими чувствами), английские нравы свидетельствуют о недостатке уважения к женщине, английская речь допускает вольности, которые порой переходят в непозволительную грубость выражений, а светское времяпровождение не мешало бы оживить играми, рассказами или иными развлечениями. И он отнюдь не склонен перенимать чужие слабости после того, как столько трудов положил на овладение высотами изысканной культуры, прежде чем отправиться за океан. Ему пришлось убедиться, что англичане либо совершенно равнодушны к этой культуре — как и ко всякой культуре вообще, — либо вежливо обходят ее. По сути же дела культура Гектора представляет не что иное, как некий экстракт из нашего литературного экспорта примерно тридцатилетней давности, который он теперь реимпортировал к нам и готов при первом удобном случае распаковать и обрушить на голову английской литературы, науки и искусства. Смятение, в которое подобные атаки повергают англичан, поддерживает его уверенность в том, что он помогает культурному воспитанию

этой отсталой нации. Застав несколько человек за мирной беседой об Анатоле Франсе и Ницше, он сокрушает их Мэтью Арнольдом[134], «Автократом за обеденным столом» и даже Макколеем; и будучи глубоко религиозным в душе, он при споре о моральных проблемах сначала своей шумливой нечестивостью заставляет опрометчивого собеседника отказаться от аргументов популярного богословия, а потом ошарашивает его неожиданным вопросом: не ясно ли, что именно эти жизненные идеалы имел в виду всемогущий творец, создавая честных мужчин и целомудренных женщин? Оттого, что подкупающая свежесть природы сочетается в нем с невообразимой ветхостью культурного багажа, очень трудно решить: стоит ли с ним знаться, — общество его, без всякого сомнения, приятно, но в разговоре с ним ничего нового не почерпнешь, тем более что ко всему прочему он еще презирает политику и тщательно избегает коммерческих тем — сферы, где он, вероятно, значительно более сведущ, чем его друзья из английских капиталистических кругов. Лучше всего он уживается с романтически настроенными христианами секты амористов: отсюда его дружба с Октавиусом. Что касается наружности Гектора, то это статный молодой человек лет двадцати четырех, с короткой, элегантно подстриженной черной бородкой, большими ясными глазами и живым выражением лица. Одет он с точки зрения моды безукоризненно. Гуляя по парку с миссис Уайтфилд, он усердно занимает ее разговорами, которые требуют непосильного напряжения ее хрупкого ума. Англичанин оставил бы ее в покое, примирившись со скукой, как с общим для них обоим уделом, а она, бедняжка, охотно согласилась бы поскучать, если уж нельзя разговаривать о вещах, которые ее интересуют. Рэмсден останавливается, заинтересовавшись автомобилем. Октавиус подходит к Гектору.

Энн (

радостно бросаясь к матери). Ах, мама, мама, подумайте! Джек берет меня с собой на машине в Ниццу. Ну разве это не замечательно? Я самая счастливая девушка в Лондоне!

Тэннер (

в отчаянии). Миссис Уайтфилд против. Она безусловно против. Ведь правда, Рэмсден?

Рэмсден. Я бы считал это вполне естественным с ее стороны.

Энн. Вы не против этой поездки, мама?

Миссис Уайтфилд. Я? Против? А почему? Я уверена, что тебе полезно будет проехаться,

Энн. (

Семенит к Тэннеру.) Я только хотела вас попросить, чтоб вы иногда брали с собой Роду: она слишком много сидит дома; но это можно и потом, когда вы вернетесь.

Тэннер. Из одной бездны коварства в другую!

Энн (

торопясь отвлечь внимание от его вспышки). Ах, я совсем забыла! Вы ведь еще не знакомы с мистером Мэлоуном. Мистер Гектор Мэлоун — мистер Тэннер, мой опекун.

Гектор. Очень приятно, мистер Тэннер. Если позволите, я предложил бы увеличить число участников прогулки в Ниццу.

Энн. Конечно, конечно, мы все поедем. Решено, не так ли?

Гектор. Я тоже скромный обладатель автомобиля. Если мисс Робинсон захочет оказать мне честь, моя машина к ее услугам.

Октавиус. Вайолет!

Общее смущение.

Энн (

негромко). Идемте, мама. Пусть они тут обо всем сговорятся. Мне нужно уложить вещи.

Миссис Уайтфилд явно сбита с толку; но Энн благоразумно увлекает ее к дому, и обе скрываются за поворотом аллеи.

Гектор. Надеюсь, с моей стороны не будет слишком смело рассчитывать на согласие мисс Робинсон?

Замешательство усиливается.

Октавиус. К сожалению, Вайолет, очевидно, придется остаться дома. Есть обстоятельства, в силу которых участие в такой поездке для нее невозможно.

Гектор (

которому это кажется забавным и ничуть не убедительным). Слишком по-американски, да? Нужно, чтобы молодую леди кто-нибудь сопровождал?

Октавиус. Нет, не то, Мэлоун... то есть не совсем то...

Гектор. Вот как? А можно узнать, какие еще есть возражения?

Тэннер (

нетерпеливо). Да скажите вы ему, и дело с концом. Все равно нам не удастся держать это в секрете. В тайне можно сохранить только то, что известно всем. Мистер Мэлоун, если вы поедете в Ниццу с Вайолет — вы поедете с чужой женой. Она замужем.

Гектор (

ошеломленный). Вы шутите!

Тэннер. Я совершенно серьезен. Но это — между нами.

Рэмсден (

с многозначительным видом, чтобы Гектор не заподозрил мезальянса). Ее брак покуда сохраняется в тайне, она желает, чтобы до поры до времени о нем не говорили.

Гектор. Желание дамы — для меня закон. Позволено ли будет узнать имя ее супруга — на случай, если представится возможность переговорить с ним об этой поездке?

Тэннер. Мы его сами не знаем.

Гектор (

с подчеркнутой сдержанностью, словно прячась в свою раковину). В таком случае больше не о чем говорить.

Общее смущение достигает апогея.

Октавиус. Вам это, вероятно, кажется очень странным?

Гектор. Несколько необычным. Простите за откровенность.

Рэмсден (

полуизвиняющимся, полуубиженным тоном). Молодая леди обвенчалась тайно; и муж, насколько нам известно, запретил ей открывать его имя. Вам мы должны были сказать, поскольку вы так внимательны к мисс... э-э-э... к Вайолет...

Октавиус (

участливо). Надеюсь, это не явилось для вас разочарованием?

Гектор (

смягчившись и снова выползая из своей раковины). Это для меня просто удар! Я не понимаю, как муж может поставить жену в такое положение? Как хотите, это ненормально. Это нетактично. Это недостойно мужчины.

Октавиус. Вы сами понимаете, что нам это достаточно неприятно.

Рэмсден (

запальчиво). Какой-нибудь молодой глупец, который слишком неопытен, чтобы понять, к чему приводят подобные мистификации.

Гектор (

с оттенком нравственной брезгливости). Надеюсь, что вы правы. Только очень молодому и очень глупому мужчине простительно подобное поведение. Вы весьма снисходительно к этому относитесь, мистер Рэмсден. Чересчур снисходительно, на мой взгляд. Как хотите, женитьба должна облагораживать мужчину.

Тэннер (

язвительно). Ха!

Гектор. Означает ли это междометие, что вы со мной не согласны, мистер Тэннер?

Тэннер (

сухо). Женитесь и попробуйте. Удовольствие вы, возможно, в этом найдете... первое время, но уж облагораживающего не найдете ничего. Сумма достоинств мужчины и женщины не обязательно выше числа достоинств одного мужчины.

Гектор. А мы, американцы, считаем, что нравственно женщина маркой выше мужчины и что чистота женской природы возвышает мужчину и заставляет его становиться лучше.

Октавиус (

убежденно). Это так и есть.

Тэннер. Не мудрено, что американки предпочитают жить в Европе. Это гораздо приятнее, чем всю жизнь стоять на пьедестале и принимать поклонение. Но так или иначе, муж Вайолет от женитьбы не стал благороднее. Что ж поделаешь!

Гектор (

качая головой). Я не могу так легко примириться с поведением этого человека, мистер Тэннер. Впрочем, я больше ничего не скажу. Кто бы он ни был — он муж мисс Робинсон, и ради нее я хочу быть о нем лучшего мнения.

Октавиус (

тронутый скрытой грустью, которую он угадывает в этих словах). Мне очень жаль, Мэлоун. Очень жаль.

Гектор (

с благодарностью). Вы славный малый, Робинсон. Спасибо.

Тэннер. Перемените тему. Вайолет идет сюда.

Гектор. Я был бы вам чрезвычайно признателен, господа, если бы вы предоставили мне возможность сказать молодой леди несколько слов наедине. Я должен взять обратно свое предложение относительно этой поездки; и это довольно щекотливое...

Рэмсден (

радуясь случаю улизнуть). Ни слова больше. Идем, Тэннер. Идем, Тави. (

Уходит вместе с Октавиусом и Тэннером в глубину парка.)

В аллее показывается Вайолет и подходит к Гектору.

Вайолет. Все ушли?

Гектор. Да.

Она целует его.

Вайолет. Пришлось тебе лгать из-за меня?

Гектор. Лгать! Лгать — это слишком слабо сказано. Я превзошел самого себя. Я был в каком-то экстазе измышлений. Ах, Вайолет! Если б ты мне позволила сказать правду.

Вайолет (

сразу став серьезной и решительной). Нет, нет, Гектор. Ты ведь обещал.

Гектор. И буду верен своему обещанию, пока ты не освободишь меня от него. Но мне так противно лгать этим людям и отрекаться от своей жены. Просто невыносимо.

Вайолет. Если б твой отец не был таким упрямым...

Гектор. Он не упрямый. Он прав со своей точки зрения. Он очень предубежден против английской буржуазии.

Вайолет. Это просто смешно. Гектор, ты знаешь, как мне неприятно говорить тебе такие вещи, но если б я вздумала... Ну ладно, не стоит.

Гектор. Знаю. Если б ты вздумала выйти за сына английского фабриканта конторской мебели, твои друзья сочли бы это мезальянсом. А вот мой глупый старый папаша, будучи крупнейшим мебельщиком в мире, не задумается выставить меня из дому за женитьбу на самой достойной девушке Англии только потому, что ее имя не украшено титулом. Конечно, нелепо! Но, право же, Вайолет, мне страшно неприятно его обманывать. У меня такое чувство, словно я краду его деньги. Почему ты не позволяешь мне сказать правду?

Вайолет. Это слишком дорого будет стоить. Можно быть каким угодно романтиком в любви, Гектор, но в денежных делах романтиком быть не годится.

Гектор (

колеблясь между двумя противоречивыми чувствами: супружеской любовью и свойственным ему чувством моральной ответственности). Как это по-английски! (

Невольно взывая к ней.) Вайолет, но ведь рано или поздно отец должен узнать.

Вайолет. О да, когда-нибудь, конечно. Только не нужно каждый раз снова начинать этот разговор, милый. Ты обещал...

Гектор. Ну, хорошо, хорошо...

Вайолет (

не собираясь сдаваться). Ведь от этого страдаю я, а не ты. А насчет того, чтоб смело встретить бедность, и борьбу, и тому подобное, так я просто не согласна. Это слишком глупо.

Гектор. Тебе и не придется. Я как бы возьму у отца займы до той поры, когда сам стану на ноги; а тогда я смогу сразу открыть ему правду и вернуть долг.

Вайолет (

с тревогой и негодованием). Ты хочешь работать? Ты хочешь испортить нашу семейную жизнь?

Гектор. Во всяком случае, я не хочу, чтоб наша семейная жизнь испортила меня. И так уже твой друг мистер Тэннер прохаживался на этот счет.

Вайолет. Животное! Ненавижу Джека Тэннера.

Гектор (

великодушно). Нет, отчего? Он славный малый. Нужно только, чтобы его полюбила достойная женщина, это облагородит его душу. К тому же он предложил автомобильную поездку в Ниццу, и ты поедешь со мной.

Вайолет. Чудесно.

Гектор. Да, но как это устроить? Понимаешь, они меня, так сказать, отговаривали ехать с тобой. Они мне сказали по секрету, что ты замужем. Более любопытного секрета мне еще никогда не доверяли.

Возвращается Тэннер и с ним Стрэйкер, который идет прямо к машине.

Тэннер. У вас прекрасная машина, мистер Мэлоун. Ваш механик там демонстрирует ее мистеру Рэмсдену.

Гектор (

забывшись). Идем скорее, Вай!

Вайолет (

холодно, предостерегая его взглядом). Простите, мистер Мэлоун, я не расслышала...

Гектор (

спохватившись). Мисс Робинсон, мне было бы чрезвычайно приятно, если бы вы разрешили

показать вам мой маленький американский паровичок.

Вайолет. С удовольствием.

Уходят влево по аллее.

Тэннер. Слушайте, Стрэйкер, вот какое дело...

Стрэйкер (

возится с машиной). Да?

Тэннер. По-видимому, мисс Уайтфилд едет со мной.

Стрэйкер. Я так и понял.

Тэннер. Мистер Робинсон тоже едет.

Стрэйкер. Да.

Тэннер. Так вот, если вы сможете устроить так, чтобы я побольше был с вами, а мистер Робинсон побольше был с мисс Уайтфилд, он будет вам очень благодарен.

Стрэйкер (

оглядываясь на него). Наверно.

Тэннер. Наверно! Вот ваш дедушка, тот бы просто кивнул — и все.

Стрэйкер. Мой дедушка приподнял бы шляпу.

Тэннер. И я дал бы вашему милому, доброму, почтительному дедушке соверен.

Стрэйкер. А то и пять шиллингов. (

Оставляет машину и подходит к Тэннеру.) А как на этот счет сама молодая леди?

Тэннер. Она так же рада обществу мистера Робинсона, как мистер Робинсон рад ее обществу.

Стрэйкер с холодным недоверием смотрит на своего патрона, потом снова поворачивается к машине, насвистывая свою любимую мелодию.

Перестаньте издавать эти нестерпимые звуки. Что они должны обозначать?

Стрэйкер хладнокровно возобновляет прерванную песенку и досвистывает ее до конца; Тэннер вежливо выслушивает его и только потом обращается к нему снова, на этот раз с подчеркнутой серьезностью.

Генри, я всегда был горячим сторонником распространения музыки в массах, но я возражаю против того, что вы принимаетесь услаждать слух публики при каждом упоминании имени мисс Уайтфилд. Так было утром, теперь опять.

Стрэйкер (

угрюмо). Ничего из этого дела не выйдет. Пусть мистер Робинсон и не старается.

Тэннер. Почему?

Стрэйкер. Ха! Вы сами знаете, почему. Конечно, это меня не касается, но только зря вы мне очки втираете.

Тэннер. Ничего я вам не втираю. Я и в самом деле не знаю, почему.

Стрэйкер (

с зловещей веселостью), Ну-ну, ладно. Пусть. Дело не мое.

Тэннер (

внушительно). Полагаю, Генри, что я умею держать себя в границах, уместных между шофером и хозяином машины, и не навязываю вам своих личных обстоятельств. Даже наши деловые взаимоотношения регулируются вашим профсоюзом. Но не злоупотребляйте своими преимуществами. Позвольте вам напомнить, что еще Вольтер сказал: глупость, которую нельзя сказать, можно пропеть[135].

Стрэйкер. Это не Вольтер сказал, а Боу Мар Шей.

Тэннер. Благодарю за поправку: конечно, Бомарше. Так вот, по-вашему, очевидно, то, что неудобно сказать, можно просвистеть. К сожалению, ваш свист, при всей его мелодичности, недостаточно вразумителен. Вот что: нас никто не слышит, ни мои достойные родители, ни секретарь вашего распроклятого союза. Скажите мне, Генри, как мужчина мужчине: почему вы считаете, что моему другу нельзя надеяться на успех у мисс Уайтфилд?

Стрэйкер. А потому, что у ней другой на уме.

Тэннер. Ах черт! Кто же это?

Стрэйкер. Вы.

Тэннер. Я?!!

Стрэйкер. Ну да, будто вы сами не знаете. Бросьте, мистер Тэннер!

Тэннер (

со свирепой серьезностью). Вы что это, всерьез или дурака валяете?

Стрэйкер (

вспылив). С какой стати мне валять дурака? (

Более спокойным тоном.) Да это же ясно как божий день. Если вы этого до сих пор не разглядели, мало же вы смыслите в таких вещах. (

С обычной невозмутимостью.) Прошу извинить, мистер Тэннер, но вы меня спрашивали как мужчина мужчине, я вам и сказал как мужчина мужчине.

Тэннер (

в неистовстве взывая к небесам). Так значит — значит, это я трутень, паук, намеченная добыча, обреченная жертва?

Стрэйкер. Насчет трутня и паука не скажу. Но что вы и есть намеченная добыча, это можете не сомневаться! И не так уж это плохо, верьте моему слову.

Тэннер (

торжественно). Генри Стрэйкер, великий час вашей жизни пробил!

Стрэйкер. Что еще такое?

Тэннер. Этот Бискринский рекорд...

Стрэйкер (

встрепенувшись). Ну?!

Тэннер. Побейте его.

Стрэйкер (

возносясь на вершину своей судьбы). Это вы серьезно?

Тэннер. Вполне.

Стрэйкер. Когда?

Тэннер. Сейчас. Машина готова?

Стрэйкер (

колеблясь). Но нельзя же...

Тэннер (

влезая в машину и тем обрывая разговор). Поехали! Сначала в банк за деньгами; потом ко мне за чемоданом; потом к вам за чемоданом; потом вы побьете рекорд Лондон — Дувр или Лондон — Фолкстон; потом через Ламанш и что есть мочи в Марсель, в Гибралтар, в Геную — в любой порт, откуда можно отплыть в магометанскую страну, где мужчины защищены от женщин.

Стрэйкер. Шутите!

Тэннер (

решительно). Не верите? Оставайтесь дома. Я поеду один. (

Включает мотор.)

Стрэйкер (

бежит за ним). Эй! мистер! минутку! стойте! (

На ходу прыгает в машину.)

Действие третье

Вечер в горах Сьерра-Невады. Отлогие бурые склоны; на клочках обработанной земли вместо яблонь — масличные деревья, на невозделанной почве вместо дрока и папоротника — редкие кактусы. Дальше живописная и величественная цепь крутых каменистых вершин, порой обрывающихся в пропасть. Отнюдь не дикая природа, скорее изысканный горный ландшафт, созданный рукой эстета. Нет вульгарного изобилия растительности: каменные

кручи даже рождают невольно мысль о бесплодии. Испанское великолепие и испанская скудость во всем. Немного севернее того места, где шоссе на одном из перевалов пересекает туннель железной дороги Гренада — Малага, находится один из горных амфитеатров Сьерры. Если встать у открытого конца подковы, то чуть правей, под обрывом, видна романтическая на вид пещера — на самом деле заброшенная каменоломня; слева невысокая скала, откуда хорошо просматривается дорога, огибающая амфитеатр; ее профиль выровнен с помощью насыпей и кое-где каменных мостиков. Со скалы наблюдает за дорогой человек, не то испанец, не то шотландец с виду. Вероятно, это испанец, потому что на нем плащ испанского горного пастуха, и, по-видимому, он чувствует себя в Сьерра-Неваде, как дома; но все же он очень похож и на шотландца. В лощине, неподалеку от входа в пещеру-каменоломню, вокруг тлеющей кучи валежника и сухих листьев непринужденно расположилась группа людей, как бы позируя в роли живописных бандитов, удостоивших Сьерру чести служить им красочным фоном. На самом деле в них нет ничего живописного, и горы только терпят их присутствие, как лев терпит блох. Английский полисмен или инспектор попечительства о бедных счел бы их шайкой бродяг или трудоспособных нищих.

Такое определение не столь уж уничижительно. Всякий, кому приходилось наблюдать жизнь бродяг или посещать отделение для трудоспособных в работном доме, согласится, что далеко не все социальные отщепенцы — пьяницы и нравственные уроды. Кое-кто из них попросту оказался неподходящим для того класса, в котором родился. Одни и те же свойства характера из образованного джентльмена делают художника, а необразованного чернорабочего могут привести к положению трудоспособного нищего. Среди обитателей работных домов многие просто бездельники по натуре; но некоторые попали туда потому, что у них хватило силы воли пренебречь социальными условностями (несомненно, отражающими интересы налогоплательщиков), которые требуют, чтобы человек жил тяжелым и мизерно оплачиваемым трудом, и, объявив себя неимущими, отправиться в работный дом, где на законном основании получать от государства кров, одежду и пищу, гораздо лучшие, чем он мог бы добыть для себя сам, и притом с гораздо меньшей затратой усилий. Когда человек, родившийся поэтом, отказывается от места в маклерской конторе и голодное существование на чердаке за счет бедной квартирной хозяйки, друзей или родственников предпочитает работе, которая ему не по нутру; или когда дама из общества, потому лишь, что она дама из общества, любую форму паразитической зависимости готова принять охотнее, чем место кухарки или горничной, — мы относимся к ним весьма снисходительно. Такого же снисходительного отношения вправе требовать трудоспособный нищий и его кочевая разновидность — бродяга.

Далее: чтобы сделать свою жизнь сносной, человек, одаренный воображением, должен располагать досугом для рассказывания самому себе сказок и, кроме того, находиться в таких условиях, которые поддавались бы прикрасам воображения. Положение неквалифицированного рабочего таких возможностей не дает. Мы безобразно эксплуатируем рабочих; и если человек отказывается терпеть эксплуатацию, никто не вправе утверждать, будто бы он отказывается от честного труда. Необходимо достигнуть полной ясности в этом вопросе, прежде чем продолжать пьесу; только тогда можно будет наслаждаться ею не лицемеря. Будь мы людьми разумными и дальновидными, четыре пятых из нас предъявили бы государству требование о призрении и разнесли бы в щепы весь общественный строй, что привело бы к самым благодатным и оздоравливающим результатам. Если мы этого не делаем, то лишь потому, что все мы, подобно муравьям или пчелам, трудимся не рассуждая, в силу инстинкта или привычки. Поэтому, когда вдруг является среди нас человек, который умеет и хочет рассуждать и который вправе сказать нам по кантовской формуле «Если бы все поступали, как я, мир был бы вынужден перестроиться заново и уничтожить рабство и нищету, существующие лишь потому, что все поступают, как вы», — отнесемся к этому человеку с уважением и серьезно призадумаемся, не последовать ли его примеру. Таким человеком является трудо-способный, мысле-способный нищий. Будь это джентльмен, всяческими усилиями добивающийся пенсии или синекуры, никому бы и в голову не пришло

осудить его за то, что при альтернативе — жить ли за счет общества или позволить обществу жить за твой счет — он решил, что глупо выбирать из двух зол то, которое для тебя лично является большим.

Поэтому мы можем без всякого предубеждения отнестись к бродягам Сьерры, чистосердечно признав, что у нас и у них одна цель: быть рыцарем удачи, и что разница в положении и методах лишь дело случая. Быть может, одного или двух из этих бродяг было бы целесообразно умертвить — без всякой злобы, самым мягким и гуманным способом, — потому что среди двуногих, как и среди четвероногих, встречаются такие, которых опасно оставлять на свободе без цепи и намордника, и несправедливо заставлять других людей тратить свою жизнь на то, чтобы сторожить их. Но так как у общества не хватает духу для этой разумной меры и после поимки оно лишь суеверно подвергает их искупительному ритуалу пыток и унижений, а затем отпускает готовыми нарушать закон с удвоенной энергией, то нет ничего дурного в том, что они свободно бродят и в ущельях Сьерры, под началом предводителя, который, судя по его внешнему виду, вполне способен, в случае надобности, приказать, чтобы их пристрелили. Предводитель этот сидит сейчас в самом центре группы, на обтесанной каменной глыбе; это высокий крепкий человек с характерным крючковатым носом, черными блестящими волосами, остроконечной бородкой, закрученными вверх усами. Его сходство с Мефистофелем, несомненно, искусственно подчеркнуто, но тем не менее производит известное впечатление, быть может оттого, что сама природа здесь оправдывает рисовку, неуместную где-нибудь на Пикадилли, быть может, благодаря налету сентиментальности, характерному для этого человека и придающему ему то особое изящество, при котором только и простительна нарочитая живописность. В его взгляде и усмешке нет ничего диковатого; у него звучный голос и находчивый ум; и он кажется самым сильным из всей компании — даже если в действительности это и не так. Во всяком случае, он лучше всех упитан, лучше всех одет и лучше всех умеет себя держать. Его английская речь не вызывает удивления, несмотря на испанский ландшафт, так как за исключением одного несомненного француза и одного человека, в котором можно угадать спившегося матадора, все здесь американцы или выходцы из лондонского простонародья; поэтому в стране плащей и сомбреро они расхаживают в поношенных макинтошах, шерстяных кашне, котелках и грязных желтых перчатках. Лишь немногие подражают в одежде начальнику, в чьем сомбреро с петушиным пером и пышном плаще, ниспадающем до высоких сапог, нет решительно ничего английского. Все безоружны, те, у кого нет перчаток, держат руки в карманах, в силу национального убеждения, что ночью под открытым небом легко схватить простуду. (Вечер такой теплый, что лучшего трудно и пожелать.) Большинству из членов этой компании на вид лет тридцать с небольшим. Старше только пьяница-матадор и еще низенький близорукий человек с рыжими бакенбардами и испуганным взглядом мелкого коммерсанта, запутавшегося в делах. У него одного на голове цилиндр, отсвечивающий в закатных лучах сальным блеском какого-то грошового патентованного средства для обновления шляп, которое, по-видимому, часто применяется, но всякий раз лишь приводит объект в еще более плачевное состояние; долгополое коричневое пальто с бархатным воротником имеет довольно сносный вид; костюм дополняют целлулоидный воротничок и манжеты. Очевидно, в этом сообществе ему принадлежит роль почтенного лица; лет ему, должно быть, за сорок, даже за пятьдесят. Он занимает крайнее место справа от предводителя, напротив троих мужчин в ярко-красных галстуках, расположившихся слева. Из этих троих один — француз. Двое других — англичане: один завзятый спорщик, мрачный и упрямый; другой сварливый и шумный субъект. Предводитель великолепным жестом закидывает конец плаща на левое плечо и встает, готовясь произнести речь. Его встречают аплодисментами, что, несомненно, доказывает его популярность как оратора.

Предводитель. Друзья и коллеги бандиты! Я хочу сделать заявление настоящему собранию. Вот уже три вечера мы занимаемся обсуждением вопроса о том, кому в большей мере

свойственна личная храбрость — анархистам или социал-демократам. Мы весьма детально разобрали принципы анархизма и социал-демократии. Интересы анархизма умело защищал наш единственный анархист, который, кстати, не знает, что такое анархизм...

Общий смех.

Анархист (вставая). Предложение к порядку, Мендоса..

Мендоса (твердо). Нет уж, дудки! Ваше последнее предложение к порядку заняло полчаса. И потом — ведь анархисты отрицают порядок.

Анархист (кротко, вежливо, но настойчиво; это и есть почтенного вида пожилой человек в целлулоидном воротничке и манжетах). Это грубое заблуждение. Я могу доказать...

Мендоса. К порядку, к порядку!

Прочие (кричат). К порядку, к порядку! Садитесь! Слово председателю! Долой!

Анархиста принуждают замолчать.

Мендоса. С другой стороны, в нашей среде имеются три социал-демократа. Они не в ладах между собой, и нам здесь были предложены три различные и несовместимые социал-демократические теории.

Трое в ярко-красных галстуках.

1-й. Господин председатель, я протестую. Пристрастное освещение. 2-й. Ложь! Я этого никогда не говорил. Будьте честны, Мендоса. 3-й. Je demande la parole. C'est absolument faux! C'est faux! faux!! faux!!! Assas-s-s-s-sin!!![136]

Мендоса. К порядку, к порядку!

Прочие. К порядку, к порядку, к порядку! Слово председателю.

Социал-демократов принуждают замолчать.

Мендоса. Мы здесь, конечно, относимся терпимо к любым взглядам. Но в конце концов, друзья, большинство из нас не анархисты и не социалисты, а джентльмены и христиане.

Большинство. Слушайте, слушайте! Верно. Правильно.

Шумный социал-демократ (отбиваясь от попыток заставить его замолчать). Никакой вы не христианин. Вы жид, вот вы кто!

Мендоса (с уничтожающим великодушием). Друг мой, я — исключение из всех правил. Совершенно верно: я имею честь принадлежать к еврейской нации; и когда сионистам понадобится глава,

чтобы вновь объединить наш народ на его исторической родине в Палестине, Мендоса не последним предложит свои услуги.

Сочувственные аплодисменты, крики: «Слушайте, слушайте!» и т. д.

Но я не раб предрассудков. Я проглотил все формулы, вплоть до формулы социализма; хотя, в известном смысле, кто раз стал социалистом, тот остается им навсегда.

Социал-демократы. Слушайте, слушайте!

Мендоса. Тем не менее я твердо знаю, что обыкновенный человек — даже обыкновенный бандит, которого едва ли можно назвать обыкновенным человеком...

Крики: «Слушайте, слушайте!»

...не философ. С него достаточно здравого смысла; а в нашем деле я и сам готов удовольствоваться здравым смыслом. Но скажите, для какого дела мы собрались здесь, в Сьерра-Неваде, которую мавры считали красивейшим уголком Испании? Чтобы вести туманные дискуссии на темы политической экономии? Нет. Чтобы задерживать автомобили и способствовать более справедливому распределению материальных благ.

Мрачный социал-демократ. Являющихся продуктом труда — не забывают этого.

Мендоса (

с изысканной вежливостью). Без всякого сомнения. И этот продукт труда богатые бездельники готовятся растратить в притонах разврата, обезображивающих солнечные берега Средиземного моря. Мы перехватываем у них эти материальные блага. Мы вновь пускаем их в обращение среди того класса, который их произвел и больше всех в них нуждается, рабочего класса. Мы совершаем это, рискуя свободой и жизнью, путем упражнения таких добродетелей, как мужество, выносливость, предусмотрительность и воздержание, особенно воздержание. Я сам вот уже три дня не ел ничего, кроме кактусов и рагу из дикого кролика.

Мрачный социал-демократ (

упрямо). Мы тоже.

Мендоса (

возмущенно). Я, кажется, не брал себе больше, чем мне полагается.

Мрачный социал-демократ (

нисколько не тронутый). Еще чего!

Анархист. А если бы и брал? Каждому по потребностям, от каждого по способностям.

Француз (

потрясая кулаком перед анархистом). Fumiste![137]

Мендоса (

дипломатично). Я согласен с вами обоими.

Чистокровные английские бандиты. Слушайте, слушайте! Bravo, Мендоса.

Мендоса. Моя мысль вот в чем; будем относиться друг к другу как джентльмены и состязаться в доблести только на поле битвы.

Шумный социал-демократ (язвительно). Чем не Шекспир?!

Со скалы доносится свист. Пастух вскочил на ноги и возбужденно тычет пальцем в сторону дороги.

Пастух. Машина! Машина! (

Бежит вниз и смешивается с толпой бандитов, которые тоже повскакали со своих мест.)

Мендоса (

звонко). К оружию! У кого винтовка?

Мрачный социал-демократ (

передает ему винтовку). Вот она.

Мендоса. Гвозди рассыпаны на шоссе?

Мрачный социал-демократ. Целых две унции.

Мендоса. Хорошо! (

Французу.) Дюваль, за мной! Если гвозди не помогут, вы продырявите шины пулей. (

Передает винтовку Дювалю, который следом за ним взбирается на скалу. Мендоса вынимает театральный бинокль.)

Остальные бегут к дороге и скрываются в северном направлении.

(

Мендоса на скале, приставив бинокль к глазам.) Только двое, капиталист и его шофер. Судя по виду, англичане.

Дюваль. Англишай! Вот как! Cochons![138] (

Щелкает затвором.) Faut tirer, n'est ce pas?[139]

Мендоса. Нет! Гвозди сделали свое дело: камера лопнула; они останавливаются.

Дюваль (

кричит остальным). Fondez sur eux, nom de Dieu![140]

Мендоса (

тоном упрека). Du calme[141], Дюваль. Держите себя в руках. Они не сопротивляются. Спустимся и пойдем им навстречу.

Мендоса спускается со скалы и, обойдя костер, выходит па авансцену, куда в это же время со стороны дороги бандиты приводят Тэннера и Стрэйкера; оба в кожаных пальто и шлемах и в автомобильных очках.

Тэннер. Этот джентльмен и есть ваш предводитель? Он говорит по-английски?

Шумный социал-демократ. А то нет! Неужели вы воображаете, что мы, англичане, станем подчиняться какому-то испанцу?

Мендоса (

с достоинством). Разрешите представиться: Мендоса, президент Лиги Сьерры! (

С нарочитой надменностью.) Я — бандит: живу тем, что граблю богатых.

Тэннер (

живо) А я — джентльмен: живу тем, что граблю бедных. Вашу руку!

Социал-демократы англичане. Слушайте, слушайте!

Общий смех и веселье. Тэннер и Мендоса обмениваются рукопожатиями. Бандиты возвращаются на свои места.

Стрэйкер. Эй, вы! А про меня-то забыли?

Тэннер (

представляя). Мой друг и шофер.

Мрачный социал-демократ (

подозрительно). Что же все-таки, друг или шофер? Это, знаете ли, существенно.

Мендоса (

поясняя). За друга мы будем требовать выкуп. Профессиональный шофер пользуется в горах полной свободой; ему даже предоставляется известный скромный процент из выкупа хозяина, если он окажет нам честь принять его.

Стрэйкер. Ага! Это чтоб я и в другой раз поехал той же дорогой. Что ж, тут стоит подумать.

Дюваль (

порывисто кидаясь к Стрэйкеру). Mon frere![142] (

Восторженно обнимает его и целует в обе щеки.)

Стрэйкер (

с отвращением). Слушайте, как вас? Не валяйте дурака. Кто вы вообще такой?

Дюваль. Дюваль, социал-демократ.

Стрэйкер. Ах вот как, вы социал-демократ?

Анархист. Иначе говоря, он продался парламентскому сброду и буржуазии. Компромисс — вот его символ веры.

Дюваль (

в ярости). Я понимаю, что он говоришь. Он говорил — буржуазии. Он говорил — компромисс. *Jamais de la vie! Miserable menteur!*[143]

Стрэйкер. Послушайте, капитан Мендоса! Что это у вас тут за порядки? Выходит, мы ехали на увеселительную прогулку, а попали на митинг социалистов.

Большинство. Слушайте, слушайте! Долой! Долой! Лишить слова! На место! и т. п. и т. п.

Социал-демократов и анархиста оттирают на задний план, после чего Стрэйкер, не без удовольствия наблюдавший за этой процедурой, устраивается слева от Мендосы, Тэннер — справа.

Мендоса. Чем вас можно угостить? Кактус, рагу из кролика?..

Тэннер. Благодарю вас, мы уже обедали.

Мендоса (

своим приспешникам). Господа! Рабочий день окончен. До утра все свободны.

Бандиты лениво разбредаются в разные стороны. Одни уходят в пещеру, другие усаживаются или укладываются спать под открытым небом. Несколько человек, запасшись колодой карт, идут на дорогу; на небе теперь светят только звезды, а у автомобиля, как известно, есть фары, при свете которых вполне можно сыграть партию в карты.

Стрэйкер (

окликающая их). Вы там не вздумайте только баловать с машиной, слышите?

Мендоса. Будьте спокойны, monsieur le chauffeur! Первый автомобиль, который мы тут захватили, навсегда отбил у нас охоту.

Стрэйкер (

с интересом). А что он вам сделал?

Мендоса. Свез в Гренаду троих наших товарищей, которые не знали, как его остановить, и вывалил их у самой двери полицейского участка. С тех пор мы никогда не прикасаемся к машине в отсутствие шофера. Что ж, побеседуем по душам?

Тэннер. С удовольствием.

Тэннер, Мендоса и Стрэйкер рассаживаются вокруг костра. Мендоса любезно пренебрегает своим положением президента, одной из привилегий которого является право сидеть на обтесанной каменной глыбе, и устраивается, как и его гости, прямо на земле, лишь прислонившись к камню спиной.

Мендоса. В Испании принято всегда откладывать дело на завтра. К тому же вы приехали в неслужебные часы. Но тем не менее, если вы предпочитаете немедля заняться вопросом о выкупе, — я к вашим услугам.

Тэннер. Можно подождать и до завтра. Я достаточно богат и думаю, что в цене мы сойдемся.

Мендоса (

пораженный этим признанием, почтительно). Вы необыкновенный человек, сэр! Обычно наши гости уверяют нас, что они почти нищие.

Тэннер. Чушь! Нищие не разъезжают в собственных автомобилях.

Мендоса. Вот и мы им говорим то же самое.

Тэннер. Обращайтесь с нами хорошо, и мы не останемся в долгу.

Стрэйкер. И, пожалуйста, без кактусов и рагу из кролика. Я отлично знаю: стоит вам только захотеть, так найдется что-нибудь и получше.

Мендоса. За наличные можете получить вино, баранину, молоко, сыр и хлеб.

Стрэйкер (

милостиво). Вот это другой разговор.

Тэннер. Скажите, вы все — социалисты?

Мендоса (

спеша рассеять это унижительное заблуждение), О нет, нет, нет! Уверяю вас, ничего подобного. Разумеется, мы придерживаемся современных взглядов относительно несправедливости существующей системы распределения материальных благ; иначе мы бы себя не уважали. Но вы ни от кого здесь не услышите неприемлемых для себя суждений — если исключить двух-трех чудаков.

Тэннер. Я не имел в виду вас обидеть. Собственно говоря, я сам до известной степени социалист.

Стрэйкер (

сухо). Все богачи — социалисты, как я погляжу.

Мендоса. Вы совершенно правы. И нужно сознаться, нас это тоже не миновало. Таков дух времени.

Стрэйкер. Да, должно быть, у социализма дела недурны, раз уж и ваши молодцы в социалисты записались.

Мендоса. Ни одно движение не может существенно влиять на политику страны, если в нем принимают участие только философы и честные люди: их слишком мало. До тех пор, пока движение не станет популярным среди бандитов, ему нечего рассчитывать на политическое большинство.

Тэннер. Но разве ваши бандиты менее честны, чем обыкновенные граждане?

Мендоса. Сэр, я буду с вами откровенен. Бандитизм — вне норм. Такого рода профессии привлекают две категории людей; тех, кто не дорос до обыкновенного буржуазного уклада, и тех, кто его перерос. Мы — и самый нижний и самый верхний слой, сэр. Подонки и пенки, так сказать.

Стрэйкер. Тсс! Смотрите, как бы вас не услышал кто-нибудь из подонков.

Мендоса. Это неважно. Каждый бандит думает, что он принадлежит к пенкам, и любит, когда других называют подонками.

Тэннер. О, да вы остроумны!

Мендоса, польщенный, наклоняет голову.

Можно задать вам откровенный вопрос?

Мендоса. Спрашивайте все, что хотите.

Тэннер. Какой смысл человеку ваших способностей пасти такое стадо, питаюсь кактусами и рагу из кролика? Я видел людей менее одаренных и — готов поклясться — менее честных в отеле «Савой» за ужином с *pate de fois gras*[144] и шампанским.

Мендоса. Пустое! В жизни каждого из них была пора кактусов и рагу из кролика, так же как в моей жизни когда-нибудь настанет пора отеля «Савой». Да, собственно говоря, в ней уже была такая пора, — я там служил официантом.

Тэннер. Официантом! Вы шутите!

Мендоса (

задумчиво). Да. Я, Мендоса де Сьерра, был официантом в отеле «Савой». Быть может, именно это сделало из меня космополита. (

В неожиданном порыве.) Хотите, я расскажу вам свою историю?

Стрэйкер (

с опаской). Если только она не очень длинная.

Тэннер (

живо). Замолчите, Генри! Вы филистер. В вас нет ни капли романтики. (

Мендосе.) Господин президент, вы меня страшно заинтересовали. Не обращайтесь внимания на Генри, пусть его ложится спать.

Мендоса. Женщина, которую я любил...

Стрэйкер. Ах, так это любовная история? Ну, тогда ничего, давайте. А то я боялся, что вы будете рассказывать о себе.

Мендоса. О себе? Ради нее я давно уже отрекся от себя. Вот почему я оказался здесь. Но все равно: без нее мир для меня не существует. У нее, поверьте моему слову, были самые прекрасные волосы, какие только можно себе представить; она была умна, обладала природным юмором, в совершенстве умела стряпать, была капризна, непостоянна, изменчива, прихотлива, жестока — одним словом, очаровательна.

Стрэйкер. Ну прямо героиня шестишиллингового романа, если б только не стряпня А звали ее как? Наверно, леди Глэдис Плантагенет?

Мендоса. Нет, сэр; она родилась не в графской семье По фотографиям в газетах и журналах я хорошо знаком с внешностью дочерей английских пэров и могу сказать, не кривя душой, что все они вместе взятые, с их ужимками, тряпками, приданым и титулами, не стоят одной ее улыбки. А между тем это была женщина из народа, труженица; иначе — откровенность за откровенность — я бы и не взглянул на нее.

Тэннер. Совершенно справедливо. И что ж, она вам отвечала взаимностью?

Мендоса Разве тогда я был бы здесь? Она не хотела выйти замуж за еврея.

Тэннер. Из религиозных соображений?

Мендоса. Нет, она была свободомыслящая. Но она говорила, что каждый еврей в глубине души считает англичан нечистоплотными.

Тэннер. Нечистоплотными?

Мендоса. Это лишь показывает ее глубокое знание света, потому что это совершенная правда. Наш сложный гигиенический кодекс внушает нам преувеличенно презрительное отношение к христианам.

Тэннер. Вы когда-нибудь слышали подобное, Генри?

Стрэйкер. Да, моя сестра тоже так говорила. Она одно время служила кухаркой в еврейской семье.

Мендоса. Я не смел с ней спорить и не мог бороться с представлением, которое в ней так укоренилось. Всякое другое препятствие я сумел бы преодолеть. Но ни одна женщина не простит мужчине сомнения в деликатности ее привычек. Все мольбы мои были напрасны, она постоянно возражала, что она для меня недостаточно хороша, и советовала мне жениться на одной трактирной служанке по имени Ребекка Лейзерус, которую я терпеть не мог! Я грозил покончить с собой, — она предложила мне пакетик персидского порошка для этой цели. Я намекнул, что способен на убийство, — с ней сделалась истерика; и провалиться мне на этом месте — я уехал в Америку только для того, чтобы ей не мерещилось во сне, будто я пробираюсь к ней в комнату с ножом в руках. В Западных штатах я столкнулся с одним человеком, которого разыскивала полиция за ограбление поездов. Это он подал мне мысль уехать на юг Европы и заняться ограблением автомобилей: спасительная мысль для разочарованного и отчаявшегося человека. Он снабдил меня рекомендательными письмами к людям, которые могли финансировать это предприятие. Я организовал концерн. И вот я здесь. Как всякий еврей, благодаря своему уму и воображению я оказался во главе дела. Но хоть я и не чужд расовой гордости, я бы все отдал, чтоб быть англичанином. Я веду себя, как мальчишка, — вырезаю на деревьях ее инициалы и черчу на песке ее имя. Оставшись один, я бросаюсь на землю, рву на себе волосы и кричу: «Луиза!..»

Стрэйкер (пораженный). Луиза?

Мендоса. Да, так ее зовут: Луиза Стрэйкер.

Тэннер. Стрэйкер?

Стрэйкер (вне себя от негодования, привстает на колени). Слушайте, вы! Луиза Стрэйкер — это моя сестра. Поняли? Что вы там за вздор про нее несете? Какое вам дело до нее?

Мендоса. О, драматическое совпадение! Вы — Генри, ее любимый брат?

Стрэйкер. Какой я вам Генри? Что это еще за фамильярности со мной и с моей сестрой? Скажите еще слово, и я из вас дух вышибу.

Мендоса (с величайшим спокойствием). Можете, только обещайте мне, что вы ей об этом расскажете. Она вспомнит о своем Мендосе; а мне ничего больше не нужно.

Тэннер. Вот истинное чувство, Генри. Вы должны отнестись к нему с уважением.

Стрэйкер (злобно). Просто трусит.

Мендоса (

вскакивая). Трусит?.. Молодой человек! Я прихожу из семьи знаменитых боксеров, и вашей сестре хорошо известно, что вы против меня — все равно что детская колясочка против вашего автомобиля.

Стрэйкер (

втайне струхнув, поднимается все же с колен с видом бесшабашного забияки). Подумаешь, испугали! Я вам покажу Луизу! Луиза! Для вас и «мисс Стрэйкер» достаточно хороша!

Мендоса. Я хотел бы, чтоб вы ее в этом убедили.

Стрэйкер (

задохнувшись от злости). Слуш...

Тэннер (

быстро встает и становится между ними). Перестаньте, Генри. Ну, положим, вы побьете президента, но вы же не можете перебить всю Лигу Сьерры? Сядьте на свое место и успокойтесь. Даже кошка смеет смотреть на короля; и даже президент бандитов смеет смотреть на вашу сестру. Вообще эта семейная спесь — пережиток прошлого.

Стрэйкер (

повинуясь, но все еще ворча). Пусть его смотрит на нее. Но с чего ему взбрело в голову, будто она когда-нибудь смотрела на него? (

Неохотно укладывается снова на земле у костра.) Послушать его, так и правда подумаешь, что она с ним водилась. (

Поворачивается спиной и устраивается поудобнее, собираясь спать.)

Мендоса (

Тэннеру; кругом все уже спят, и он делается откровеннее, видя, что остался наедине с сочувственно настроенным слушателем, под усыпанным звездами небом). Да, вот так это и было, сэр. Разумом она опередила свою эпоху, но социальные предрассудки и семейные привязанности тянули ее назад, в глубь темных веков. Ах, сэр, поистине любому порыву наших чувств можно найти выражение у Шекспира;

Ее любил я. Сорок тысяч братьев[145]

Всем множеством своей любви со мною

Не уравнились бы...

Дальше я забыл. Конечно, вы можете назвать это безумием, наваждением. Я способный человек, сильный человек еще десять лет, и я был бы владельцем первоклассного отеля. Но я встретил ее — и вот перед вами бандит, отщепенец. Нет, даже Шекспир не в силах передать мои чувства к Луизе. Позвольте прочесть вам несколько строк, которые я ей посвятил. Их литературное достоинство, может быть, и невысоко, но они лучше всего передают мои чувства. (

Вынимает из кармана пачку ресторанных счетов, исписанных неразборчивым почерком, и,

встав на колени, помешивает палочкой в костре, чтобы он разгорелся ярче.)

Тэннер (

резко хлопнув его по плечу). Послушайте, президент, бросьте это в огонь.

Мендоса (

изумленно). Что?

Тэннер. Вы губите свою жизнь ради жалкой мании.

Мендоса. Я знаю.

Тэннер. Нет, вы не знаете. Не может человек сознательно совершать над собой такое преступление. Как вам не стыдно среди этих царственных гор, под этим божественным небом, вдыхая этот чудесный теплый воздух — говорить языком третьеразрядного писаки из Блумсбери[146]!

Мендоса (

качая головой). Когда утрачена прелесть новизны, Сьерра ничуть не лучше Блумсбери. К тому же эти горы навевают сны о женщинах — о женщинах с прекрасными волосами.

Тэннер. Короче говоря — о Луизе. Ну, мне они не навевают снов о женщинах, друг мой. Я застрахован от любви.

Мендоса. Не хвалитесь раньше времени, сэр. В этих краях иногда снятся странные сны.

Тэннер. Что ж, посмотрим. Спокойной ночи. (

Ложится и устраивается поудобнее, готовясь заснуть.)

Мендоса, вздохнув, следует его примеру; и на несколько мгновений в горах Сьерры воцаряется тишина. Потом Мендоса садится и умоляюще говорит Тэннеру:

Мендоса. Ну хоть несколько строчек, пока вы еще не заснули. Мне, право, очень хочется услышать ваше мнение.

Тэннер (

сонным голосом). Валяйте. Я слушаю.

Мендоса. Тебя я встретил в Духов день, Луиза, Луиза...

Тэннер (

приподнимаясь). Послушайте, дорогой мой президент, Луиза бесспорно очень красивое имя, но оно же не рифмуется с Духовым днем.

Мендоса. Конечно, нет. Оно и не должно рифмоваться, Луиза — это здесь рефрен.

Тэннер (

укладывается вновь). Ах, рефрен. Ну, тогда простите. Читайте дальше.

Мендоса. Если эти вам не нравятся, я прочту другие, — они, пожалуй, лучше. (

Декламирует звучным бархатным голосом, медленно и отдельно.)

Луиза, люблю вас.

Люблю вас, Луиза.

Луиза, Луиза, Луиза, люблю вас.

Вся музыка мира лишь в слове: «Луиза»...

Луиза, Луиза, Луиза, люблю вас.

Мендоса влюбленный,

Влюбленный Мендоса,

Мендоса живет лишь для милой Луизы;

Другого на свете не знает он счастья.

Луиза, Луиза, Мендоса вас любит.

(

Растроганно.) Не так уж трудно составлять красивые строчки вокруг такого имени. Прелестное имя — Луиза; правда, сэр?

Тэннер, почти уснувший, отвечает невнятным мычаньем.

Ах, будь же, Луиза,

Женою Мендосы,

Мендосы Луизой, Луизой Мендоса.

Как сладко жилось бы Луизе Мендосы,

Как нежил бы лаской свою он Луизу.

Да, это истинная поэзия — от самого сердца, от самой сердцевины сердца. Как вы думаете, неужели и это ее не тронет?

Молчание.

(

Уныло.) Заснул. Вот и всегда так. Для всего мира это лишь скверные вирши, а для меня — небесная музыка. Эх, дурень я, дурень, душа нараспашку! (

Укладывается спать, бормоча.) Луиза, люблю вас. Люблю вас, Луиза. Луиза... Луиза, Луиза, лю...

Стрэйкер всхрапывает, переворачивается на бок, снова засыпает. В горах Сьерры наступает тишина, сумрак сгущается. Огонь зарылся в пепел и едва тлеет. Непроницаемо черны вершины гор на фоне звездного неба; но вот и звезды тускнеют и гаснут, и небо словно выскользнуло из мира. На месте Сьерры теперь — ничто, вездесущее ничто. Ни неба, ни гор, ни света, ни звука, ни времени, ни пространства: беспредельная пустота. Но вот вдали возникает бледная туманность, и в то же время слышится слабое гудение, точно на призрачной виолончели без конца вибрирует одна и та моя струна; две призрачные скрипки вступают под этот аккомпанемент

и тотчас же в туманности вырисовывается человек — бесплотный, но все же видимый, сидящий, как это ни странно, в пустоте. На мгновение, когда звуки музыки проносятся мимо него, он поднимает голову, потом с тяжелым вздохом никнет в безысходной тоске. Скрипки, приуныв, безнадежно тянут свою мелодию, пока она не теряется в стенаниях каких-то таинственных духовых:

Все это очень странно. Но можно узнать моцартовскую тему; это наводит на догадку, и догадка подтверждается, когда при свете вспыхнувших в туманности фиолетовых искр становится видно, что человек одет в костюм испанского гранда XV–XVI веков. Дон Жуан, конечно. Но где? почему? как? Кроме того, когда он приподнимал голову, его лицо, сейчас скрытое полями шляпы, чем-то неожиданно напоминало Тэннера. Правда, это лицо бледнее, в холодных правильных чертах не прочтешь стремительного легковерия и экспансивности Тэннера и не увидишь налета вульгарности, свойственной современному плутократу, но все же сходство значительное, почти полное. Даже в имени Дон Жуан Тенорио[147] — Джон Тэннер. Куда, на какой край земли — а может быть, и не земли? — занесло нас из XX века и Сьерры?

Возникает новая туманность, на этот раз не фиолетовая, а с неприятной дымчатой желтизной. Тотчас же тихий напев призрачного кларнета придает музыке оттенок беспредельной скорби.

Желтоватая туманность движется, бредет в пустоте древняя старуха, сгорбленная и беззубая, закутанная, насколько можно разглядеть, в грубое темное монашеское одеяние. Она бредет и бредет, медленной, расслабленной поступью, слепо кружит, как оса в своем стремительном и деловитом полете, пока не наткнется на то единственное, чего она ищет: другое живое существо. Со вздохом облегчения, обрадовавшись присутствию человека, бедная старушка обращается к сидящему сухим и неприятным голосом, который еще не утратил способности выражать и высокомерие, и решительность, и страдание,

Старуха. Простите, но я так одинока, а здесь так страшно.

Дон Жуан. Новенькая?

Старуха. Да. Я умерла, кажется, сегодня утром. Я исповедалась, причастилась святых тайн; я лежала в постели, окруженная родными, не сводя глаз с креста. Потом стало темно. И когда опять появился свет — вот этот свет, я побрела, ничего не видя кругом. Уже много часов я скитаюсь в мучительном одиночестве.

Дон Жуан (

со вздохом). Ах! Вы еще не утратили чувства времени. Это скоро проходит перед лицом вечности.

Старуха. Где мы?

Дон Жуан. В аду.

Старуха (

высокомерно). В аду? Я — в аду? Как вы смеете?

Дон Жуан (

нимало не тронутый). Что же тут невозможного, сеньора?

Старуха. Вы не знаете, с кем говорите. Я дворянка и верная дочь церкви.

Дон Жуан. Охотно верю.

Старуха. Как же я могла попасть в ад? Может быть, это чистилище? У меня были недостатки — у кого их нет? но ад! Вы просто лжете.

Дон Жуан. Ад, сеньора, уверяю вас, ад; и притом лучший его уголок — самый уединенный. Хотя вы, может быть, предпочитаете общество?

Старуха. Но ведь я же исповедовалась, я искренне каялась в своих грехах...

Дон Жуан. Во многих?

Старуха. Я каялась больше, чем грешила; я любила ходить к исповеди.

Дон Жуан. О, это, пожалуй, не лучше, чем каяться не во всем. Но так или иначе, сеньора, ясно одно: намеренно или по недосмотру — вы осуждены наравне со мной, и теперь вам остается только примириться с этим.

Старуха (

негодующе). О! Но если так, я ведь могла грешить гораздо больше! Выходит, все мои добрые дела пропали зря? Ведь это же несправедливо!

Дон Жуан. Вовсе нет! Вас совершенно точно и ясно предупреждали: за дурные дела — искупление через муки спасителя, милосердие без справедливости; за добрые дела — справедливость без милосердия. У нас здесь немало честных людей.

Старуха. И вы тоже были честным человеком?

Дон Жуан. Я был убийцей.

Старуха. Убийцей! Как же меня посмели свалить в одну кучу с убийцами? Я не такая уж грешница, я была честной женщиной. Тут, верно, ошибка; как ее исправить?

Дон Жуан. Не знаю, можно ли здесь исправлять ошибки. Скорее всего, если даже и была ошибка, ее не захотят признать!

Старуха. Но к кому же мне обратиться?

Дон Жуан. На вашем месте, я обратился бы к дьяволу, сеньора. Он неплохо разбирается в здешних порядках, что мне никогда не удавалось.

Старуха. Дьявол? Мне говорить с дьяволом?

Дон Жуан. В аду, сеньора, дьявол возглавляет лучшее общество.

Старуха. Я же вам говорю, несчастный: я знаю, что я не в аду.

Дон Жуан. Откуда же вы это знаете?

Старуха. Я не испытываю страданий.

Дон Жуан. О, в таком случае никакой ошибки нет: вы попали по адресу.

Старуха. Почему вы так решили?

Дон Жуан. Потому, сеньора, что ад — это место для грешников. Грешники себя в нем отлично чувствуют: на них он и рассчитан. Вы сказали, что не испытываете страданий. Из этого я заключаю, что вы одна из тех, для кого существует ад.

Старуха. А вы испытываете страдания?

Дон Жуан. Я не грешник, сеньора; поэтому мне здесь скучно, нестерпимо, невероятно скучно.

Старуха. Не грешник? Да ведь вы сказали, что вы убийца.

Дон Жуан. Так то был поединок. Я проткнул шпагой одного старика, который меня хотел проткнуть шпагой.

Старуха. Если вы дворянин, то это не называется убийством.

Дон Жуан. Старик считал это убийством, потому что он, по его словам, защищал честь своей дочери. Это надо понимать так: когда я имел глупость влюбиться в нее и сказал ей об этом, она подняла крик; а он едва не убил меня, предварительно изругав самым оскорбительным образом.

Старуха. Вы такой же, как и все мужчины. Все они распутники и убийцы, все, все, все!

Дон Жуан. И тем не менее мы здесь встретились с вами, сударыня.

Старуха. Слушайте, что я вам скажу. Мой отец был убит таким же бездельником, на таком же поединке, по такому же поводу. Я закричала, — этого требовал мой долг. Мой отец бросил вызов оскорбителю, — это был вопрос чести. Отец пал: вот награда за защиту чести. Я здесь — в аду, как вы сами сказали: вот награда за исполненный долг. Так есть ли справедливость в небесах?

Дон Жуан. Нет. А вот в аду есть. Небеса слишком далеки от ничтожной человеческой личности. Вам хорошо будет в аду, сеньора. Ад — истинная обитель чести, долга, справедливости, — одним словом, всех семи смертных добродетелей. Ведь во имя их совершаются все прегрешения на земле; где же, как не в аду, искать за них награды? Я уже сказал вам: кто проклят по заслугам, тот вполне счастлив в аду.

Старуха. А вы сами счастливы здесь?

Дон Жуан (

вскакивая на ноги). Нет! Над этой-то загадкой я и размышляю во мраке ада. Зачем я здесь? Я, который отрекся от долга, попираю честь и смеялся над справедливостью!

Старуха. Ах, что мне до того, зачем вы здесь! Вот зачем я здесь? Я, которая все свои

склонности принесла в жертву женской чистоте и добродетели!

Дон Жуан. Терпение, сударыня! Вы скоро здесь освоитесь и будете вполне счастливы. Как сказал поэт: «Ад — это город, с Севильей очень схожий»[148].

Старуха. Счастлива! Здесь! Где я никто! Где я ничто!

Дон Жуан. Ничуть не бывало! Вы дама, а где дамы — там всегда ад. Не удивляйтесь и не пугайтесь; вы здесь найдете все, чего может пожелать дама, вплоть до дьяволов, которые станут служить вам из одной лишь страсти прислуживаться и превозносить ваши достоинства, чтобы возвеличить свои заслуги.

Старуха. Мои слуги будут дьяволы?

Дон Жуан. А разве на земле ваши слуги не были дьяволы?

Старуха. Верно! Все они были сущие дьяволы, все до одного! Но это так только говорится. А я поняла из ваших слов, что моими слугами будут настоящие дьяволы.

Дон Жуан. Они в такой же мере настоящие дьяволы, в какой вы — настоящая дама. Здесь нет ничего настоящего. В этом ужас вечного проклятия.

Старуха. С ума сойти! Да это хуже геенны огненной.

Дон Жуан. Но кой в чем вы все-таки можете найти утешение. Вот, например: сколько лет вам было, когда вы отошли в вечность?

Старуха. Почему вы говорите — было, словно я уже вся в прошлом? Мне сейчас семьдесят семь.

Дон Жуан. Возраст почтенный, сеньора. Но здесь, в аду, не терпят старости. Старость слишком реальна. Здесь мы поклоняемся Любви и Красоте. Так как на душах наших лежит проклятие, мы изощряем свои сердца. Семидесятисемилетней старухой вы рискуете не завязать в аду ни одного знакомства.

Старуха. Но не могу же я изменить свой возраст?

Дон Жуан. Вы забываете, что ваш возраст остался позади, в царстве времени. Вам точно так же не семьдесят семь лет теперь, как не семь, не семнадцать и не двадцать семь.

Старуха. Вздор!

Дон Жуан. Подумайте сами, сеньора; разве это не было так, даже когда вы еще жили на земле? Разве в семьдесят лет, под своими морщинами и сединами, вы действительно были старше, чем в тридцать?

Старуха. Нет, моложе. В тридцать я была дурочкой. Но что толку чувствовать себя молодой, если выглядишь старой?

Дон Жуан. Вот видите, сеньора, ваш внешний вид был только иллюзией. Ваши морщины были так же обманчивы, как свежая гладкая кожа глупой семнадцатилетней девчонки, немощной духом и дряхлой мыслями. Здесь мы бесплотны; мы видим себя в телесном образе лишь потому, что еще при жизни научились думать о себе как о существах из плоти и крови и не умеем думать иначе. Но мы можем являться друг другу в любом возрасте, по нашему желанию. Вам стоит только пожелать, и к вам возвратится любой из ваших прежних обликов.

Старуха. Не может быть!

Дон Жуан. Попробуйте,

Старуха. Семнадцать лет!

Дон Жуан. Стойте! Прежде чем вы решите, я должен предупредить вас, что это в значительной степени вопрос моды. Иногда нам кажется, что нет ничего лучше семнадцати лет; но это преходящее заблуждение. Сейчас самый модный возраст — сорок или, скажем, тридцать семь; однако, судя по некоторым признакам, эта мода скоро пройдет. Если в двадцать семь вы были недурны собой, советую вам выбрать именно этот возраст и завести новую моду.

Старуха. Я не верю ни одному вашему слову. Но пусть будет так: двадцать семь!

Бац! И старуха превращается в молодую женщину, богато разодетую и такую прекрасную, что в сиянии, внезапно разлившемся на месте ее прежнего тускло-желтого ореола, ее легко можно принять за Энн Уайтфилд.

Дон Жуан. Донна Анна де Уллоа!

Донна Анна. Как! Вы меня знаете?

Дон Жуан. А вы меня забыли?

Донна Анна. Я не вижу вашего лица.

Он приподнимает шляпу.

Дон Жуан Тенорио! Чудовище! Вы убийца моего отца! Даже здесь вы меня преследуете!

Дон Жуан. Я и не думал преследовать вас. Позвольте мне удалиться. (

Хочет идти.)

Донна Анна (

хватая его за рукав). Нет, вы не оставите меня одну в этом ужасном месте.

Дон Жуан. Хорошо, но с условием, что мое присутствие не будет истолковано как преследование.

Донна Анна. Вы вправе удивляться, что я вообще способна терпеть ваше присутствие. О мой отец! Мой дорогой отец!

Дон Жуан. Может быть, вы хотите его увидеть?

Донна Анна. Мой отец здесь?!!

Дон Жуан. Нет, он на небесах.

Донна Анна. Я в этом не сомневалась. Мой благородный отец! Он взирает на нас с высоты. Каково ему видеть свою дочь в таком месте и в обществе его убийцы!

Дон Жуан. Кстати, на случай если бы мы его встретили...

Донна Анна. Как же мы можем его встретить? Ведь он на небесах?

Дон Жуан. Время от времени он нисходит сюда, к нам. Ему скучно в раю. Так вот, я хотел вас

предупредить на случай встречи с ним: если не хотите его смертельно обидеть, не вздумайте называть меня его убийцей. Он утверждает, что владел шпагой гораздо лучше, чем я, и непременно заколот бы меня, если б не поскользнулся. Вероятно, он прав; я не был искусным фехтовальщиком. Я никогда не спорю с ним по этому поводу, и мы большие друзья.

Донна Анна. Солдату не зазорно гордиться своим боевым искусством.

Дон Жуан. Вам, очевидно, не очень хочется встречаться с ним?

Донна Анна. Как вы смеее так говорить?

Дон Жуан. О, здесь это очень часто бывает. Вспомните, ведь даже на земле, — хотя, конечно, никто из нас не признался бы в этом, — скорбя о смерти знакомого человека, пусть даже очень близкого нам, мы всегда испытывали некоторое чувство удовлетворения при мысли, что наконец избавились от него.

Донна Анна. Чудовище! Никогда, никогда!

Дон Жуан (

невозмутимо). Я вижу, вам это чувство все же знакомо. Да, похороны всегда были для нас празднеством в черных тонах, в особенности похороны родича. Во всяком случае здесь семейные связи редко поддерживаются. Ваш отец привык к этому; он не ожидает от вас изъявлений преданности.

Донна Анна. Несчастный! Я всю жизнь носила траур по нему.

Дон Жуан. Вполне понятно: траур вам был к лицу. Но одно дело пожизненный траур, другое — вечный. К тому же здесь вы так же мертвы, как и ваш отец. Что может быть нелепее, чем покойник в трауре по другому покойнику? Не смотрите на меня с таким возмущением, дорогая Анна, и не огорчайтесь. В аду много бессмыслицы, пожалуй, больше, нежели чего другого; но вот эту бессмыслицу — насчет смерти, возраста и всяких перемен — вам придется забыть, потому что здесь все мы мертвы и все мы вечны. Вы скоро привыкнете к этому.

Донна Анна. И все мужчины будут называть меня «дорогая Анна»?

Жуан. Нет. Я оговорился. Прошу меня простить.

Донна Анна (

почти с нежностью). Жуан! Скажите, когда вы посягали на мою честь, вы в самом деле меня любили?

Дон Жуан (

раздраженно). Ах, пожалуйста, не заводите разговоров о любви. Здесь только и говорят что о любви: какое это прекрасное, святое, возвышенное чувство, черт его... Простите, но если б вы знали, как это мне надоело. Ведь те, кто это говорит, понятия не имеют о предмете — в отличие от меня. Оттого что они бестелесны, они воображают, что достигли совершенства в любви. Разврат воображения и ничего больше! Тьфу!

Донна Анна. Даже смерть не очистила вашу душу, Жуан. Даже страшный суд, вестником которого явилась статуя моего отца, не научил вас почтению.

Дон Жуан. Кстати, как поживает эта отменно любезная статуя? Что, она все еще приходит ужинать с нечестивцами и утаскивает их в преисподню?

Донна Анна. Она меня ввела в огромные расходы. Мальчишки из монастырской школы просто покою ей не давали: шалуны увечили ее, примерные ученики писали на ней свои имена. За два года три новых носа, а уж пальцев — без счету. В конце концов мне пришлось махнуть на нее рукой; и воображаю, на что она теперь стала похожа! Бедный мой отец!

Дон Жуан. Шш! Слушайте!

На волнах синкоп гремят два мощных аккорда ре-минор и его доминанта; звучание, в каждого музыканта вселяющее священный трепет.

Ага! Моцартовская сцена появления статуи. Это ваш отец. Вы лучше спрячьтесь, пока я его подготовлю.

Донна Анна исчезает.

В пустоте появляется живая статуя из белого мрамора, изображающая величавого старика; впрочем, он с изящной непринужденностью пренебрегает своей величавой осанкой, шагает легчайшей поступью, и каждая морщинка его огрубевшего в боях лица дышит праздничной веселостью. Своему ваятелю он обязан стройной фигурой и превосходной военной выправкой, концы его усов упруго, как пружины, загибаются кверху, придавая ему выражение, которое можно было бы назвать игривым, если бы не чисто испанская гордость взгляда. С Дон Жуаном он в наилучших отношениях. Его голос, несмотря на значительно более изысканные интонации, живо напоминает голос... Роубэка Рэмсдена, и под этим впечатлением невольно замечаешь, что и в наружности обоих стариков есть некоторое сходство, хотя один носит эспаньолку, а другой — бакенбарды.

Дон Жуан. Ах, вот и вы, мой друг! Что это вы никак не выучите превосходную партию, которую для вас написал Моцарт?

Статуя. К сожалению, он ее написал для баса. А у меня тенор-альтино. Ну, как вы? Раскаялись?

Дон Жуан. Мое хорошее отношение к вам, дон Гонсало[149], мешает мне раскаяться. Ведь если б я это сделал, вы лишились бы повода спускаться с неба и спорить со мной.

Статуя. Верно. Продолжайте упорствовать, мой мальчик. Жаль, что из-за пустяковой случайности вы убили меня, а не я вас. Тогда я попал бы сюда, а вам в удел досталась бы статуя и репутация праведника, которая обязывает. Что новенького?

Дон Жуан. Дочь ваша умерла.

Статуя (

в недоумении). Моя дочь? (

Припоминая.) Ах да! Та самая, за которой вы волочились?! Пойдите, как бишь ее звали?

Дон Жуан. Анна.

Статуя. Вот-вот — Анна. Хорошенькая, помнится, была девочка. А вы известили этого, как его? Ну, мужа ее.

Дон Жуан. Моего друга Оттавио? Нет, я еще его не видел после прибытия Анны.

Донна Анна, вне себя от возмущения, вступает в освещенный круг.

Донна Анна. Что я слышу? Оттавио здесь и в дружбе с вами! А вы, отец, позабыли мое имя!

Должно быть, вы действительно обратились в камень.

Статуя. Дорогая моя, в этом мраморном воплощении я пользуюсь настолько большим успехом, чем в прежнем своем виде, что предпочел сохранить облик, данный мне скульптором. Это был один из величайших мастеров своего времени, не правда ли?

Донна Анна. Тщеславие! Отец! Вы — и тщеславие!

Статуя. Ах, дочь моя, ты успела изжить эту слабость; ведь тебе сейчас лет восемьдесят. Моя жизнь благодаря пустой случайности оборвалась в шестьдесят четыре года, и, следовательно, я гораздо моложе тебя. К тому же, дитя мое, здесь неуместно то, что наш беспутный приятель назвал бы комедией родительской мудрости. Прошу тебя видеть во мне не отца, а собрата по человечеству.

Донна Анна. Ваши речи похожи на речи этого злодея.

Статуя. Жуан здраво рассуждает, Анна. Плохо фехтует, но рассуждает здраво.

Анна (

объятая ужасом). Я начинаю понимать. Это дьяволы искушают меня. Стану молиться.

Статуя (

утешая ее). Что ты, что ты, дитя мое! Только не молись. Ты сама хочешь отказаться от главного преимущества этих мест. Здесь над входом начертаны слова: «Оставь надежду всяк сюда входящий»[150]. Подумай только, какое это облегчение! Ведь что такое надежда? Одна из форм моральной ответственности. Здесь нет надежды — и, следовательно, нет долга, нет труда; здесь ничего не приобретаешь молитвой и ничего не теряешь, поступая так, как хочется. Короче говоря, ад — это место, где можно только и делать, что развлекаться.

Дон Жуан издает глубокий вздох.

Вы вздыхаете, друг Жуан; но, сиди вы на небесах, как я, вы оценили бы преимущества своего нынешнего положения.

Дон Жуан. Вы сегодня хорошо настроены, командор. Ваше остроумие так и сверкает. Что случилось?

Статуя. Я принял одно очень важное решение, мой мальчик. Но где же наш приятель Дьявол? Мне нужно посоветоваться с ним об этом деле. К тому же Анне, вероятно, интересно будет с ним познакомиться.

Донна Анна. Вы мне готовите какую-то пытку?

Дон Жуан. Это все только суеверие, Анна. Успокойтесь. Вспомните сами: не так страшен черт, как его малюют

Статуя. Давайте вызовем его.

По мановению руки статуи снова гремят торжественные аккорды; но на этот раз моцартовскую музыку портит примешивающаяся к ней музыка Гуно. Разгорается пурпурный ореол, и в нем возникает Дьявол в традиционном облике Мефистофеля. Он немного похож на Мендосу, но не так эффектен. Он выглядит старше, преждевременно облысел и, несмотря на избыток добродушия и приветливости, легко впадает в обидчивый и сварливый тон, когда его заигрывания остаются без ответа. Судя по виду, он не из тех, кто способен усердно трудиться или сносить лишения, и, должно быть, охотно дает себе любые поблажки — черта не

слишком приятная; но он умен и умеет внушить доверие, хоть явно уступает своим собеседникам в изысканности манер и собеседнице — в живости.

Дьявол (

приветливо). Итак, я снова имею удовольствие видеть у себя в гостях славного командора Калатравы[151]? (

Холодно.) Дон Жуан, здравствуйте. (

Вежливо.) И незнакомая дама? Мое почтение, сеньора!

Донна Анна. Вы...

Дьявол (

с поклоном). Люцифер, к вашим услугам.

Донна Анна. Я сойду с ума.

Дьявол (

галантно). Ах, сеньора, не стоит волноваться. Вы к нам явились с земли и еще не свободны от ее предрассудков и страхов, навеянных клерикальным засильем. Вы привыкли слышать обо мне дурное; но поверьте, у меня на земле немало и друзей.

Донна Анна. Это верно; еще есть сердца, в которых вы царите.

Дьявол (

качая головой). Вы мне льстите, сеньора; но это ошибка. Правда, мир не может обойтись без меня; однако я все же не пользуюсь там заслуженным уважением. В глубине души меня побаиваются и ненавидят. Сочувствие мира на стороне нищеты, скорби, немощи телесной и духовной. Я же призываю к веселью, к любви, к красоте, к счастью...

Дон Жуан (

чувствуя приступ тошноты). Простите, я ухожу. Вы знаете, что я совершенно не переношу этого.

Дьявол (

сердито). Да, я знаю, что вы не принадлежите к числу моих друзей.

Статуя. Чем вы недовольны, Жуан? По-моему, то, что он говорил, когда вы его перебили, было исполнено самого здравого смысла.

Дьявол (

горячо пожимая руку статуи). Благодарю, друг мой, благодарю. Вы всегда меня понимали; он же всегда сторонился меня и выказывал мне пренебрежение.

Дон Жуан. Я всегда относился к вам вполне корректно.

Дьявол. Корректно! Что такое «корректно»? Мне мало одной корректности. Мне подавайте сердечную теплоту, неподдельную искренность, нежные узы радости и любви...

Дон Жуан. Перестаньте, меня тошнит.

Дьявол. Вот! (

Взывая к статуе.) Вы слышите, сэр? Какая ирония судьбы: этот холодный, самоуверенный себялюбец попал в мое царство, а вы взяты в ледяные чертоги неба.

Статуя. Я не смею жаловаться. Я был лицемером; и если попал на небеса, то и поделом мне.

Дьявол. Ах, сударь, почему бы вам не перейти к нам, покинув сферы, для которых ваш темперамент чересчур непосредствен, ваше сердце чересчур пылко, а ваша способность к наслаждениям чересчур велика,

Статуя. Не далее как сегодня я решился на это. Отныне, любезнейший Сын Зари, я ваш. Я навсегда покинул рай.

Дьявол (

снова прикасаясь к мраморной руке). О, какая честь! Какое торжество для нас! Спасибо, спасибо. А теперь, мой друг, — наконец-то я по праву могу вас назвать так, — может быть, вы уговорите Дон Жуана занять пустующее место, наверху?

Статуя (

качая головой). Совесть не позволяет мне советовать человеку, с которым я в дружбе, сознательно обречь себя на неудобства и скуку.

Дьявол. Конечно, конечно. Но уверены ли вы, что ему там будет скучно? Разумеется, зам лучше знать; он попал сюда благодаря вам, и первое время мы возлагали на него большие надежды. Все его чувства были вполне во вкусе наших лучших сторонников. Помните, как он пел? (

Затягивает гнусавым оперным баритоном, дрожащим от неизжитой за целую вечность привычки форсировать звук на французский манер.) *Vivan le femine! Vivan il buon vino!*[152]

Статуя (

подхватывает октавой выше). *Sostegno e gloria D'umanita!*[153]

Дьявол. Вот-вот, это самое. Но теперь он нам никогда не поет.

Дон Жуан. Вы недовольны? Ад кишит музыкантами-любителями; музыка — это алкоголь осужденных грешников. Так неужели одна заблудшая душа не имеет права на воздержание?

Дьявол. Вы осмеливаетесь кощунствовать против величайшего из искусств!

Дон Жуан (

с холодным отвращением). Вы похожи на истеричку, млеющую перед знаменитым скрипачом.

Дьявол. Я не сержусь. Мне только жаль вас. В вас нет души, и вы сами не понимаете, чего вы лишились. Зато вы, сеньор командор, — прирожденный музыкант. Как вы прекрасно поете! Будь Моцарт еще здесь, он пришел бы в восторг; к сожалению, он захандрил и был взят на небо. Удивительное дело, почему это самые умные люди, казалось бы, рожденные блистать в здешних местах, оказываются на поверку непригодными для светского общества — вот как Дон Жуан.

Дон Жуан. Мне, право, очень жаль, что я непригоден для светского общества.

Дьявол. Не подумайте, будто мы не отдаем должное вашему уму. Ни в коем случае. Но я исхожу из ваших же интересов. Вы с нами не ладите, вам здесь не по себе. Все дело в том, что у вас нет — я не скажу «сердца», вес мы знаем, что под вашим напускным цинизмом скрывается очень пылкое...

Дон Жуан (

содрогнувшись). Не надо, умоляю вас, не надо!

Дьявол (

обиженно). Хорошо, скажем так: у вас нет способности наслаждаться. Устраивает это вас?

Дон Жуан. Что ж, формулировка столь же ханжеская, но несколько менее нестерпимая. Только лучше уж позвольте мне, как всегда, искать спасения в одиночестве.

Дьявол. А почему же не в раю? Ведь это самое для вас подходящее место. (

Донне Анне.) Послушайте, сеньора, может быть, вы его уговорите попробовать переменить климат — ведь это для его же пользы.

Донна Анна. Но разве он может отправиться в рай, если захочет?

Дьявол. А что же ему мешает?

Донна Анна. Значит, каждый... значит, и я могу?

Дьявол (

с оттенком презрения). Безусловно, если это соответствует вашим склонностям.

Донна Анна. Так почему же тогда все не уходят в рай?

Статуя (

хихикнув). Об этом ты меня спроси, дорогая моя. Причина в том, что рай — самое ангельски-скучное место во всей вселенной.

Дьявол. Его превосходительство сеньор командор выразился с прямолинейностью воина; но жить в раю действительно невыносимо тяжело. Молва гласит, что я был оттуда изгнан; на самом же деле я ни за какие блага не остался бы там. Я попросту ушел и основал вот это заведение.

Статуя. И не удивительно! Кому ж под силу выдержать вечность на небесах!

Дьявол. Не скажите, некоторых это устраивает. Будем справедливы, командор: это дело темперамента. Мне лично райский темперамент не по вкусу, я его не понимаю, пожалуй, я вовсе и не стремлюсь его понимать; но во вселенной всему найдется место. О вкусах не спорят; есть люди, которым там нравится. Мне кажется, что Дон Жуану понравилось бы.

Дон Жуан. Но — простите за откровенность — вы действительно могли бы по желанию вернуться туда или же — зелен виноград?

Дьявол. Вернуться туда! Да я не раз возвращался туда. Разве вы не читали книгу Иова? На какой церковный авторитет вы можете сослаться, утверждая, что между нашим кругом и небесным существует непроходимая граница?

Донна Анна. Как же так? А бездна?

Дьявол. Уважаемая сеньора! Притчу никогда не следует понимать буквально. Бездна в данном случае означает лишь различие между ангельским темпераментом и дьявольским. Можно ли себе представить бездну более глубокую! Вспомните, как обстоит дело на земле. Между аудиторией философа и ареной для боя быков не зияет видимая глазу пропасть, — однако на лекции философа вы никогда не встретите матадора. Случалось ли вам бывать в стране, где у меня больше всего последователей, в Англии? Там находятся знаменитые ипподромы, и там же есть концертные залы, где исполняются классические творения друга его превосходительства — Моцарта. Завсегдатаи скачек, если им заблагорассудится, могут посещать и концерты классической музыки, закон не запрещает им этого; никогда англичанин не будет рабом[154], он волен делать все то, что ему разрешает правительство и общественное мнение. А концерт классической музыки считается более возвышенным, поэтическим, интеллектуальным и облагораживающим душу развлечением, нежели скачки. Что ж, разве любители скачек спешат покинуть ипподром ради концертного зала? Ничего подобного. Они томилась бы там так же мучительно, как командор томился на небе. Вот это и есть бездна, о которой говорит притча. Через настоящую бездну они могли бы перекинуть мост, или в крайнем случае я бы сделал это для них (

на земле полно чертовых мостов), — но бездна отвращения непреодолима и вечна. И это единственная бездна, отделяющая моих друзей от тех, кого так неосмотрительно называют блаженными.

Донна Анна. Сейчас же уйду в рай!

Статуя. Дитя мое! Одно слово предостережения. Позволь мне дополнить аналогию, проведенную моим другом Люцифером. В любом из концертных залов Англии можно встретить жестоко скучающих людей, которые пришли туда не потому, что действительно любят классическую музыку, а потому, что считают своим долгом любить ее. То же самое и в раю. Многие пребывают там во славе не потому, что им это приятно, а потому, что пребывание на небесах они считают приличествующим своему положению. Это чаще всего англичане.

Дьявол. Вы правы. Уроженцам юга там скоро надоедает, и они переходят к нам, как вы. Но англичане как будто сами не замечают, когда им скверно. Англичанин убежден, что он исполняет нравственный долг, когда он всего лишь терпит неудобства.

Статуя. Короче говоря, дочь моя, если ты отправишься в рай, не будучи к тому предназначена от природы, тебе там едва ли понравится.

Донна Анна. А кто смеет утверждать, будто я не предназначена к этому от природы? Самые выдающиеся князья церкви никогда в этом не сомневались. Из уважения к себе я должна немедленно отсюда удалиться.

Дьявол (

обиженно). Как вам будет угодно, сеньора. Я, признаться, думал, что у вас более утонченный вкус.

Донна Анна. Отец! Вы, конечно, идете со мной? Вы не можете здесь оставаться. Что скажут люди?

Статуя. Люди! Да ведь все лучшие люди здесь — и князья церкви и прочие. На небо идут немногие, большая часть попадает сюда; то, что прежде называлось небесным сонмом, составляет теперь незначительное меньшинство. Когда-то это были святые, отцы церкви, избранники; сейчас — это чудаки, сумасброды, отщепенцы.

Дьявол. Совершенно правильно. Я с самого начала знал, что в конечном счете, несмотря на

поднятую против меня кампанию лжи и клеветы, общественное мнение окажется на моей стороне. Вселенная, в сущности, организована на конституционных началах; и при том большинстве, которым я располагаю, меня не удастся постоянно оттирать от командных постов.

Дон Жуан. Мне кажется, Анна, что и вам лучше остаться здесь.

Донна Анна (

ревниво). Вы не хотите, чтоб я шла вместе с вами?

Дон Жуан. Неужели вы согласились бы явиться в рай в обществе такого закоснелого грешника?

Донна Анна. Все души одинаково драгоценны. Ведь вы же раскаялись, правда?

Дон Жуан. Дорогая Анна, вы просто глупы. Вы думаете, небо — это все равно что земля, где люди убедили себя, что содеянное можно уничтожить раскаянием; что сказанное можно вернуть, отказавшись от своих слов; что истину можно опровергнуть, постановив считать ее ложью. Нет! Небо — обитель властелинов действительности, вот почему я и отправляюсь туда.

Донна Анна. Благодарю покорно! А я так иду туда ради блаженства. Действительность мне достаточно надоела на земле.

Дон Жуан. Тогда оставайтесь здесь, ибо ад — обитель тех, кто бежит от действительности и ищет блаженства. Только здесь они могут укрыться, потому что небо, как я уже говорил, есть обитель властелинов действительности, а земля — обитель ее рабов. Земля — это детская, где люди играют в героев и героинь, святых и грешников; но из этого бутафорского рая их изгоняет плоть, которой они наделены. Голод, холод и жажда, болезни, старость и одряхление, а главное смерть — все это делает их рабами действительности: трижды в день должно поглощать и переваривать пищу, трижды в столетие должно зачинать новое поколение; вековой опыт веры, науки, поэзии свелся в конце концов к одной лишь молитве: «Сделай из меня здоровое животное». Но здесь, в аду, вы свободны от тирании плоти, ибо здесь в вас нет ничего от животного; вы — тень, призрак, иллюзия, условность, безвозрастная, бессмертная, — одним словом бесплотная. Здесь нет ни социальных проблем, ни религиозных, ни политических, и — что, пожалуй, ценней всего, — нет проблемы здоровья. Здесь вы точно так же как и на земле, называете свою наружность красотой свои эмоции — любовью, свои побуждения — героизмом, свои желания — добродетелью; но здесь вам не противоречат беспощадные факты, здесь нет иронического контраста между природными потребностями и выдуманной идеалами; вместо человеческой комедии здесь разыгрывается нескончаемая всесветная мелодрама в романтическом вкусе. Как сказал наш немецкий друг: «Поэтическая бессмыслица здесь здравый смысл, и Вечно Женственное влечет нас ввысь»[155], ни на шаг не сдвигая нас с места. И этот рай вы хотите покинуть!

Донна Анна. Но если ад так прекрасен, как великолепны должны быть небеса!

Дьявол, статуя и Дон Жуан, все разом, пытаются с жаром протестовать, потом в замешательстве останавливаются.

Дон Жуан. Простите!

Дьявол. Нет, нет, пожалуйста. Это я вас перебил.

Статуя. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

Дон Жуан. Прошу вас, господа. Я потом.

Дьявол (

Дон Жуану). Вы так красноречиво описывали преимущества моих владений, что я предоставляю вам столь же беспристрастно изобразить все недостатки конкурирующего предприятия.

Дон Жуан. В раю, как я себе представляю, дорогая сеньора, не играют и не притворяются, но живут и работают. Там вы смотрите правде в лицо; вы свободны от наваждения, ваша твердость и бесстрашие — вот в чем ваша слава. Если здесь, как и на земле, разыгрывается комедия, если весь мир — театр, то рай хотя бы находится за кулисами. Впрочем, рай трудно описать с помощью метафор. И вот туда я теперь направляюсь, в надежде уйти наконец от лжи и от вульгарной, скучной погони за счастьем и предаться вечному созерцанию...

Статуя. Брр!

Дон Жуан. Сеньор командор, ваше отвращение мне понятно: картинная галерея не место для слепца. Но как вы наслаждаетесь созерцанием романтических миражей вроде красоты и радости, точно как же я наслаждался бы созерцанием того, что для меня самое интересное, — Жизни — силы, которая постоянно стремится совершенствовать свою способность к самосозерцанию. Чему, как вы думаете, я обязан своим развитым мозгом? Потребности двигаться, перемещать свое тело? Ничуть! Крыса, у которой мозг развит вдвое меньше моего, двигается так же, как и я. Главное здесь не потребность что-то делать, но потребность знать, что делаешь, чтобы не уничтожить самого себя в слепом стремлении жить.

Статуя. Друг мой, не поскользнься я в тот день, вы бы наверняка уничтожили самого себя в слепом стремлении фехтовать.

Дон Жуан. Дерзкий балагур! Прежде чем забрезжит утро, ваше веселье сменится чудовищной скукой.

Статуя. Ха-ха-ха! А помните, как вы испугались, когда я вам сказал что-то в этом роде со своего пьедестала в Севилье[156]? Без моих тромбонов это звучит довольно жидко.

Дон Жуан. Говорят, и с ними это довольно жидко звучит, командор.

Донна Анна. Ах, отец, вы своими легкомысленными шутками только мешаете ему говорить. Скажите, Жуан, но разве в раю нет ничего, кроме созерцания?

Дон Жуан. В том раю, куда я хотел бы попасть, иных радостей нет. Но зато там есть цель: помогать Жизни в ее извечном стремлении ввысь. Подумайте только о том, как она тратит и расплывает свои силы, как сама себе создает препятствия и в своей слепоте и неведении губит самое себя. Чтобы помешать этому самосокрушению, нужна сила мозга. «Что за мастерское творение — человек!»[157] — сказал поэт. Да, но в то же время что за путаник! Вот вам величайшее чудо, созданное жизнью, самое живое из всех живых существ, самый сознательный из всех организмов — и все же как жалок его мозг! Глупость, которая под влиянием действительности, познанной в труде и лишениях, становится отвратительной и жестокой! Воображение, которое скорей иссякнет, чем решится взглянуть этой действительности в лицо, и, нагромождая иллюзии, чтобы от нее заслониться, именуется талантом, гением! А при этом они еще приписывают друг другу собственные пороки: Глупость обвиняет Воображение в безрассудстве, а Воображение обвиняет Глупость в невежестве, тогда как на самом деле, увы, все знание — удел Глупости, а рассудительность — удел Воображения.

Дьявол. Да, а в результате получается невесть что. Ведь еще при заключении сделки с Фаустом я сказал: единственное, что разум сумел дать человеку, это сделать его еще большим скотом, чем любая скотина. Одно прекрасное тело стоит мозгов сотни философов,

страдающих газами и несварением желудка.

Дон Жуан. Вы забываете, что идея о великолепии безмозглого тела тоже не нова. Уже существовали и погибли создания, во много раз превосходившие человека всем, кроме размеров мозга. Мегатерий и ихтиозавр мерили землю семимильными шагами и своими тучеподобными крыльями заслоняли дневной свет. Что осталось от них? Музейные окаменелости, и то такие мелкие и редкие, что одна какая-нибудь косточка или зуб ценится дороже жизни тысячи солдат. Эти существа жили и хотели жить, но, не обладая мозгом, они не знали, как достигнуть цели, и сами истребили себя.

Дьявол. А разве человек, несмотря на свой хваленый мозг, не занимается самоистреблением? Бывали вы за последнее время на земле? Я вот бывал и видел удивительные изобретения человека. И могу вам сказать — в искусстве жизни человек не изобрел ничего нового, зато в искусстве смерти он превзошел даже природу. Его химия и техника смертоноснее чумы, моровой язвы и голода Крестьянин, которого мне приходится искушать сегодня, ест и пьет то же, что ели и пили крестьяне десять тысяч лет тому назад; и дом, в котором он живет, за тысячу веков претерпел меньше изменений, чем мода на дамские шляпки за какие-нибудь полгода. Но когда он идет убивать, в руках у него хитроумная машинка, которая при одном прикосновении пальца выпускает на свободу всю скрытую энергию молекул и рядом с которой смешны и беспомощны копье, стрела и праща его предков. В мирном производстве человек — бездарный пачкун. Я видел его текстильные фабрики: собака, если б голод влек ее не к мясу, а к деньгам, сумела бы изобрести станки не хуже этих. Я знаю его неуклюжие пишущие машинки, неповоротливые локомотивы и скучные велосипеды — все это игрушки в сравнении с пулеметом «максим», с подводной лодкой. В промышленное оборудование человек вкладывает только свою жадность и лень; всю душу он отдает оружию. Ваша хваленая Сила Жизни — не что иное, как Сила Смерти. Могущество человека измеряется его способностью к разрушению. Что такое его религия? Предлог ненавидеть меня. Что такое его правосудие? Предлог повесить вас. Что такое его мораль? Жеманство! Предлог потреблять, не производя. Что такое его искусство? Предлог упиваться изображениями бойни. Что такое его политика? Либо поклонение деспоту, потому что деспот властен в жизни и смерти, либо парламентские свары. Недавно я провел вечер в одном прославленном законодательном учреждении[158], где слушал ответы министров на запросы и любовался на то, как хромой учил безногого прыгать. Уходя, я начертал на двери старую поговорку: «Не задавай вопросов, и ты не услышишь лжи». Я купил иллюстрированный журнал для семейного чтения; почти на каждой картинке кто-то в кого-то стрелял или закалывал кого-то кинжалом. Я видел, как умер один лондонский рабочий, каменщик, у которого было семеро детей. Он оставил семнадцать фунтов стерлингов сбережений; жена все истратила на похороны, а назавтра вместе с детьми отправилась в рабочий дом. Она не потратила бы и семи пенсов на обучение своих детей, — понадобилась власть закона, чтобы заставить ее отдать их в бесплатную школу; но ради смерти она не пожалела последнего. Таковы люди: одна лишь мысль о смерти подстегивает их воображение, удешевляет энергию; они любят смерть, и чем она ужаснее, тем больше нравится им. Сущность ада выше их понимания; они знают о нем только то, что слышали от двух величайших дураков, каких когда-либо носила земля, — одного итальянца и одного англичанина. Итальянец уверял[159], что у нас тут грязь, стужа, вонь, языки пламени, ядовитые змеи, — одним словом, сплошные пытки. Вперемежку с клеветой на меня этот осел нес всякую чушь о женщине, которую он как-то раз повстречал на улице. Англичанин утверждал[160], что меня пушками и порохом изгнали из небесных сфер, и его соотечественники по сей день верят, что эти глупые рассказы взяты из библии. Что он там дальше писал, я не знаю, так как все это изложено в длиннейшей поэме, которую еще никто — и я в том числе — не мог дочитать до конца. И так у них во всем. Самым возвышенным литературным жанром считается трагедия — пьеса, оканчивающаяся убийством всех действующих лиц. Старинные хроники повествуют о землетрясениях и эпидемиях чумы, усматривая в них знак могущества и величия бога и ничтожества человека. В современных хрониках описываются бои. В бою два скопища людей

осыпают друг друга пулями и снарядами до тех пор, покуда одни не побегут; а тогда другие на лошадях мчатся в погоню за ними и, настигнув, изрубают в куски. И это, говорится в заключении хроники, доказывает мощь и величие победивших держав и ничтожество побежденных. А после таких боев народ с криками ликования толпится на улицах и требует, чтобы правительство ассигновало новые сотни миллионов на бойню, — в то время как даже влиятельнейшие министры не могут истратить лишней пени на борьбу с болезнями и нищетой, от которых страдает этот самый народ. Я мог бы привести еще тысячу примеров, но смысл тут везде один: сила, которая правит миром, — Сила Смерти, а не Жизни; и движущим импульсом, который привел Жизнь к созданию человека, явилось стремление не к высшей форме бытия, а к более совершенному орудию разрушения. Действие чумы, голода, землетрясений, ураганов было чересчур непостоянным; тигр и крокодил были недостаточно жестоки и слишком легко утоляли свой голод, нужно было найти более устойчивое, более безжалостное, более хитроумное воплощение разрушительной силы. И таким воплощением явился Человек, изобретатель дыбы, виселицы, гильотины и электрического стула, меча, пушки и ядовитых газов, а самое главное — справедливости, долга, патриотизма и всех прочих измов, посредством которых даже того, кто достаточно разумен, чтоб быть человеческим, убеждают в необходимости стать неумолимейшим из всех разрушителей.

Дон Жуан. А, старые песни! Вы всегда были простаком, мой адский друг, в этом ваша беда. Вы смотрите на человека его же глазами Ваше мнение о нем несказанно бы ему польстило. Он очень любит мнить себя существом злым и дерзким. На самом деле он не зол и не дерзок, — он просто трус. Назовите его тираном, убийцей, разбойником — он станет обожать вас и гордо задерет нос, воображая, что в жилах его течет кровь древних завоевателей. Назовите его обманщиком и вором — он в крайнем случае возбудит против вас преследование за клевету. Но попробуйте назвать его трусом — и он взбесится от ярости, он пойдет навстречу смерти, лишь бы уйти от этой жалящей истины. Человек находит любое объяснение своим поступкам, кроме одного; любое оправдание своим преступлениям, кроме одного; любой аргумент в свою защиту, кроме одного и это одно — его трусость. А между тем вся цивилизация основана на его трусости, на его жалком малодушии, которое он прикрывает названием респектабельности. Есть граница покорности осла и мула, но человек готов терпеть унижения до тех пор, пока самим угнетателям не сделается настолько противно, что они почувствуют себя вынужденными положить этому конец.

Дьявол. Совершенно правильно. И в этой жалкой твари вы умудрились обнаружить то, что вы называете Силой Жизни?

Дон Жуан. Да. Потому что здесь-то и начинается самое замечательное.

Статуя. Что же?

Дон Жуан. А то, что любого из этих трусов можно превратить в храбреца, внушив ему некоторую идею.

Статуя. Вздор! Я как старый солдат допускаю трусость: это такое же распространенное зло, как морская болезнь, — и такое же несущественное. Но насчет того, чтобы внушать людям идеи, — это все чистейший вздор. Чтобы солдат пошел в бой, ему нужно только иметь немного горячей крови в жилах и твердо знать, что поражение опаснее победы.

Дон Жуан. Вероятно, потому-то бои столь бесполезны. Человек только тогда способен действительно превозмочь страх, когда он воображает, что дерется ради какой-то всеобъемлющей цели, — борется за идею, как говорят в таких случаях. Почему Крестоносцы были отважнее пиратов? Потому что они сражались не за себя, а за христианство. В чем была сила противника, не уступавшего им в доблести? В том, что воины его сражались не за себя, а за ислам. Они отняли у нас Испанию, хотя там мы сражались за свой кров и дом; зато когда мы в свою очередь пошли в бой, окрыленные мощной идеей всесветной религии, мы

разбили их и прогнали назад в Африку.

Дьявол (

иронически). Так вы, оказывается, религиозны, Дон Жуан? Святоша? Поздравляю!

Статуя (

серьезным тоном). Полно, полно! Мне, как солдату, не подобает слушать, когда о религии говорят непочтительно.

Дон Жуан. Не тревожьтесь, командор. Идея всесветной религии переживет ислам, переживет христианство, переживет даже то сборище гладиаторов-недоучек, которое вы называете армией.

Статуя. Жуан! Я должен буду призвать вас к ответу за эти слова.

Дон Жуан. Стоит ли? Ведь я не умею фехтовать. Все идеи, за которые станут умирать люди, будут всесветного значения. Когда испанец поймет наконец, что он ничем не лучше сарацина, а его пророк ничем не лучше Магомета, он восстанет, вдохновленный всеобъемлющей идеей, перегорит баррикадой грязную трущобу, где проходила его полуголодная жизнь, и умрет на ней за всеобщее равенство и свободу.

Статуя. Вздор!

Дон Жуан. То, что вы называете вздором, — единственное, ради чего человек отваживается на смерть. Впоследствии, правда, и идея свободы покажется уже недостаточно всеобъемлющей; люди станут умирать ради совершенствования человека, в жертву которому они с радостью принесут свою свободу.

Дьявол. Да, да. Предлог для того, чтобы убивать друг друга, у них всегда найдется.

Дон Жуан. Что ж такого? Главное — не смерть, а страх смерти. Убить или умереть — не стыдно. Стыдно жить пресмыкаясь, получая за свой позор жалованье и проценты с прибылей. Лучше десять мертвецов, чем один живой раб или его хозяин. Придет время — и люди восстанут, и сын пойдет на отца, а брат на брата, и будут убивать друг друга за великую всесветную идею уничтожения рабства.

Дьявол. Да, но не раньше, чем ваши хваленые Свобода и Равенство сделают труд свободных белых христиан дешевле, чем труд черного язычника, продаваемого на невольничьем рынке.

Дон Жуан. Не беспокойтесь! Дойдет черед и до белого труженика. Но я не собираюсь защищать здесь те иллюзорные формы, которые принимает великая идея. Я только хочу доказать вам на примере, что тот, кого мы именуем Человеком и кто в личных своих делах труслив, как заяц, — становится героем, когда борется за идею. Как гражданин он может быть жалок; как фанатик — опасен. Поработить его можно, только если он достаточно слаб духом, чтобы внять увещаниям рассудка. Уверяю вас, господа: стоит лишь поманить человека тем, что сейчас он называет служением святому делу — и что потом будет называть множеством других имен, и вы увидите, что он даже не задумается о тех последствиях, которые для него лично могут оказаться плачевными...

Донна Анна. Конечно, он отмахнется от всякой ответственности, а бороться с последствиями предоставит своей жене.

Статуя. Хорошо сказано, дочь моя. Не давай ему сбить тебя с толку своими разговорами.

Дьявол. Горе нам, сеньор командор! Раз уж речь зашла о женщинах, остановить его не

удастся. Хотя, сознаюсь, эта тема и для меня представляет чрезвычайный интерес.

Дон Жуан. В глазах женщины, сеньора, весь долг и вся ответственность мужчины начинается и кончается добыванием хлеба для ее детей. Для нее мужчина — лишь средство к достижению ее цели: родить и вырастить ребенка.

Донна Анна. Вот как вы представляете себе духовный мир женщины! Какой возмутительный, циничный материализм!

Дон Жуан. Простите, Анна. Я не говорил обо всем духовном мире женщины. Я говорил только об ее взгляде на мужчину как на существо другого пола. Он не более циничен, чем ее взгляд на самое себя прежде всего как на Мать. Женщина — в сексуальном смысле — есть орудие, созданное природой, чтобы увековечить ее величайшее творение. Мужчина — в сексуальном смысле — есть орудие, созданное женщиной, чтобы наиболее экономным путем осуществить этот завет природы. Инстинкт говорит ей, что это она где-то на первых ступенях эволюционного развития изобрела мужчину, дала ему самостоятельное существование, сотворила его — для того, чтобы производить потомство более совершенное, чем то, которое может дать однополый процесс. До тех пор, пока он выполняет предназначенную ему функцию, ему разрешается мечтать, безумствовать, стремиться к идеалам, совершать подвиги, лишь бы в основе всего этого лежало поклонение женщине, материнству, семейному очагу. Но как опасно и неосмотрительно было создавать самостоятельный организм, чья единственная функция заключается в оплодотворении! Смотрите, что произошло. Прежде всего мужчина стал плодиться и множиться, так что в конце концов на свете оказалось столько же мужчин, сколько и женщин; и поэтому женщина может использовать для своей цели лишь частицу того огромного запаса энергии, который она оставила в распоряжении мужчины, избавив его от изнуряющих усилий деторождения. Эта избыточная энергия обратилась на его мышцы и мозг; он стал слишком сильным физически, чтобы подчиняться ей, и слишком мощным духовно, чтобы удовлетвориться простым воспроизведением рода. И вот, не спрашивая ее, он создал цивилизацию, в основу которой положил ее домашний труд, как нечто незыблемое, данное от века.

Донна Анна. Вот что верно, то верно.

Дьявол. Да, но к чему в конце концов свелась вся его цивилизация?

Дон Жуан. В конце концов она стала отличной мишенью для ваших циничных трюизмов; но в начале начал это была попытка мужчины стать чем-то большим, нежели простое орудие женщины для свершения ее долга. До сих пор непрерывное стремление Жизни не только утверждать себя, но и достигать все более и более высокой организации, все более и более полного самосознания сводится в лучшем случае к войне между ее силами и силами Смерти и Вырождения — войне, исход которой сомнителен. Отдельные бои в ней — просто тактические ошибки, и победы, как в настоящих боях, по большей части не зависят от полководцев.

Статуя. Это в мой огород. Ну, ничего, ничего, продолжайте.

Дон Жуан. Нет, командор, это в огород значительно более высокопоставленных особ. Но и вы в своей военной практике, вероятно, замечали, что даже глупый генерал может выиграть сражение, если генерал противника еще чуть-чуть глупее.

Статуя (

вполне серьезно) Совершенно справедливо, Жуан, совершенно справедливо. Некоторым ослам удивительно везет.

Дон Жуан. Так вот: пусть Сила Жизни глупа; Смерть и Вырождение еще глупее. Кроме того,

они ведь у нее же на службе. И поэтому, так или иначе, Жизнь побеждает. Мы обладаем всем, что плодородие может дать, а жадность — сберечь. Выживет та форма цивилизации, которая обеспечивает самые усовершенствованные винтовки и самых сытых стрелков.

Дьявол. Вот именно. Выживет потому, что создаст самые производительные орудия Смерти — а не Жизни. Вы неизбежно приходите к моим выводам, сколько бы вы ни изворачивались, ни путали и ни передергивали, — не говоря уж о том, как нестерпимо длинны ваши речи.

Дон Жуан. Ах, вот как? А кто первый стал говорить длинные речи? Впрочем, если мои рассуждения так утомительны для вашего интеллекта, вы можете оставить нас и возвратиться к любви, красоте и прочим вашим излюбленным банальностям.

Дьявол (

глубоко обиженный) Дон Жуан, вы несправедливы и невежливы. Я тоже сторонник интеллектуального общения. Кто еще способен так оценить его, как я? Я спорю честно и, мне кажется, достаточно убедительно опровергаю ваши положения. Если вам угодно, я готов продолжать разговор хоть целый час.

Дон Жуан. Отлично. Давайте.

Статуя. Сказать по правде, Жуан, я не вижу, чтоб вы пришли к какому-нибудь выводу. Но так как здесь нам приходится убивать не время, а вечность, — прошу вас, продолжайте.

Дон Жуан (

с некоторым раздражением). Мой вывод у вас перед носом, вы, каменнолобый монумент. Согласимся, что Жизнь есть Сила, постоянно стремящаяся проявить себя в организованной форме; что червь и человек, мышь и мегатерий, сверчки, светлячки и святые отцы — все это более или менее удачные попытки найти для этой первобытной силы более совершенное выражение, причем идеалом служит существо всеведущее, всемогущее, непогрешимое и наделенное способностью полного и безошибочного самосознания, — короче говоря: бог.

Дьявол. Я соглашаюсь ради продолжения спора.

Статуя. Я соглашаюсь во избежание спора.

Донна Анна. А я категорически возражаю в том, что касается святых отцов, и очень прошу вас не припутывать их к спору.

Дон Жуан. Я сделал это исключительно ради аллитерации, Анна, и больше не собираюсь о них говорить. А теперь, поскольку других разногласий у нас пока не возникало, согласимся далее, что Жизнь свои попытки приближения к божественному идеалу не измеряла достигнутой красотой или физическими достоинствами; ведь еще наш друг Аристофан отметил, насколько совершенны в этом отношении птицы — их свободный полет, их яркое оперение, наконец, — прибавлю от себя, — трогательная поэтичность их любви и свивания гнезд. Так можно ли предположить, что Жизнь, будь ее целью красота и любовь, могла бы, сотворив птиц, обратить свои усилия на создание неуклюжего слона и уродливой обезьяны, нашей прабабушки?

Донна Анна. Аристофан был язычник; но, кажется, вы, Жуан, немногим лучше его.

Дьявол. Значит, вы пришли к выводу, что Жизнь стремилась к неуклюжести и безобразию?

Дон Жуан. И не думал, господин дьявол; всем известно, что вы мастер искажать чужие мысли. Жизнь стремилась к созданию мозга — вот в чем была ее заветная цель. Она стремилась к созданию органа, который сделал бы возможным не только самосознание, но и

самопонимание.

Статуя. Ну, уж это метафизика, Жуан. Какого дьявола... (

Дьяволу.) Простите, друг мой...

Дьявол. Ничего, ничего, пожалуйста. Мне всегда лестно, когда мое имя употребляют для придания особой выразительности сказанному. Прошу вас не стесняться в этом смысле, командор.

Статуя. Благодарю вас, вы очень любезны. Я, знаете, даже в раю не мог отстать от военной привычки к крепким выражениям. Вот о чем я хотел спросить Жуана: зачем все-таки Жизни заботиться о создании мозга? Зачем непременно понимать себя? Почему нельзя просто наслаждаться?

Дон Жуан. Если б у вас не было мозга, командор, вы наслаждались бы, не зная, что наслаждаетесь, — и вам от этого не было бы никакой радости.

Статуя. Так-то оно так. Но мне нужно ровно столько мозга, чтобы знать, что я наслаждаюсь. Я не хочу понимать, отчего я наслаждаюсь. Право, это ни к чему. Поверьте моему опыту: думать о своих удовольствиях — значит портить их.

Дон Жуан. Вот почему интеллект не пользуется популярностью. Но для Жизни, для Силы, стоящей за человеком, интеллект необходим, потому что без него человек обречен слепо стремиться навстречу смерти. Подобно тому, как после многих веков борьбы Жизнь создала удивительный орган зрения, с помощью которого живой организм видит свой путь и все то, что ему на этом пути грозит или обещает радость, тем самым избегая тысячи прежде неотвратимых опасностей, — так она теперь создает орган зрения духовного, который позволит человеку видеть не только внешний мир, но цель и смысл самой Жизни, благодаря чему он сможет трудиться во имя этой цели, а не мешать ее достижению, близоруко преследуя свои узкие и личные цели. Ведь даже и сейчас есть только один тип человека, которому доступно истинное счастье, который всегда сохраняет всеобщее уважение среди сумятицы противоречивых интересов и иллюзий.

Статуя. Вы говорите о военном?

Дон Жуан. Командор, я говорю не о военном. Когда приближается военный, люди прячут серебряные ложки и спроваживают подальше жен и дочерей. Нет, не оружие и не героя я пою, а философа — того, кто, созерцая, хочет постигнуть выраженную в мире волю, размышляя, ищет путей претворения этой воли в жизнь и, действуя, стремится свершить ее тем путем, который подсказало размышление. Люди всех других типов мне давно уже надоели. Это просто скучные неудачники. Когда я жил на земле, вокруг меня постоянно рыскали разные ученые мужи, вынюхивая во мне слабое местечко, за которое можно было бы уцепиться. Врачи советовали мне позаботиться о своем теле и предлагали шарлатанские средства против мнимых болезней. Я отвечал, что не чувствую себя больным; они назвали меня невеждой и ушли. Врачи духовные советовали мне позаботиться о своей душе, но я чувствовал себя столь же здоровым духовно, как и телесно, и не хотел их слушать; они назвали меня безбожником и ушли. После них явился политик и сказал, что все в природе подчинено одной цели — добиться, чтобы он попал в парламент. Я сказал, что мне все равно, попадет он в парламент или нет; он назвал меня ренегатом и ушел. Тогда явился романтик, человек Искусства; он принес мне любовные песни, стихи и картины, и с ним я был дружен много лет к большому своему удовольствию и некоторой выгоде, так как его песни научили меня лучше слышать, картины — лучше видеть, а стихи — глубже чувствовать. Но в конце концов он привел меня к поклонению Женщине.

Донна Анна. Жуан!

Дон Жуан. Да, я стал находить в ее голосе всю музыку песен, в ее лице — всю красоту картин, в ее душе — весь жар поэзии.

Донна Анна. И вероятно, потом разочаровались. Но ее ли вина, что вы наделили ее всеми этими совершенствами?

Дон Жуан. Да, отчасти это ее вина. С удивительной инстинктивной хитростью она молчала и позволяла мне превозносить ее, приписывать ей то, что я сам видел, думал и чувствовал. Мой романтический друг был слишком беден и робок и потому зачастую не смел подойти к тем женщинам, которые своей утонченностью и красотой, казалось, отвечали его идеалу; так он и сошел в могилу, не утратив веры в мечту. Но мне судьба и природа благоприятствовали. Я был знатного происхождения и к тому же богат; если моя наружность не нравилась, льстили мои слова, хотя обычно мне и в том и в другом сопутствовала удача.

Статуя. Фат!

Дон Жуан. Вы правы; но даже мое фатовство нравилось. И вот оказалось, что стоит мне только затронуть воображение женщины, она уже готова дать мне уверить себя, что я любим; но, увенчав успехом мои искания, она никогда не скажет: «Я счастлива: моя страсть удовлетворена», но всегда сначала: «Наконец-то все преграды пали», а затем: «Когда мы опять увидимся?»

Донна Анна. То же самое говорят и мужчины.

Дон Жуан. Простите, я утверждаю, что никогда этого не говорил. Но женщины все как одна произносят именно эти две фразы. И я хочу сказать, что меня они всегда чрезвычайно смущали; ведь первая из этих фраз означала, что дама была движима единственным побуждением — прорвать мою оборону и приступом взять крепость; а во второй она довольно открыто заявляла, что отныне смотрит на меня как на свою собственность и намерена распоряжаться моим временем по своему усмотрению.

Дьявол. Вот тут-то и сказалось ваше бессердечие.

Статуя (

качая головой). Не следует повторять слова, сказанные вам женщиной, Жуан.

Донна Анна (

строго). Они должны для вас быть священны.

Статуя. Оно, положим, правда, что женщины всегда говорят именно эти слова. Насчет преград это бы еще ничего, но вот от второй фразы меня всегда немножечко коробило, разве только уж и вправду был влюблен по уши.

Дон Жуан. После этого дама, которая до той поры жила беспечно и вполне счастливо, вдруг теряла покой, сосредоточивала на мне все свои помыслы, принималась хитрить, преследовать, подстерегать, следить, всячески стараясь удержать свою добычу, — добычей, как вы сами понимаете, был я. Но ведь я вовсе не того искал. Быть может, это все было вполне уместно и естественно, но где же музыка, живопись, поэзия, наслаждение, воплощенные в прекрасной женщине? И я бежал прочь. Так бывало не раз. Собственно говоря, именно это меня и прославило.

Донна Анна. Вы хотите сказать — обесславило.

Дон Жуан. От вас ведь я не убежал. Что же, вы осуждаете меня за то, что я бежал от других?

Донна Анна. Вздор, сударь, вы забыли, что разговариваете с семидесятисемилетней старухой. Подвернись случай, вы бы точно так же убежали и от меня, — если бы я вас отпустила, конечно. Со мной это было бы не так легко, как с другими. Если мужчина сам не хочет соблюдать верность долгу и семейному очагу, его нужно заставить. Все вы хотели бы жениться на прелестных олицетворениях музыки, живописи и поэзии. Но это невозможно, потому что их не существует. Если обыкновенная плоть и кровь вам не подходит — останетесь вовсе ни при чем, только и всего. Ведь мирятся женщины с мужьями из плоти и крови, да еще и этого-то подчас маловато! Придется и вам примириться с женами из плоти и крови.

Дьявол недоверчиво хмурится. Статуя делает гримасу.

Я вижу, никому из вас это не нравится, но тем не менее это так; и, как говорится, хоть оно и не по вкусу, а придется проглотить.

Дон Жуан. Дорогая сеньора, вы в нескольких фразах изложили всю сущность моих возражений против романтики. Вот именно потому я и отвернулся от моего романтического приятеля с художественной натурой — как он сам называл свое ослепление. Я поблагодарил его за то, что он научил меня пользоваться ушами и глазами, но сказал, что поклонение красоте, погоня за счастьем и идеализация женщины — все это в качестве жизненной философии гроша ломаного не стоит; он назвал меня филистером и ушел.

Донна Анна. По-видимому, Женщина, несмотря на свои многочисленные недостатки, тоже кой-чему вас научила.

Дон Жуан. Она сделала больше; она дала мне ключ ко всему, чему меня учили другие. Ах, друзья мои, когда преграды пали в первый раз — какое это было ошеломляющее открытие! Я ждал безумства, опьянения, всего того, что в юношеских грезах связывается с любовью; и что же — голова моя оставалась совершенно ясной и мысль работала с безжалостной четкостью. Самая завистливая соперница не разглядела бы в моей подруге столько изъянов, сколько видел я. Я не был обманут; я взял ее, не одурманивая себя наркотом.

Донна Анна. Но вы ее взяли.

Дон Жуан. В этом и заключалось откровение. До той минуты я никогда не терял господства над самим собой, никогда сознательно не делал шага, пока мой разум не обсудит и не одобрит его. Я мнил себя существом сугубо рационалистического склада, мыслителем. Вместе с глупым философом я восклицал: «Я мыслю, следовательно я существую»[161]. Но Женщина научила меня говорить: «Я существую, следовательно я мыслю». И еще «Я хотел бы мыслить еще глубже, следовательно я должен существовать еще интенсивнее».

Статуя. Все это ужасно абстрактно и метафизично, Жуан. Если б вы были более конкретны и излагали свои мысли в виде занимательных анекдотов о своих любовных похождениях, вас было бы куда легче слушать.

Дон Жуан. Ах, ну что тут еще говорить! Разве вы не понимаете, что, когда я оказался лицом к лицу с Женщиной, каждый фибр моего незатуманенного, мыслящего мозга советовал мне пощадить ее и спасти себя. Моя нравственность говорила: нет. Моя совесть говорила: нет. Мое рыцарское чувство и жалость к ней говорили: нет. Моя осторожность и опасение за себя говорили: нет. Мое ухо, искушенное тысячью песен и симфоний, мой глаз, изощренный в созерцании тысячи картин, не знали пощады, по косточкам разбирая ее голос, ее черты, ее краски. Я улавливал в ней предательское сходство с ее папашей и мамашей, по которому можно было угадать, чем она станет через тридцать лет. Я отмечал блеск золотого зуба в ее смеющемся ротике; вдыхая ее аромат, размышлял об отправлениях ее нервной системы. Романтические грезы, в которых я шествовал по райским долинам руку об руку с бессмертным, вечно юным созданием из кораллов и слоновой кости, покинули меня в этот

великий час. Я вспоминал их, тщетно стараясь вернуть их обманчивую красоту; но они теперь казались мне пустой выдумкой; мое суждение оставалось неподкупным; на каждую попытку мозг мой сурово отвечал: нет. И вот, в ту самую минуту, когда я готовился принести даме свои извинения, Жизнь схватила меня и швырнула в ее объятия, как моряк швыряет объедки рыбы в клюв чайки или альбатроса.

Статуя. Могли бы и не раздумывать столько. У вас та же беда, Жуан, что и у всех умных людей: мозгов слишком много.

Дьявол. Но скажите, сеньор Дон Жуан, разве после этого вы не почувствовали себя счастливее?

Дон Жуан. Счастливее — нет; умнее — да. В это мгновение я впервые познал самого себя, и через себя — мир. Я понял, как бесполезны всякие попытки ограничить условиями ту неотразимую силу, которая зовется Жизнью; проповедовать осторожность, тщательный выбор, добродетель, честь и целомудрие...

Донна Анна. Дон Жуан! Критикуя целомудрие, вы оскорбляете меня.

Дон Жуан. Ваше целомудрие я не критикую, сеньора, поскольку оно привело к появлению мужа и двенадцати детей. Будь вы даже распутницей из распутниц, вы не могли бы сделать больше.

Донна Анна. Я могла бы иметь двенадцать мужей и ни одного ребенка; об этом вы не подумали, Жуан. И позвольте вам заметить, что человеческий род, ныне пополненный моими усилиями, потерпел бы от этого значительный ущерб.

Статуя. Bravo, Анна! Жуан, вы побеждены, разбиты, уничтожены.

Дон Жуан. Вовсе нет, хотя это действительно был бы существенный ущерб. Я согласен, что донна Анна коснулась сути дела. Но тут ни при чем любовь, целомудрие или даже постоянство, потому что двенадцать детей от двенадцати разных отцов, быть может, еще лучше способствовали бы пополнению человеческого рода. Предположим, мой друг Оттавио умер бы, когда вам было тридцать лет; вы бы, конечно, недолго вдовели — для этого вы были слишком красивы. Предположим далее, что его преемник умер, когда вам было сорок; вы бы все еще были неотразимы, а женщина, которая дважды была замужем, выйдет и в третий раз, если ей представится к тому возможность. Во всяком случае, нет ничего невозможного или предосудительного в том, чтобы одна почтенная дама родила в течение своей жизни двенадцать детей от трех разных мужей. По всей вероятности, такая дама меньше оскорбляет закон, чем бедная девушка, родившая одного незаконного ребенка, которую мы обливаем грязью за это. Но осмелитесь ли вы утверждать, что она более строга к себе?

Донна Анна. Она более добродетельна; для меня этого достаточно.

Дон Жуан. В таком случае добродетель, очевидно, профессиональный признак женатых и замужних. Давайте смотреть на вещи просто, дорогая Анна. Сила Жизни уважает институт брака лишь потому, что она сама изобрела его, чтобы увеличить рождаемость и улучшить заботу о детях. Честь, целомудрие и прочие ваши нравственные фикции ни в малой степени ее не интересуют. Брак — самое непотребное из всех человеческих установлений...

Донна Анна. Жуан!

Статуя (

протестующе). Ну, знаете ли...

Дон Жуан (

твердо). Да, самое непотребное; потому-то он так и популярен. А женщина, охотящаяся за мужем, — самое неразборчивое из всех хищных животных. Нет другого заблуждения, которое бы нанесло столько вреда человеческой совести, как привычка смешивать понятие брака с понятием нравственности. Бросьте, Анна! Не притворяйтесь шокированной: вы лучше нас знаете, что брак — это западня для мужчины, где приманкой служат обманчивые совершенства и показные добродетели. Когда ваша почтенная матушка угрозами и наказаниями принуждала вас заучить с полдюжины пьесок для спинета[162] — что доставляло ей не больше удовольствия, чем вам, — разве она не думала только об одном: внушить каждому из ваших поклонников, что, женившись на вас, он заполучит ангела, чья музыка наполнит дом райскими мелодиями или, во всяком случае, будет убаюкивать его после обеда. Вы стали женой моего друга Оттавио; что ж, раскрывали вы хоть раз спинет с того дня, как церковь соединила вас?

Донна Анна. Какой вы глупый, Жуан. У молодой замужней женщины есть дела поважнее, чем сидеть навтыжку за спинетом; вот и отвыкаешь постепенно от музыки.

Дон Жуан. Если ее не любишь. Нет уж, поверьте мне: просто когда птичка в клетке — приманка больше не нужна.

Донна Анна (

язвительно). Зато уж мужчина никогда не снимает маски, даже после того, как в его клетку попала птичка! Чтобы муж был груб, невнимателен, себялюбив — да разве это возможно!

Дон Жуан. Что доказывают эти ответные упреки, Анна? Только то, что герой — такая же грубая подделка, как и героиня.

Донна Анна, Все это глупости. Есть много вполне счастливых браков.

Дон Жуан. «Вполне» — это слишком сильно сказано, Анна. Вы просто имеете в виду, что разумные люди стараются ладить между собой. Отправьте меня на галеры, скуйте одной цепью с каторжником, у которого случайно окажется следующий номер, — и я должен буду принять этого невольного сотоварища и постараюсь ладить с ним. Говорят, общение между такими сотоварищами по большей части носит дружеский характер и нередко переходит в трогательную привязанность. Но от этого цепи еще не становятся желанным украшением, а галеры — обителью вечного блаженства. Люди, больше всего рассуждающие о радостях брака и нерушимости его обетов, — обычно те самые, которые заявляют, что если разбить цепи и дать узникам свободу, все общественное здание немедленно развалится. Нужно быть последовательным. Если узник счастлив, зачем сажать его под замок? Если нет — зачем делать вид, что он счастлив?

Донна Анна. Во всяком случае, позвольте мне, старухе, сказать вам без обиняков: браки увеличивают население мира, а разврат — нет.

Дон Жуан. А что, если наступит такая пора, когда это перестанет быть истиной? Ведь недаром говорят, что на всякое хотенье найдется уменье, — и если Человек действительно хочет чего-нибудь, он в конце концов откроет способ добиться своего. Надо признать, вы, добродетельные дамы, и ваши единомышленники, — вы сделали все возможное для того, чтобы склонить Мужчину к убеждению, что величайшим благом в мире является добропорядочная любовь, под которой следует понимать поэзию, красоту и счастье обладания прекрасными, утонченными, нежными и любящими женщинами. Вы научили женщин ставить превыше всего собственную молодость, здоровье, изящество и утонченность. Так найдется ли в этом раю тонких чувств и переживаний место для детского визга и домашних забот? Не скажет ли в конце концов человеческая воля человеческому

разуму: придумай, как мне узнать любовь, красоту, романтику, страсть без их оборотной стороны, без вечной обузы расходов, забот, тревог, болезней, страха смерти, без свиты нянек, слуг, докторов и учителей?

Дьявол. Но все это, Дон Жуан, вы можете найти в моем царстве.

Дон Жуан. Да, ценою смерти. Так дорого человек не склонен платить, он хочет, чтобы романтические наслаждения ада были доступны ему еще на земле, И способ достигнуть этого найдется; если воля тверда, мозг не спасует. Близок день, когда численность великих народов станет уменьшаться от переписи к переписи, когда коттедж в пять-шесть комнат будет стоить дороже фамильного замка, когда лишь преступная бесшабашность бедняков и тупое ханжество богачей будут мешать угасанию человеческого рода, отнюдь, впрочем, не способствуя его облагораживанию, — в то время как благоразумные смельчаки, бережливые эгоисты и корыстолюбцы, мечтатели и поэты, любители денег и солидного комфорта, поклонники успеха, искусства и любви поднимут против Силы Жизни оружие противозачаточных средств.

Статуя. Все это очень громкие слова, мой юный друг; но если б вы дожили до возраста Анны или хотя бы до моего, вы бы узнали, что тот, кто сумел избавиться от страха перед нуждой, многодетностью и другими семейными заботами и намерен лишь наслаждаться радостями жизни, — только освободил в своем сознании место для страха перед старостью, уродством, немощью и смертью. Когда жена ничем не занята, она своими вечными требованиями забав и развлечений допекает бездетного труженика, как его не допекли бы и двадцать штук детей, и сама при этом терзается еще больше. И я не чужд суетности: молодым человеком я пользовался успехом у женщин, статуей — вызываю восторги критиков. Однако признаюсь: если бы у меня не было других занятий, как только утопать в наслаждениях, я давно удавился бы с тоски. Когда я женился на матери Анны — или, чтоб быть точным, когда я наконец сдался и позволил матери Анны женить меня на себе, — я знал, что утыкаю свою подушку шипами и что для меня, до той поры непобедимого щеголя-офицера, женитьба означает поражение и плен.

Донна Анна (

шокированная). Отец!

Статуя. Очень сожалею, если я тебя огорчил, душенька; но уж раз Жуан сорвал последние лоскутки приличия с нашего разговора, не вижу, почему бы и мне не говорить прямо то, что я думаю.

Донна Анна. Гм! Как видно, одним из шипов была я.

Статуя. Нисколько; ты подчас даже бывала розой. Видишь ли, большая часть неприятностей, связанных с твоим воспитанием, доставалась на долю твоей матери.

Дон Жуан. Позвольте задать вам один вопрос, командор: почему вы покинули небеса и явились сюда утопать, пользуясь вашим выражением, в том самом сентиментальном блаженстве, которое некогда могло заставить вас удавиться с тоски?

Статуя (

пораженная этими словами). А ведь он прав!

Дьявол (

встревоженный). Как! Вы хотите отступить от своего слова? (

Дон Жуану.) Все ваши философствования — не что иное, как скрытая пропаганда! (

Статуе.) Вы уже забыли мертвящую скуку, от которой я предлагал вам укрыться здесь? (

Дон Жуану.) А ваши предсказания насчет грядущего бесплодия и вымирания человеческой породы разве не побуждают нас еще сильнее отдаться тем радостям искусства и любви, которые, по вашему же признанию, воспитали вас, возвысили и облагородили?

Дон Жуан. Я и не думал предсказывать неизбежность вымирания человеческой породы. Жизнь — будь то в ее слепом, аморфном проявлении или в любой из форм, которые она для себя создала, — не может стремиться к угасанию. Его превосходительство перебил меня, не дав мне кончить.

Статуя. Я начинаю сомневаться, что вы вообще когда-нибудь кончите, друг мой. Вы страшно любите слушать собственные речи.

Дон Жуан. Это верно; но вы уже столько терпели, что вам ничего не стоит дотерпеть до конца. Итак, задолго до того как бесплодие, о котором я говорил, станет чем-то более реальным, нежели простая вероятность, начнется реакция. Великая основная цель совершенствования рода, вознесения его до таких высот, которые сейчас кажутся сверхчеловеческими, — цель, пока еще скрытая ядовитым туманом любви, романтики, притворной стыдливости и утонченности чувств, — прорвет этот туман и засияет в солнечных лучах; и тогда никому больше не придет в голову путать ее с удовлетворением личных прихотей, с осуществлением несбыточных юношеских грез или житейских расчетов, свойственных более зрелому возрасту. В церковных наставлениях брачующимся будут полностью восстановлены самые откровенные места, которые сейчас частью сокращают, частью вовсе пропускают, из боязни оскорбить стыдливость жениха и невесты. Их будут почтительно выслушивать и принимать, потому что в них с трезвым целомудрием, серьезностью и ответственностью говорится об истинной цели брака; а все романтические клятвы и обеты, всякие «покуда смерть нас не разлучит» и тому подобное исключат из текста, как легкомысленную болтовню. Будьте справедливы к нашему полу, сеньора, и признайте: мы всегда утверждали, что отношения между полами не принадлежат к числу интимных или дружеских отношений.

Донна Анна. Не принадлежат к числу интимных или дружеских отношений? Да есть ли отношения более глубоко интимные? более священные? более возвышенные?

Дон Жуан. Да, если хотите, священные и возвышенные, Анна, но не интимные и не дружеские. Ваше отношение к богу священо и возвышенно, но осмелитесь ли вы назвать его интимным и дружеским? В отношениях между полами обе стороны являются безвольными проводниками всесветной созидательной энергии, которая пересиливает и отметаёт прочь все личные мотивы, уничтожая самую потребность в интимных отношениях. Он и она могут быть совершенно чужими, говорить на различных языках, принадлежать к разным расам, иметь разный цвет кожи, возраст и нрав, но для их союза достаточно той возможности оплодотворения, ради которой Сила Жизни заставляет их с одного взгляда броситься в объятия друг к другу. Разве мы сами не доказываем справедливость этого, допуская заключение браков по сговору между родителями, без предварительного согласия женщины? Разве вам не случалось возмущаться безнравственностью англичан, у которых женщины и мужчины благородного сословия знакомятся и общаются между собой, точно простые крестьяне? А много ли даже крестьянин знает о своей невесте — или она о нем — до обручения? Да вы никогда не согласитесь выбрать себе адвоката или домашнего врача на основании такого поверхностного знакомства, которое оказывается достаточным, чтобы влюбиться и выйти замуж.

Донна Анна. Да, да, Жуан! Всем известна философия распутника: не думай о последствиях, грозящих женщине.

Дон Жуан. Последствия — да, это верно: именно они оправдывают то упорство, с которым женщина цепляется за мужчину. Но вряд ли вы решитесь утверждать, что эта привязанность основана на чувстве. С таким же успехом можно объяснить любовным влечением привязанность тюремщика к арестанту.

Донна Анна Вот видите, вы сами пришли к выводу, что брак необходим, хотя любовь, по-вашему, самое незначительное из всех чувств.

Дон Жуан Кто вам это сказал? Да она, быть может, величайшее из всех чувств! Слишком великое, чтоб быть только личным, интимным делом каждого! Мог ли ваш отец быть верным слугой родины, если б он отказывался убивать тех врагов Испании, к которым не питал личной ненависти? Может ли женщина быть верной слугой родины, если она отказывается выйти замуж за человека, к которому не питает личного расположения? Женщина знатного рода выходит замуж так же, как мужчина знатного рода идет в бой: не по личным склонностям, а по семейным или политическим соображениям.

Статуя (

с удивлением). Очень остроумное замечание, Дон Жуан. Нужно будет подумать об этом на досуге. У вас прямо непочатый край всяких мыслей. Откуда вы почерпнули вот эту, последнюю?

Дон Жуан. Из собственного опыта. Когда я был еще на земле и делал те самые предложения дамам, которые всеми осуждались и в то же время стяжали мне мою романтическую славу, — мне не раз случалось получать от дамы такой ответ: она готова пойти навстречу моим намерениям, если только они честны. Справившись о том, что означает эта оговорка, я узнавал, что она означает следующее: дама желает знать, намерен ли я завладеть ее имуществом, если у нее таковое имеется, или содержать ее всю жизнь, если такового у нее нет; желаю ли до конца своих дней постоянно наслаждаться ее обществом, советами и беседами и готов ли торжественно поклясться, что буду вечно почитать это за величайшее счастье; главное же — может ли она быть уверена, что ради нее я на веки вечные перестану замечать всех других женщин. Я восставал против этих требований не потому, что они непомерны и бесчеловечны, — они ошеломляли меня своей необычайной нелепостью. И во всех таких случаях я с полной искренностью отвечал, что мне и в голову не приходили подобные мысли; что если дама по уму или характеру не равна мне и не выше меня, ее беседа может меня только унижить, а совет — сбить с толку; что, по всей вероятности, ее общество рано или поздно мне невыносимо надоест; что за свои чувства я не могу поручиться даже на неделю вперед, а тем более на всю жизнь; что, подчинившись ее желанию лишиться меня естественного и непринужденного общения с половиной человечества, я обрекаю себя на уродливое и неполноценное существование, а в противном случае — на вечную необходимость скрываться и прятаться; что, наконец, предложение, которое я ей сделал, не имеет ничего общего со всем этим и обусловлено лишь простейшим стремлением моего мужского естества к ее женскому.

Донна Анна. Значит, это безнравственное стремление!

Дон Жуан. Да, дорогая сеньора, природа, выражаясь вашим языком, безнравственна. Я краснею от стыда за нее; но я не властен ее изменить. Природа — сводня, Время — разрушитель, а Смерть — убийца. Я всегда склонен был признавать эти истины и на них основывать свои жизненные принципы. Вы предпочитаете умиротворять трех демонов, превознося их целомудрие, заботливость и милосердие, и основывать свои принципы на этой подобострастной лжи. Что ж удивительного, если ваши принципы не всегда себя оправдывают?

Статуя. А что вам отвечали дамы, Жуан?

Дон Жуан. Э, нет! Доверие за доверие! Сначала скажите мне, что говорили дамам вы.

Статуя. Я? Ну, клялся, что буду верен до гроба, что умру, если получу отказ, что ни одна женщина в мире мне не сможет заменить ее...

Донна Анна. Ее! Кого?

Статуя. Ту, которой это в данный момент говорилось, моя дорогая. Некоторые вещи я повторял во всех подобных случаях. Вот, например: даже в восемьдесят лет один седой волос любимой женщины сильнее заставит меня трепетать, чем самые толстые золотые косы самой прекрасной юной головки. Или вот еще: мысль, что другая может стать матерью моих детей, для меня нестерпима.

Дон Жуан (

с негодованием). Ах, старый плут!

Статуя (

не смущаясь). Ничуть! В ту минуту я сам всей душой верил в то, что говорил. Я был человек сердца, не то что вы. Залогом моего успеха служила искренность.

Дон Жуан. Искренность? Быть настолько глупым, чтобы верить явной, наглой, грубой лжи, — вот что вы зовете искренностью! Так жадно желать женщину, чтобы в своем стремлении обмануть ее, обманывать самого себя, — и это искренность, по-вашему!

Статуя. Да ну вас с вашими софизмами! Я был влюбленным, а не адвокатом. И женщины — благослови их бог! — любили меня за это.

Дон Жуан. Или внушали вам, что любят вас. А что, если я вам скажу, что даже мне, несмотря на мое адвокатское хладнокровие, они внушали подобные же мысли? Бывали и у меня минуты ослепления, когда я нес всякую чушь и сам в нее верил. Иногда, в порыве страсти, мне так хотелось радовать прекрасными словами, что я забывал обо всем и говорил эти слова. Порой же я опровергал самого себя и делал это с дьявольским хладнокровием, которое доводило до слез. Но и в тех и в других случаях мне было одинаково трудно спастись. Если инстинкт женщины влек ее ко мне, оставалось одно из двух: или пожизненная кабала, или бегство.

Донна Анна. Вы смеете передо мной и моим отцом похваляться, что ни одна женщина не могла против вас устоять?

Дон Жуан. Разве я похваляюсь? Мне кажется, моя роль здесь довольно жалка. К тому же ведь я сказал: «Если инстинкт женщины влек ее ко мне». А это не всегда бывало так; и если нет — бог мой! что за взрывы благородного негодования! что за уничтожающее презрение к подлому соблазнителю! что за сцены, достойные Имогены и Иакимо[163]!

Донна Анна. Я не устраивала никаких сцен. Я просто позвала отца.

Дон Жуан. И он явился с обнаженным мечом, чтобы моею жизнью заплатить за оскорбление нравственности и чести.

Статуя. Вашей жизнью? Что вы хотите сказать? Кто кого убил, я вас или вы меня?

Дон Жуан. Кто из нас более искусно владел шпагой?

Статуя. Я.

Дон Жуан. Конечно, вы. И тем не менее вы, герой тех скандальных походов, о которых вы нам только что рассказывали, вы имели бесстыдство разыграть из себя защитника оскорбленной нравственности и осудить меня на смерть! Ведь если бы не случай, вы бы убили меня.

Статуя. Это был мой долг, Жуан. Так уж водилось тогда на земле. Я не собирался переделывать общество, и я всегда поступал так, как полагалось поступать дворянину.

Дон Жуан. Это может служить оправданием тому, что вы на меня напали, но не дальнейшему вашему возмутительно лицемерному поведению в качестве статуи.

Статуя. А это все вышло оттого, что я попал в рай.

Дьявол. Мне все еще не ясно, сеньор Жуан, каким образом подобные случаи из земной жизни сеньора командора и вашей могут опровергнуть мой взгляд на вещи? Здесь, повторяю, вы встретите все, чего вы искали, и не увидите того, что вас отпугивало.

Дон Жуан. Напротив, я здесь встречаю все, в чем уже разочаровался, и не вижу того, чего мне так и не удалось найти. Я ведь уже говорил вам: пока я чувствую в себе способность создать нечто лучшее, чем я сам, мне нет покоя; я все время буду стремиться создать это лучшее или расчищать ему путь. Это закон моего бытия. Это сказывается во мне непрестанное стремление Жизни к более высоким формам организации, более широкому, глубокому и полному самосознанию, более ясному пониманию своих задач. И это стремление настолько превышает всего остального, что любовь стала для меня лишь мгновенным наслаждением, искусство — лишь тренировкой моих способностей, религия — лишь оправданием моей лени, поскольку она провозглашает бога, который смотрит на мир и находит, что все в нем хорошо, в противовес моему внутреннему инстинкту, который смотрит на мир моими глазами и находит, что многое в нем можно улучшить. Уверю вас, в своей погоне за наслаждением, богатством, здоровьем я никогда не знал счастья. Не любовь отдавала меня в руки Женщины, но усталость, изнеможение. Когда ребенком мне случалось расшибить голову о камень, я бежал к какой-нибудь женщине, чтобы выплакать свою боль, уткнувшись в ее передник. Когда позднее мне случалось расшибить свою душу о глупость и грубость, с которыми я боролся, я поступал точно так же. Я радовался наступлению передышки, периоду отдыха, восстановления сил, наконец просто полной неподвижности после напряжения борьбы; но я бы охотнее дал протащить себя через все круги Ада, выдуманного глупым итальянцем, чем через то, что в Европе называется развлечениями. Потому-то я и задыхаюсь в вашем царстве вечных удовольствий. Тот инстинкт, о котором я говорил, у вас отсутствует; это-то и сделало из вас странное чудовище, называемое Дьяволом. Та ловкость, с которой вы всегда умели отвлекать людей от их истинной цели, более или менее совпадающей с моей, создала вам имя Искусителя. Тот факт, что вместо своей воли они творят вашу, или, вернее, отдаются вашему безволию, и делает их такими лживыми, беспокойными, неестественными, сварливыми, жалкими созданиями.

Дьявол (

обиженно). Сеньор Дон Жуан! Вы довольно бесцеремонны по отношению к моим друзьям.

Жуан. А с какой стати мне церемониться с ними или с вами? В этом Чертоге Лжи две-три истины никому не могут повредить. Ваши друзья — самые скучные и несносные люди на свете. Они не красивы, они только разукрашены. Они не чисты, они только выбриты и накрахмалены. Они не почтенны, они только одеты по моде. Они не образованны, они только имеют диплом. Они не религиозны, они только ходят в церковь. Они не нравственны, они только считаются с условностями. Они не добродетельны, они только трусливы. Они даже не порочны, они только подвержены слабостям. Они не темпераментны, они только похотливы. Они не счастливы, они только богаты. Они не преданны, они только льстивы; не почтительны,

только безропотны; не патриоты, только шовинисты; не оппозиционеры, только склочники; не храбры, только сварливы; не решительны, только упрямы; не настойчивы, только нахальны; не сдержанны, только тупы; не самолюбивы, только тщеславны; не добры, только сентиментальны; не общительны, только болтливы; не деликатны, только вежливы, не умны, только самоуверенны; не романтичны, только суеверны; не справедливы, только мстительны; не великодушны, только расчетливы; не дисциплинированы, только вымуштрованы; и притом не правдивы — все как один лжецы до мозга костей!

Статуя. Ваше красноречие просто удивительно, Жуан. Вот если бы я умел так разговаривать со своими солдатами.

Дьявол. Да, но это одни разговоры. Все это мы уже слышали, — а что от этого изменилось? Какое значение это имеет для мира?

Дон Жуан. Да, верно, это одни разговоры. Но почему одни разговоры? А потому, друг мой, что красота, чистота, добродетель, религия, нравственность, искусство, патриотизм, храбрость и все прочее — пустые слова, которые каждый может вывернуть наизнанку, как перчатку. Если бы в них было реальное содержание, вам пришлось бы признать мои обвинения справедливыми, а себя — виновным; но, к счастью для вашего самолюбия, мой адский друг, они этого реального содержания лишены. Как вы сами сказали, все это лишь слова, пригодные для того, чтобы внушить варварам веру в блага цивилизации, а цивилизованных нищих заставить покорно сносить грабеж и гнет рабства. Это — семейная тайна правящей касты; и если бы мы, принадлежащие к этой касте, заботились о расцвете Жизни во вселенной, а не об удобствах и могуществе своей ничтожной особы, эта тайна сделала бы нас великими. Я — дворянин, и, следовательно, посвящен в тайну; поймите же, как невыносимо нудно мне слушать ваши бесконечные разглагольствования обо всех этих нравственных фикциях и как жалко и тяжело видеть, что в жертву им вы приносите свою жизнь! Если б вы хоть настолько верили в эту игру в нравственность, чтобы играть честно, было бы интересно наблюдать за ней; но вы мошенничаете при каждом ходе, а если ваш противник перемошенничал вас, вы опрокидываете стол и хватаете его за горло.

Дьявол. На земле это, может быть, и так, потому что люди невежественны и не могут оценить по достоинству мой культ любви и красоты; но здесь...

Дон Жуан. Да, да, я знаю. Здесь только и видишь, что любовь и красоту. Бррр!.. Это все равно, что целую вечность смотреть первый акт модной пьесы, где интрига завязывается во втором. Даже в минуты суеверного страха ад не представлялся мне таким отвратительным. Я живу в постоянном созерцании красоты, точно парикмахер среди фальшивых локонов. У меня всегда сладкий вкус во рту, как у продавца кондитерской лавки. Скажите, командор, есть в раю красивые женщины?

Статуя. Ни одной. То есть буквально ни одной. Одеты безвкусно. Драгоценностей не носят. Что женщина, что пожилой мужчина — не разберешь.

Дон Жуан. Скорей бы мне туда попасть! Упоминается ли там слово «красота»? Много ли там любителей искусства?

Статуя. Клянусь честью, никто даже не оглянется, когда мимо проходит прекрасная статуя.

Дон Жуан. Иду туда!

Дьявол. Дон Жуан! Могу ли я говорить откровенно?

Дон Жуан. А разве до сих пор вы говорили не откровенно?

Дьявол. Постольку-поскольку. Но теперь я пойду дальше и признаюсь вам, что людям все

придается — и ад и рай; вся история человечества есть не что иное, как кривая колебаний мира между этими двумя крайностями. А Эпохи — лишь качания маятника, и каждому поколению, кажется, что мир прогрессирует, потому что он вечно движется; но когда вы достигнете моего возраста, когда вам тысячу раз успеет надоесть рай, как он надоел мне и командору, и тысячу раз успеет опротиветь ад, как он вам уже сейчас опротивел, — вы больше не будете в каждом движении от рая к аду усматривать эмансипацию и в каждом движении от ада к раю — эволюцию. Там, где сейчас вам чудятся реформы, прогресс, стремление ввысь, непрерывное восхождение человека по лестнице отживающих форм его «я» к более совершенным воплощениям, — вы не увидите ничего, кроме бесконечной комедии иллюзий. Вы постигнете всю глубину изречения моего друга Экклезиаста: нет ничего нового под солнцем. *Vanitas vanitatum...*[164]

Дон Жуан (

теряя терпение). О небо, это еще хуже, чем ваши разглагольствования о любви и красоте. Пусть так, безмозглый вы умник, пусть человеку все придется в конце концов; но следует ли из этого, что человек не лучше червя или собака — волка? Станем ли мы отказываться от пищи лишь на том основании, что, насыщаясь, мы теряем аппетит? Можно ли сказать, что поле пропадает зря, когда оно остается под паром? Разве командор, тратя здесь свою адскую энергию, не накапливает в то же время энергии небесной, которая поможет ему перенести следующий период райского блаженства? Пусть это верно, что великая Сила Жизни переняла идею часовщика и использует землю в качестве маятника; что история каждого качания, которая нам, действующим лицам, кажется новой и оригинальной, на самом деле повторяет историю предыдущего; больше того: что в непостижимой бесконечности времен солнце тысячи раз подбрасывает и снова ловит землю, как цирковой жонглер — мяч, и что вся совокупность наших эпох не более как миг между броском и подхватом, — значит ли это, что весь этот колоссальный механизм бесцелен?

Дьявол. Абсолютно, друг мой. Вы вообразили, что раз у вас есть цель, значит она должна быть и у природы. С тем же успехом вы могли бы считать, что природа наделена пальцами, — только потому, что они имеются у вас.

Дон Жуан. Но у меня бы их не было, если бы они не служили определенной цели, друг мой. И я точно так же — часть природы, как палец — часть моего тела. Если с помощью моих пальцев я могу взять меч или мандолину, то с помощью моего мозга природа стремится к самопостижению. Мозг моей собаки служит целям, интересующим только мою собаку; мой же мозг работает над истинами, знание которых мне лично не дает ничего, только заставляет меня презирать свое тело, а в его разрушении и смерти видеть бедствие. Если б меня не влекла цель, выходящая за рамки личного, лучше бы мне быть землепашцем, а не философом, — потому что землепашец живет столько же, сколько философ, ест больше, спит крепче и любит свою жену без мучительных сомнений. А все потому, что философ полностью подчинен Силе Жизни. Сила Жизни говорит ему: «Я свершала тысячи чудес бессознательно, повинаясь только жизненному инстинкту и следуя линии наименьшего сопротивления; но теперь я хочу познать себя и свое назначение и сознательно выбирать свой путь; поэтому я создала особый мозг — мозг философа, чтобы он ради меня овладел этим знанием, точно так же, как рука землепашца ради меня берется за рукоять плуга. И ты, — говорит Сила Жизни философу, — должен стремиться к этому, пока не умрешь; а тогда я создам новый мозг и нового философа тебе на смену».

Дьявол. А для чего знать?

Дон Жуан. Для того, чтобы вместо линии наименьшего сопротивления выбирать линию наибольшей целесообразности. Разве нет разницы между кораблем, плывущим в намеченный порт, и бревном, несущимся по течению? Философ — кормчий природы. И вот вам решение нашего спора: быть в аду — значит нестись по воле волн; быть в раю — плыть,

слушаясь руля.

Дьявол. Прямехонько на ближайшую мель.

Дон Жуан. Вздор! Какой корабль чаще садится на мель или идет ко дну — несущийся по воле волн или направляемый кормчим?

Дьявол. Ну-ну, ладно, сеньор Дон Жуан, ступайте своей дорогой. Я предпочитаю быть господином своей судьбы, а не орудием бредущих ошупью высших сил. Я знаю, что на красоту приятно смотреть, что музыку приятно слушать, что любовь приятно чувствовать и что обо всем этом приятно думать и говорить. Я знаю, что понимать толк во всех этих ощущениях, эмоциях и занятиях — значит быть изощренным и утонченным существом. Что бы ни говорилось обо мне с амвонов церковей, я знаю, что в высшем обществе Князя Тьмы повсюду считают джентльменом; и этого мне достаточно. Что же до вашей Силы Жизни, которая вам кажется непреодолимой, так тому, кто наделен характером, ничего не стоит ее преодолеть. Но если вы от природы вульгарны и легковверны, как все реформаторы, она сначала предаст вас во власть религии, и вы будете кропить младенцев водой, чтобы спасти от меня их души; затем от религии бросит вас к науке, и вы избавите младенцев от водных процедур, но зато станете впрыскивать им болезнь, чтобы спасти их от риска заразиться ею случайно; затем вы пуститесь в политику и сделаетесь игрушкой продажных бюрократов или приспешником честолюбивых хвастунов; в конце же концов придет старость, а с ней отчаяние, упадок воли и крах надежд, праздные сожаления о самой пагубной и глупой из жертв — о принесенной в жертву способности наслаждаться; и это будет достойное возмездие глупцу, который гонится за лучшим, не успев захватить хорошее.

Дон Жуан. Но я, по крайней мере, не буду скучать. Это во всяком случае, неоспоримое преимущество служения Жизненной Силе. Прощайте же, сеньор Сатана!

Дьявол (

дружелюбно). Прощайте, Дон Жуан. Я часто буду вспоминать наши интересные беседы на отвлеченные темы. Желая вам счастья. Есть люди — я уже раз говорил об этом, — которым рай по душе. Но если случится что вы измените свои взгляды, прошу не забывать, что у нас всегда открыты ворота для блудного сына. Если когда-нибудь вы почувствуете, что сердечный жар, искренняя, непринужденная симпатия, невинные наслаждения и теплая, дышащая, трепетная реальность...

Дон Жуан. Почему не сказать прямо: плоть и кровь, хотя для нас эти банальности и отошли уже в область прошлого.

Дьявол (

сердито). Вот как, Дон Жуан, вы меня попрекаете моим же дружеским напутствием?

Дон Жуан. О нет, ничуть. Но, видите ли, у циничного дьявола хоть есть чему поучиться, а сентиментального я просто не в силах выносить... Сеньор командор, вы знаете, где расположена граница между адом и раем. Не откажите указать мне путь.

Статуя. Так ведь эта граница — всего лишь различие между двумя точками зрения на вещи. Любая дорога приведет вас туда, если вы этого действительно хотите.

Дон Жуан. Отлично. (

Кланяется донне Анне.) Сеньора — ваш слуга!

Донна Анна. Нет, нет, я иду вместе с вами.

Дон Жуан. Я найду свой путь в рай, Анна; но вашего мне не найти. (

Исчезает.)

Донна Анна. Какое безобразие!

Статуя (

кричит ему вслед). Von voyage[165], Жуан! (

В виде прощального приветствия посылает ему свои громогласные аккорды. Слабый отзвук первой таинственной мелодии слышится в ответ.) Вон он, пошел! (

Шумно переводит дух.) Ффуу! Ну и язык! В раю этого не потерпят.

Дьявол (

мрачно). Его уход — политическое поражение для меня. Не могу удержать здесь ни одного из этих слугителей культа Жизни. Все уходят. Это самая большая потеря с тех пор, как ушел голландский художник — тот, что с одинаковым удовольствием писал семидесятилетнюю ведьму и двадцатилетнюю Венеру.

Статуя. Я помню, он потом явился в рай. Рембрандт?

Дьявол. Да, да, Рембрандт. Что-то в них во всех есть противоестественное. Не прислушивайтесь к их проповедям, сеньор командор: это опасно. Не гонитесь за сверхчеловеческим, это кончается огульным презрением ко всему Человеческому. Для человека лошадь, собака и кошка всего лишь виды, стоящие за пределами духовного мира. А для Сверхчеловека мужчина и женщина тоже всего лишь виды и тоже стоят за пределами духовного мира. Дон Жуан был добр к женщинам и любезен с мужчинами, точно так же, как ваша дочь была добра к своим собакам и кошечкам, но подобная доброта есть по сути дела отрицание того, что только человеку присуща душа.

Статуя. А что это за штука такая — Сверхчеловек?

Дьявол. О, это последний крик моды у фанатиков Силы Жизни. Вам не приходилось встречать в раю, среди недавно прибывших, одного сумасшедшего из немецких поляков... как бишь его?.. Ницше!

Статуя. Никогда не слышал.

Дьявол. Да, он было явился сюда, но потом опомнился. Я возлагал на него кое-какие надежды; к сожалению, он оказался ярым поборником Силы Жизни. Вот он-то и выкопал этого Сверхчеловека, который, к слову сказать, ровесник Прометею. И в двадцатом веке, когда людям окончательно надоест мир, плоть и ваш покорный слуга, они уцепятся за эту новейшую из старых причуд.

Статуя. Сверхчеловек — неплохо для боевого клича! А хороший боевой клич — это, знаете ли, половина дела в сражении. Хотел бы я посмотреть на этого Ницше.

Дьявол. К сожалению, он встретил здесь Вагнера и затеял с ним свару.

Статуя. Не мудрено! Я и сам предпочитаю Моцарта.

Дьявол. Да нет, речь шла не о музыке. Вагнер одно время увлекался культом Силы Жизни [166] и даже сочинил Сверхчеловека по имени Зигфрид. Но впоследствии он одумался. Поэтому, когда они встретились здесь, Ницше обвинил Вагнера в ренегатстве, а Вагнер

написал памфлет, где доказывал, что Ницше еврей; и кончилось тем, что Ницше со злости убрался в рай. Туда ему и дорога! А теперь, друг мой, поспешим в мой дворец и отпразднуем ваше прибытие торжественным музыкальным вечером.

Статуя. С удовольствием. Вы очень любезны.

Дьявол. Сюда, командор, прошу вас. Мы воспользуемся традиционным люком. (

Становится на крышку люка.)

Статуя. Отлично. (

Задумчиво.) А все-таки Сверхчеловек — это неплохо придумано. В этом есть нечто монументальное. (

Становится с ним рядом.)

Крышка начинает медленно опускаться. Из пропасти вырывается красный огонь.

Ах, это мне напоминает доброе старое время.

Дьявол. И мне тоже.

Донна Анна. Стойте!

Крышка люка останавливается.

Дьявол. Вам, сеньора, не сюда. Вам еще предстоит апофеоз. Но вы попадете во дворец раньше нас.

Донна Анна. Я не для того вас остановила. Скажите, где мне найти Сверхчеловека?

Дьявол. Он еще не рожден, сеньора.

Статуя. И должно быть, никогда не родится. Ну, поехали, а то у меня от этого красного пламени в носу щекочет.

Проваливаются.

Донна Анна. Еще не рожден! Значит, я еще не все свершила. (

Благочестиво осеняет себя крестом.) Я верю в Грядущую Жизнь. (

Кричит в пространство.) Отца — отца для Сверхчеловека!

Она исчезает в пустоте, и снова вокруг — Ничто; кажется, что все сущее замерло в бесконечной паузе. Но вот откуда-то еле слышно доносится крик человека. Потом на посветлевшем фоне смутно обрисовывается контур горной вершины. Небо вернулось на свое место; и мы вдруг вспоминаем, где мы. Крик ближе, отчетливее; можно различить слова: «Автомобиль! Автомобиль!» И тогда сразу восстанавливается действительность: утро в горах Сьерры; уже совсем светло, и бандиты со всех сторон несутся к дороге, куда, сбегая со скалы, указывает пастух. Тэннер и Мендоса поднимаются в недоумении и растерянно смотрят друг на друга. Стрэйкер прежде чем встать на ноги, садится и зевает во весь рот, считая ниже своего достоинства проявлять какой-либо интерес к взволнованной беготне бандитов. Мендоса быстрым взглядом удостоверяется, что все его люди отозвались на тревожный сигнал, потом вполголоса заговаривает с Тэннером.

Мендоса. Вам что-нибудь снилось?

Тэннер. Какая-то чушь. А вам?

Мендоса. Тоже; только я забыл, что именно. Но помню, что видел вас.

Тэннер. А я — вас. Странно!

Мендоса. Я ведь вам говорил.

На дороге раздается выстрел.

Болваны! Какого черта они балуются с ружьем?

Бандиты в панике бегут назад.

Кто стрелял? (

Дювалю.) Вы?

Дюваль (

задыхаясь). Я не стрелял. Они стрелял вперед.

Анархист. Говорил я вам, что прежде всего нужно уничтожить государственную власть. Теперь мы все пропали.

Шумный социал-демократ (

сломя голову мчится через котловину). Спасайся кто может!

Мендоса (

схватив его за шиворот, опрокидывает на землю и замахивается кинжалом). Ни с места — убью! (

Загораживает дорогу.)

Все останавливаются.

Что случилось?

Мрачный социал-демократ. Машина...

Анархист. Трое мужчин...

Дюваль. Deux femmes[167].

Мендоса. Трое мужчин и две женщины! Что же вы не привели их сюда? Испугались?

Шумный социал-демократ (

вставая). Мендоса, с ними охрана. Ой, спасайся кто может!

Мрачный социал-демократ. У выхода из долины — два броневика с солдатами.

Анархист. Они стреляли в воздух. Это сигнал.

Стрэйкер насвистывает свою излюбленную песенку, которая в ушах бандитов отдается похоронным маршем.

Тэннер. Это не охрана, а экспедиция, снаряженная для поимки вашей банды. Нам тоже советовали подождать ее, но я торопился.

Шумный социал-демократов (

в паническом ужасе). Господи боже мой, а мы тут сидим и дожидаемся их! Скорей бежим в горы!

Мендоса. Далось вам эти горы, болван. Вы что, испанец? Первый же встречный пастух вас выдаст. И потом все равно они уже на расстоянии выстрела от нас.

Шумный социал-демократ. Но...

Мендоса. Довольно! Предоставьте мне действовать. (

Тэннеру.) Ведь вы нас не предадите, друг?

Стрэйкер. К кому это вы лезете в дружбу?

Мендоса. Вчера преимущество было на моей стороне. Грабитель бедных был в руках у грабителей богатых. Вы протянули мне руку; я пожал ее.

Тэннер. Я не стану предъявлять никаких обвинений, друг. Мы приятно провели у вас вечер — вот и все.

Стрэйкер. На меня не надейтесь. Я руки не протягивал никому.

Мендоса (

обернувшись к нему, веско). Молодой человек, если меня будут судить, я во всем признаюсь и расскажу, что меня заставило бросить Англию, семью и честную жизнь. Вы хотите, чтобы почтенное имя Стрэйкер вывалилось в грязи испанского уголовного суда? Полиция меня обыщет. Найдут фотографию Луизы. Она будет напечатана во всех газетах. Помните: это будет дело ваших рук.

Стрэйкер (

в бессильной ярости). Плевать мне на суд. Самое для меня скверное — это видеть наше имя рядом с твоим. Грязный шантажист, вот ты кто!

Мендоса. Такие выражения недостойны брата Луизы. Но это не важно: вы будете молчать; а больше нам ничего не надо. (

Оборачивается к своим приспешникам, которые испуганно пьются назад, к пещере, как бы желая спрятаться за его спиной.)

В это время со стороны шоссе появляется оживленная группа путешественников, одетых по-дорожному. Впереди всех Энн, которая тотчас же подходит к Тэннеру, за нею Вайолет под руку с Гектором и Рэмсденом. Мендоса неторопливо усаживается на своем президентском камне, рядовые его армии выстраиваются позади, а фланги занимает штаб: справа Дюваль и Анархист, слева оба социал-демократа.

Энн. Да это Джек!

Тэннер. Пропал!

Гектор. Ну конечно, он. Я говорил, что это вы, Тэннер. У нас шина спустила от прокола; дорога усеяна гвоздями.

Вайолет. Что это за люди и что вы тут у них делаете?

Энн. Почему вы уехали, ни слова никому не сказав?

Гектор. За вами букет роз, мисс Уайтфилд. (

Тэннеру.) Когда мы узнали о вашем отъезде, мисс Уайтфилд держала со мной пари на букет роз, что моему автомобилю не догнать ваш ближе, чем в Монте-Карло.

Тэннер. Но это дорога вовсе не на Монте-Карло.

Гектор. Неважно. Мисс Уайтфилд выслеживала вас на всем пути. Это настоящий Шерлок Холмс в юбке.

Тэннер. Сила Жизни! Я погиб!

Октавиус (

вприпрыжку вбегает со стороны дороги и останавливается между Тэннером и Стрэйкером). Джек, дружище, как же я рад, что ты цел и невредим. Мы боялись, что ты попал в плен к бандитам.

Рэмсден (

вглядываясь в Мендосу). Лицо вашего друга кажется мне знакомым.

Мендоса вежливо встает и, улыбаясь, подходит к Энн и Рэмсдену.

Гектор. Как странно: и мне тоже.

Октавиус. Я прекрасно знаю вас, сэр; не могу только вспомнить, где мы с вами встречались.

Мендоса (

к Вайолет). А вам мое лицо незнакомо, мэм?

Вайолет. Очень знакомо; но у меня такая скверная память на имена.

Мендоса. Это было в отеле «Савой». (

Гектору.) Вы, сэр, часто завтракали там с этой дамой. (

Указывает на Вайолет.) Вы, сэр (

Октавиусу), не раз обедали с этой дамой (

Энн) и ее матерью перед спектаклем в Лицеум-театре. (

Рэмсдену.) А вы, сэр, часто ужинали в обществе (

понижив голос до конфиденциального, но вполне отчетливого шепота) разных дам.

Рэмсден (

сердито). А вам какое до этого дело, хотел бы я знать?

Октавиус. Как же так, Вайолет? Я считал, что вы с Мэлоуном были едва знакомы до этой поездки?

Вайолет (

раздраженно). Этот человек, вероятно, служил в «Савое» метрдетелем.

Мендоса. Официантом, мэм. У меня обо всех вас сохранились наилучшие воспоминания. Судя по вашей щедрости ко мне, я мог заключить, что все вы очень приятно проводили там время.

Вайолет. Какая дерзость! (

Поворачивается к нему спиной и, опираясь на руку Гектора, начинает взбираться на скалу.)

Рэмсден. Довольно, друг мой. Надеюсь, вы не рассчитываете, что эти дамы отнесутся к вам как к знакомому на том основании, что вы им прислуживали за столом?

Мендоса. Простите, это вы первый заговорили о том, что мы знакомы, и дамы последовали вашему примеру. Но так или иначе, после этого проявления дурных манер, свойственных вашему классу, инцидент исчерпан. Впредь потрудитесь обращаться ко мне со всем уважением, как к постороннему человеку и такому же путешественнику, как вы. (

Высокомерно отворачивается и снова занимает свое президентское место.)

Тэннер. Ну вот! За всю поездку мне впервые встретился человек, способный здраво рассуждать, — и каждый из вас инстинктивно торопится оскорбить его. Даже Новый человек и тот не лучше других. Генри! Вы вели себя, как самый последний джентльмен!

Стрэйкер. Джентльмен! Ну уж нет!

Рэмсден. В самом деле, Тэннер, этот ваш тон...

Энн. Не слушайте его, дединька. Неужели вы к нему еще не привыкли? (

Берет его под руку и ласково уводит к скале, куда уже взобрались Вайолет и Гектор.)

Октавиус, как собачка, бежит за ними.

Вайолет (

со скалы). А вот и солдаты. Они соскакивают с машин.

Дюваль (

в полном ужасе). О, nom de Dieu![168]

Анархист. Дураки! Теперь государство раздавит вас только потому, что вы пощадили его по наущению политических прихвостней буржуазии.

Мрачный социал-демократ (

готовый спорить до последней минуты). Напротив, только через захват государственного аппарата...

Анархист. Пока что этот аппарат сейчас вас захватит.

Шумный социал-демократ (

ополоумев от страха). Да бросьте! Что мы тут делаем? Чего мы ждем?

Мендоса (

сквозь зубы). Продолжайте. Спорьте о политике, болваны; почтеннее занятия не придумаешь. Продолжайте, говорят вам.

На участке дороги, господствующем над котловиной, показывается отряд солдат. Бандиты, борясь с мучительным желанием спрятаться друг за друга, стараются сохранить по возможности непринужденный вид. Мендоса встает, величественный в своей неустрашимости. Офицер, командующий отрядом, спускается в котловину; он подозрительно оглядывает бандитов; затем переводит взгляд на Тэннера.

Офицер. Что это за люди, сеньор Ingles?

Тэннер. Моя охрана.

Мендоса низко кланяется с мефистофельской улыбкой. Невольная усмешка пробегает по лицам бандитов. Все приподнимают шляпы, кроме анархиста, который, скрестив руки на груди, бросает вызов государству.

Действие четвертое

Сад перед виллой в Гренаде. Кто хочет знать, как это выглядит, пусть поедет туда и посмотрит. Для общего представления можно упомянуть цепь холмов, усеянных виллами, Альгамбру[169] на вершине одного из них и довольно большой город в долине, куда сбегаются пыльные белые дороги, кишашие ребятишками, которые, чем бы они ни были заняты, машинально кланчат милостыню, протягивая цепкие коричневые ручонки; впрочем, это описание, если не считать Альгамбры, попрошайек и цвета дорог, так же приложимо к Испании, как и к Сэррею. Разница только в том, что сэррейские холмы невысоки и безобразны и с большим правом могли бы называться сэррейскими бородавками, тогда как испанские холмы сродни горам: мягкость контуров, скрадывающая их высоту, не уменьшает их величественности.

Сад, о котором идет речь, расположен на холме напротив Альгамбры, а вилла отделана с дорогостоящей претенциозностью, — как всякая вилла, предназначенная для помесечной сдачи внаем с полной обстановкой богатым американским и английским путешественникам. Если стать на лужайке в нижнем конце сада и посмотреть на вершину, линия горизонта совпадет с каменной балюстрадой выложенной плитняком террасы на фоне бесконечного пространства. Между нами и этой террасой будет тогда находиться цветник с фонтаном в центре, вокруг которого в строгом порядке размещены геометрически правильные клумбы, дорожки, посыпанные гравием, и аккуратно подстриженные тисовые деревья. Цветник расположен выше нашей лужайки; туда ведет несколько ступеней в середине уступа. Терраса, в свою очередь, выше цветника, и нужно подняться еще на несколько ступеней, чтобы, облокотясь на балюстраду, полюбоваться прекрасным зрелищем города в долине и холмов, уходящих вдаль, где они вырастают в горы. Вилла тогда будет слева от нас, и к ней тоже ведут ступени, расположенные в левой части цветника. Возвращаясь с террасы через цветник на нашу лужайку (причем вилла тогда оказывается уже справа от нас), мы узнаем, что обитатели виллы отличаются литературными склонностями; нигде не заметно ни сетки для тенниса, ни крокетных дужек, а небольшой садовый стол, слева от нас, завален книгами, большей частью в желтых обложках. На стуле справа тоже лежит несколько раскрытых книг. Газеты не видно ни одной, и это обстоятельство, наряду с отсутствием спортивного инвентаря, может привести вдумчивого наблюдателя к самым многозначительным выводам относительно обитателей виллы. Впрочем, в этот ясный весенний день подобным размышлениям помешало бы появление у боковой калитки Генри Стрэйкера в его шоферском наряде. Он пропускает в сад неизвестного пожилого джентльмена и сам проходит

следом за ним.

Пожилой джентльмен, наперекор испанскому солнцу, облачен в черный сюртук и брюки весьма респектабельного оттенка, получающегося из сочетания темно-серых и фиолетовых полос; на голове у него цилиндр, черный галстук бабочкой оттеняет безукоризненную белизну манишки. Очевидно, он из тех людей, которых социальное положение обязывает к постоянному и настойчивому самоутверждению, невзирая на климат, они и в сердце Сахары и на вершине Монблана одевались бы одинаково. А поскольку в нем не чувствуется представителя класса, привыкшего видеть свое жизненное назначение в том, чтобы рекламировать и содержать первоклассных портных и модисток, его изысканный костюм придает ему вульгарный вид, тогда как в любой рабочей одежде он выглядел бы вполне пристойно. У него красное лицо, волосы, напоминающие щетину, узенькие глазки, поджатый рот и упрямый подбородок. Кожа на шее и у подбородка уже тронута старческой дряблостью, но щеки еще упруги и крепки, как яблоко, и от этого верхняя часть лица кажется моложе нижней. Он самоуверен как человек, который сам составил себе состояние, и несколько агрессивен, как тот, кому оно досталось в звериной борьбе; за его вежливостью ясно ощущается угроза в случае необходимости пустить в ход другие методы. Но вообще это человек, способный внушить жалость тогда, когда он не внушает страха; временами в нем проглядывает нечто трогательное как будто огромная коммерческая машина, втиснувшая его в этот сюртук, оставила ему очень мало личной свободы и сурово отказывает в удовлетворении всех его склонностей и желаний. С первого же произнесенного им слова становится ясно, что он — ирландец, сохранивший свою природную интонацию, несмотря на многочисленные перемены местожительства и общественного положения. Можно догадаться, что первоначальную основу его речи составлял грубоватый говор южных ирландцев; но этот говор так долго подвергался искажающим влияниям городского жаргона, неизбежным в Лондоне, Глазго, Дублине, да и в других больших городах, что теперь разве только заядлому кокни придет в голову назвать его ирландским певучесть его исчезла совершенно, осталась только грубоватость. К Стрэйкеру, чья речь — ярко выраженный кокни, он относится с неудержимым презрением, как к безмозглому англичанину, который даже на своем языке не умеет говорить как следует. В свою очередь Стрэйкер склонен рассматривать его манеру говорить как шутку провидения, специально задуманную для потехи истых британцев, и проявляет к нему терпеливую снисходительность, как к представителю низшей и обделенной судьбою расы; впрочем, эта снисходительность сменяется возмущением всякий раз, когда пожилой джентльмен выказывает претензию на то, чтоб его ирландские штучки принимались всерьез.

Стрэйкер. Сейчас я позову молодую леди. Она говорила, что вы, верно, захотите подождать ее здесь. (

Поднимается по ступеням, которые ведут к цветнику.)

Ирландец (

с живым любопытством оглядываясь по сторонам). Это мисс Вайолет, что ли?

Стрэйкер (

останавливается, вдруг заподозрив неладное). А вы разве сами не знаете?

Ирландец. Это я-то?

Стрэйкер (

начиная сердиться). Вы-то, вы-то. Так что же, знаете вы или нет?

Ирландец. А вам какое дело?

Стрэйкер уже вне себя от злости поворачивается назад и подходит к гостю.

Стрэйкер. Вот я вам сейчас скажу, какое мне дело. Мисс Робинсон...

Ирландец. Ага, значит ее фамилия Робинсон? Ну, спасибо, спасибо.

Стрэйкер. Вы что же, не знаете даже ее фамилии?

Ирландец. Нет, теперь знаю — когда вы мне сказали. Стрэйкер (

на мгновение сбитый с толку быстрым ответом старика). Послушайте, с какой же это стати вы влезли в машину и прикатили сюда, если вы не тот, кому я вез записку?

Ирландец. А кому же вы ее везли, если не мне?

Стрэйкер. Я вез ее мистеру Гектору Мэлоуну, как меня просила мисс Робинсон, понятно? Мисс Робинсон мне не хозяйка; просто я взялся за это из любезности. А мистера Мэлоуна я знаю, и это вовсе не вы, даже ничего похожего. Только почему ж мне в отеле-то сказали, что вас зовут Гекто?р Мэлоун?

Мэлоун. Ге?ктор Мэлоун.

Стрэйкер (

свысока). У вас там, в Ирландии или Америке, может и Ге?ктор; мало ли чего выдумают в провинции. А здесь вы Гекто?р; если до сих пор не знали, так скоро узнаете.

Разговор грозит принять напряженный оборот, но этому мешает появление Вайолет, которая вышла из дома и спустилась по ступеням цветника как раз вовремя, чтобы встать между Стрэйкером и Мэлоуном.

Вайолет (

Стрэйкеру). Вы отвезли мое письмо?

Стрэйкер. Да, мисс. Я его свез в отель и послал с горничной наверх, а сам стал дожидаться мистера Мэлоуна. Но тут вдруг выходит вот этот тип и говорит, что все, мол, в порядке и едем. В отеле сказали, что это и есть мистер Гектор Мэлоун, — ну, я его и прихватил. Так вы посмотрите на него: если это не тот, который вам нужен, можно его сейчас же отвезти обратно.

Мэлоун. Мэдэм, вы мне окажете большую честь, если согласитесь со мной побеседовать. Я — отец Гектора; вероятно, не прошло бы и часу, как этот сообразительный англичанин догадался бы о том.

Стрэйкер (

с вызывающим хладнокровием). Хоть бы целый год прошел, и то едва ли. Вот просидите у нас столько, сколько он сидел, пока мы его отшлифовали как следует, тогда, может, и станете чуть на него похожи. А теперь вам до него далеко. (

К Вайолет, любезно.) Пожалуйста, мисс, если вам охота с ним разговаривать, я мешать не стану. (

Снисходительно кивает Мэлоуну и выходит в боковую калитку.)

Вайолет (

с изысканной вежливостью). Мне очень жаль, мистер Мэлоун, если этот человек нагрубил вам. Но что поделаешь? Это наш водитель.

Мэлоун. Кто?

Вайолет. Шофер нашего автомобиля. Он умеет вести машину со скоростью семьдесят миль в час и чинить ее, если бывают поломки. Мы зависим от наших машин; а наши машины зависят от него; так что в конечном счете мы зависим от него.

Мэлоун. Я заметил, мэдэм, что у англичанина каждая лишняя тысяча долларов прибавляет единицу к числу людей, от которых он зависит. Но вы напрасно извиняетесь за своего человека; я его нарочно заставил болтать. И теперь я знаю, что вы тут, в Гренаде, проездом, с целой компанией англичан, и в том числе с моим сыном Гектором.

Вайолет (

в тоне непринужденной беседы). Совершенно верно. Мы, собственно, собирались в Ниццу, но один из членов нашей компании, несколько эксцентричный джентльмен, выехал первым и отправился сюда, так что нам пришлось следовать за ним. Садитесь, пожалуйста. (

Освобождает от книг стоящий рядом стул.)

Мэлоун (

тронутый этим вниманием). Спасибо. (

Садится и с любопытством смотрит, как она перекладывает книги на садовый стол. Когда она снова поворачивается к нему, он говорит.) Мисс Робинсон — так, кажется?

Вайолет (

сядась). Совершенно верно.

Мэлоун (

вынимая из кармана письмо). Вы, значит, пишете Гектору.

Вайолет невольно вздрагивает.

Он не спеша достает и надевает очки в золотой оправе.

«Милый! Все наши до вечера ушли в Альгамбру. Я выдумала, что у меня болит голова, и теперь я одна в саду. Немедленно прыгай в машину Джека; Стрэйкер вмиг примчит тебя сюда. Ну, скоренько, скоренько. Любящая тебя Вайолет». (

Поворачивается к ней; но она уже успела овладеть собой и с полным спокойствием встречает его взгляд. Он продолжает с расстановкой.) Я, конечно, не знаю, как принято относиться друг к другу у молодых людей в английском обществе, но у нас, в Америке, такая записка свидетельствовала бы о весьма значительной степени интимности между заинтересованными сторонами.

Вайолет. Да, я очень хорошо знакома с вашим сыном, мистер Мэлоун. Вам это неприятно?

Мэлоун (

захваченный несколько врасплох). Ну, не то чтобы неприятно. Но, я надеюсь, при этом

учитывается, что мой сын полностью зависит от меня и что, если он захочет сделать какой-нибудь серьезный шаг, придется спросить моего совета.

Вайолет. Я уверена, мистер Мэлоун, что вы не захотите поступить неразумно по отношению к вашему сыну.

Мэлоун. Конечно, конечно, мисс Робинсон. Но в вашем возрасте вам могут казаться неразумными некоторые вещи, на которые я смотрю иначе.

Вайолет (

слегка пожав плечами). Мистер Мэлоун, я думаю, что нам с вами не стоит играть в жмурки. Ваш сын Гектор хочет на мне жениться.

Мэлоун. Да, если судить по вашей записке, похоже на то. Ну что ж, мисс Робинсон, он сам себе хозяин; но если он женится на вас, он ни пенни не увидит от меня. (

Снимает очки и вместе с письмом засовывает в карман.)

Вайолет (

со строгой ноткой в голосе). Это не слишком любезно по отношению ко мне, мистер Мэлоун.

Мэлоун. Я про вас ничего не говорю, мисс Робинсон; вы, на мой взгляд, очень обходительная и достойная молодая леди. Но у меня насчет Гектора другие планы.

Вайолет. А если у Гектора насчет себя нет других планов, мистер Мэлоун?

Мэлоун. Может быть, может быть. Но уж тогда придется ему обойтись без меня. Вот и все. Да вас, наверно, это не волнует. Когда молодая девица пишет молодому человеку, чтобы он ехал к ней скоренько, скоренько, ей кажется, что деньги — ничто, а любовь — все.

Вайолет (

резко). Простите, мистер Мэлоун, я подобных глупостей не думаю. Гектор должен иметь деньги.

Мэлоун (

оторопев). Ну что ж, отлично, отлично. Он, верно, сумеет их заработать.

Вайолет. Что за радость иметь деньги, если их нужно зарабатывать? (

Нетерпеливо встает со стула.) Все это вздор, мистер Мэлоун; вы должны дать своему сыну возможность жить так, как требует его положение. Это его право.

Мэлоун (

зловеще). Я бы не советовал вам, мисс Робинсон, выходить за него замуж в расчете на это право.

Вайолет большим усилием подавляет готовый прорваться гнев, разжимает пальцы и садится на прежнее место с хорошо рассчитанным спокойствием.

Вайолет. А что, собственно, вам во мне не нравится? По своему положению в обществе я не уступаю Гектору, чтобы не сказать больше. Он сам это признает.

Мэлоун (

проницательно). Вы ему, видно, время от времени об этом напоминаете. В английском обществе, мисс Робинсон, Гектор будет занимать то положение, которое я захочу купить для него. Я ему предлагал по-хорошему: пусть подыщет самое историческое поместье, замок или там аббатство, какое только найдется в Англии. И как только он мне скажет, что имеет на примете жену, достойную быть там хозяйкой, — в тот самый день я его покупаю и обеспечиваю Гектору средства для его содержания.

Вайолет. Что это значит — жена, достойная быть там хозяйкой? Как будто любая хорошо воспитанная женщина не может вести такой дом!

Мэлоун. Нет. Она должна быть рождена для этого.

Вайолет. Как, например, сам Гектор, не правда ли?

Мэлоун. Бабушка Гектора была босоногая ирландская девчонка и баюкала меня у очага, в котором горел торф. Пусть он женится на такой же, и я не поскуплюсь на приданое. Я хочу, чтобы на мои деньги он или сам продвинулся в обществе, или помог продвинуться другому, если хоть кому-нибудь будет от этого дела выгода, я сочту свои расходы оправданными. Но если он женится на вас, он ничего не выиграет и не проиграет.

Вайолет. Многие из моих родственников, мистер Мэлоун, безусловно будут против того, чтобы я вышла замуж за внука простой крестьянки. Вы можете считать это предрассудком, но ведь ваше желание непременно взять сыну титулованную жену — тоже предрассудок.

Мэлоун (

встав со своего места, разглядывает ее с пытливостью, к которой примешивается невольное уважение). Удивительно вы, знаете ли, откровенная молодая леди.

Вайолет. Не понимаю, почему я должна жить в нищете только из-за того, что не могу принести вам выгоду. Вы просто хотите сделать Гектора несчастным.

Мэлоун. Ничего, он с этим справится. Любовные неудачи не то, что денежные, они даже на пользу идут человеку. Вам это, поди, и слушать противно, но я знаю, что говорю. Отца моего заморили голодом в Ирландии в черный восемьсот сорок седьмой год[170]. Может, слышали про такой?

Вайолет. Это когда был недород?

Мэлоун (

с затаенным жаром). Какой там недород! Если страна завалена хлебом и даже вывозит его за границу, нечего толковать о недороде. А все-таки отец мой умер с голоду, и голод заставил мать с грудным ребенком на руках уехать в Америку. Английское владычество выжило меня и моих из Ирландии. Ну что ж, пусть Ирландия остается вам. Но мы теперь возвращаемся, чтобы купить Англию; и мы покупаем все, что в ней есть лучшего. Буржуазные достатки и буржуазные невестки меня не устраивают. Вот это откровенность за откровенность, а?

Вайолет (

с ледяным спокойствием к его сентиментальности). Право, мистер Мэлоун, мне странно слышать такие романтические речи от здравомыслящего человека ваших лет. Что ж, вы думаете, английская знать станет по первому требованию продавать вам свои поместья?

Мэлоун. У меня имеются адреса двух древнейших родовых замков в Англии. Одному именитому владельцу не по средствам содержать все комнаты в чистоте, другой не в состоянии уплатить налог на наследство. Что вы на это скажете?

Вайолет. Конечно, это позорно; но вы отлично понимаете, что рано или поздно правительство прекратит все эти социалистические посягательства на собственность.

Мэлоун (

ухмыляясь). Как по-вашему — успеет оно это сделать до того, как я куплю замок, или, верней сказать, аббатство? Они оба — аббатства.

Вайолет (

нетерпеливо отмахиваясь от этой темы). Ах, мистер Мэлоун, давайте говорить по существу. Вы ведь сами знаете, что до сих пор мы с вами говорили не по существу.

Мэлоун. Я бы этого не сказал. Я говорю то, что думаю.

Вайолет. В таком случае вы не знаете Гектора так, как я его знаю. Он склонен к романтике и фантазиям — очевидно, это у него от вас, — и ему нужна такая жена, которая могла бы о нем заботиться. Без всяких фантазий, вы меня понимаете?

Мэлоун. Одним словом, похожая на вас.

Вайолет (

спокойно). Именно. Но вы же не можете требовать, чтобы я взяла это на себя, не имея средств к тому, чтобы жить сообразно его положению.

Мэлоун (

встревоженно). Погодите, погодите. Этак мы до чего ж договоримся? Я и не думал требовать, чтоб вы на себя брали что-нибудь в этом роде.

Вайолет. Конечно, мистер Мэлоун, если вы собираетесь сознательно исказить смысл моих слов, нам очень трудно будет сговориться.

Мэлоун (

несколько смущенный). Я вовсе не хотел придирааться к словам; это как-то само собой вышло, что мы свернули с прямой дорожки.

Стрэйкер с видом человека, который торопился изо всех сил, открывает боковую калитку и пропускает Гектора; тот вбегает в сад, задыхаясь от негодования, и сразу устремляется к отцу; но Вайолет, в крайней досаде вскочившая со стула, загораживает ему дорогу. Стрэйкер тем временем успел исчезнуть, — во всяком случае его уже не видно.

Вайолет. Ох, как некстати! Я вас прошу, Гектор: пожалуйста, ни слова. Уходите и дайте мне закончить разговор с вашим отцом.

Гектор (

непреклонно). Нет, Вайолет! Я сейчас же, не сходя с места, должен выяснить все до конца. (

Отстраняет ее, делает шаг вперед и останавливается лицом к лицу с Мэлоуном, у которого щеки постепенно багровеют, по мере того как закипает его ирландская кровь.) Отец! Вы сделали нечестный ход!

Мэлоун. То есть как это?

Гектор. Вы вскрыли письмо, адресованное мне. Вы себя выдали за меня и хитростью

проникли к этой даме. Так порядочные люди не поступают.

Мэлоун (

с угрозой). Эй, Гектор, думай о том, что говоришь. Думай хорошенько, слышишь?

Гектор. Я и так думаю. Я все время думаю. Я думаю о своей чести и о своем положении в английском обществе.

Мэлоун (

горячо). Твое положение куплено моими деньгами. Ты об этом не забывай.

Гектор. Да, но вы же его и погубили, вскрыв это письмо. Письмо от дамы, англичанки, не вам адресованное, — личное письмо! интимное письмо! чужое письмо! — и мой отец вскрыл его! В Англии таких вещей не прощают. Чем скорее мы уедем домой, тем лучше. (

Без слов обращается к небесам, как бы призывая их в свидетели позора и мук двух отверженных.)

Вайолет (

одергивая его с инстинктивным отвращением к патетическим сценам). Перестаньте, Гектор. Совершенно естественно, что мистер Мэлоун распечатал письмо: ведь на конверте стояло его имя.

Мэлоун. Вот! Ни капли здравого смысла у тебя нет, Гектор. Благодарю вас, мисс Робинсон.

Гектор. И я тоже. Вы очень добры. Мой отец этих вещей не понимает.

Мэлоун (

в ярости сжимая кулаки). Гектор!..

Гектор (

с непоколебимым моральным убеждением). Можете сердиться сколько угодно. Чужое письмо, папа, есть чужое письмо; от этого не спрячешься.

Мэлоун (

возвышая голос). Не смей отвечать мне, слышишь?

Вайолет. Тсс! Тише, ради бога. Сюда идут.

Отец и сын, вынужденные замолчать, молча обмениваются свирепыми взглядами; в боковую калитку входят Тэннер и Рэмсден, а за ними Октавиус и Энн.

Вайолет. Вы уже вернулись?

Тэннер. Альгамбра сегодня закрыта.

Вайолет. Какая досада.

Тэннер проходит дальше и оказывается между Гектором и пожилым незнакомцем, которые, по всей видимости, недалеко от того, чтобы вцепиться друг в друга. Он переводит глаза с одного на другого, ища объяснения. Они сумрачно избегают его взгляда, внутренне кипят от гнева.

Рэмсден. Вайолет, разве можно с головной болью выходить на солнцепек?

Тэннер. А вы, видно, тоже выздоровели Мэлоун?

Вайолет. Ах, что это я! Ведь здесь не все знакомы. Мистер Мэлоун, представьте же вашего отца.

Гектор (

со стойкостью римлянина). Нет. Он больше не отец мне.

Мэлоун (

возмущенно). Ах, вот как! Ты отказываешься от родного отца перед своими английскими друзьями!

Вайолет. Ради бога, только без сцен.

Энн и Октавиус, замешкавшиеся у калитки, обмениваются удивленными взглядами и потихоньку поднимаются к цветнику, откуда они могут, оставаясь в стороне, наслаждаться скандалом. Проходя мимо, Энн молча строит сочувственную гримасу Вайолет, которая стоит спиной к садовому столу и с бессильной досадой слушает, как ее супруг уносится в заоблачные выси этики без малейшей оглядки на миллионы старика.

Гектор. Мне очень жаль, мисс Робинсон, но это для меня вопрос принципа. Я — сын, и, смею сказать, довольно почтительный сын; но прежде всего я — Человек!!! И если папе угодно обращаться с моими письмами так, как будто они адресованы ему, и потом еще заявлять, что я не посмею жениться на вас, даже если вы удостоите и осчастливите меня согласием, — мне остается только одно: отвернуться и идти своей дорогой.

Тэннер. Жениться на Вайолет!

Рэмсден. Да в уме ли вы?

Тэннер. После того что мы вам сказали?

Гектор (

забывшись). Мне все равно, что бы вы мне ни сказали.

Рэмсден (

шокированный). Что вы, что вы, сэр! Это чудовищно! (

Бросается назад к калитке, его расставленные локти дрожат от негодования.)

Тэннер. Еще один сумасшедший! Всех этих влюбленных нужно просто сажать под замок. (

Махнув рукой на Гектора, направляется к цветнику; но Мэлоун, неожиданно усмотрев новый повод для обиды, бежит за ним и угрожающим тоном заставляет его остановиться.)

Мэлоун. Постойте, постойте. Вы что же, считаете, что Гектор недостаточно хорош для этой молодой леди?

Тэннер. Дорогой сэр, дело в том, что эта молодая леди уже замужем. Гектор знает, но упорствует в своем безумии. Уведите его домой и закройте.

Мэлоун (

язвительно). Ах, значит это и есть хороший тон, который я нарушил своими грубыми, неотесанными манерами! Амуры с замужней женщиной! (

Становится между Гектором и Вайолет и рычит чуть не в самое ухо Гектору.) Это ты у английских аристократов набрался таких замашек?

Гектор. Ничего, ничего. Вы только не беспокойтесь. Я отвечаю за нравственность своих поступков.

Тэннер (

с горящими глазами бросается к Гектору). Хорошо сказано, Мэлоун! Значит, и вы понимаете, что брачный закон — это одно, а нравственность — другое. Я вполне согласен с вами! Жаль только, что Вайолет смотрит иначе.

Мэлоун. Я вот не уверен в этом, сэр. (

Обернувшись к Вайолет.) Позвольте вам сказать, миссис Робинсон, или как вас там по-настоящему зовут, что довольно стыдно замужней женщине посылать такие записочки молодому человеку.

Гектор (

вне себя). Ну, это последняя капля. Отец! Вы оскорбили мою жену.

Мэлоун. Твою жену?!

Тэннер. Так исчезнувший муж — вы? Еще один мнимый преступник против нравственности! (

Хлопает себя рукой по лбу и валится на стул Мэлоуна.)

Мэлоун. Ты женился без моего согласия!

Рэмсден. Вы нас заведомо дурачили, сэр!

Гектор. Слушайте! Довольно с меня, наконец, этой комедии. Мы с Вайолет — муж и жена, вот и все. Теперь, надеюсь, вам нечего сказать.

Мэлоун. Я-то знаю, что мне сказать. Она вышла за нищего.

Гектор. Неправда! Она вышла за труженика. (

Его американский акцент придает особую вескость этому простому и мало популярному слову.) Я сегодня же начинаю сам зарабатывать на жизнь.

Мэлоун (

злобно усмехаясь). Да, да, ты очень храбр сейчас, когда только что получил от меня очередной чек. Подождем, пока ты эти деньги истратишь, тогда у тебя спеси поубавится.

Гектор (

вынимая из бумажника чек). Вот. (

Бросает его в лицо отцу.) Берите свой чек, и больше вы меня не увидите. Я теперь покончил с чеками; и с вами тоже. Права оскорблять мою жену я не продам даже за тысячу долларов.

Мэлоун (

потрясенный и взволнованный). Смотри, Гектор! Ты не знаешь, что такое бедность.

Гектор (

пылко). Вот я и хочу узнать это. Я хочу стать Человеком. Вайолет, ты сейчас же переедешь ко мне, я помогу тебе собраться.

Октавиус (

одним прыжком оказывается внизу на лужайке и подбегает к Гектору). Но прежде чем вы уйдете, Гектор, я хочу пожать вам руку. Не могу передать, как я восхищен вами. (

Пожимает ему руку, чуть не плача от умиления.)

Вайолет (

тоже чуть не плача, но от злости). Ах, не будь идиотом, Тави. Гектор так же годится в труженики, как и ты.

Тэннер (

встав и подойдя к Гектору с другой стороны). Не бойтесь, миссис Мэлоун, чернорабочим он не будет. (

Гектору.) Вам потребуется кое-какой капитал для начала, но пусть это вас не беспокоит. Считайте меня своим другом и возьмите у меня в долг.

Октавиус (

поспешно). Или у меня.

Мэлоун (

уязвленный в самое сердце). Кому вы нужны с вашими деньгами? Зачем это ему брать у чужих, когда есть родной отец?

Тэннер и Октавиус отступают; Октавиус, пожалуй, даже несколько огорчен, а Тэннер успокоен таким разрешением финансовой проблемы. Вайолет с надеждой поднимает голову.

Гектор, мой мальчик, не торопись. Я сожалею о своих словах и беру их обратно. Я не хотел оскорблять Вайолет; она именно такая жена, как тебе требуется.

Гектор (

потрепав его по плечу). Ну-ну, ладно, папа. Не надо больше слов: мы уже помирились. Но только денег я ни у кого брать не буду.

Мэлоун (

униженно молит). Не будь так суров ко мне, Гектор. Уж лучше бы ты со мной поссорился и взял деньги, чем помирился и решил голодать. Ты не знаешь жизни, а я ее хорошо знаю.

Гектор. Нет, нет и нет! Я решил и решения своего не изменю. (

С непреклонным видом отстраняет отца и подходит к Вайолет.) Ну, миссис Мэлоун, придется вам поселиться со мной в отеле и открыто занять то место, которое вам по праву принадлежит.

Вайолет. Да, милый, но раньше я должна пойти к себе и сказать Дэвис, чтобы она уложила мои вещи. Может быть, ты пока поедешь один и закажешь для меня номер с окнами в сад? Я приеду через полчаса.

Гектор. Идет. Папа, вы обедаете с нами?

Мэлоун (

торопясь закрепить перемирие). Да, да.

Гектор. До скорого свидания. (

Издали машет рукой Энн и стоящим в цветнике вместе с ней Тэннеру, Рэмсдену и Октавиусу, затем выходит в боковую калитку.)

Его отец и Вайолет вдвоем остаются на лужайке.

Мэлоун. Вы его образумите, Вайолет, я уверен, что вы его образумите.

Вайолет. Никогда не думала, что в нем столько упрямства. Если он всегда будет таким, что мне тогда делать?

Мэлоун. Не падайте духом; домашние меры действуют медленно, но зато верно. Вы его сломите; обещайте мне, что вы его сломите.

Вайолет. Буду стараться. Конечно, по-моему, это верх нелепости — сознательно обречь себя на бедность.

Мэлоун. Еще бы!

Вайолет (

после минутного размышления). Знаете что, отдайте тот чек мне. Чтобы расплатиться в отеле, понадобятся деньги. Попробую, может быть мне удастся уговорить Гектора принять их. Не сразу, разумеется, но постепенно.

Мэлоун (

поспешно). Конечно, конечно. Это самое лучшее. (

Передает ей чек на тысячу долларов и добавляет с лукавством.) Вы понимаете, что это скромное месячное содержание было рассчитано на холостяка.

Вайолет (

холодно). Понимаю. (

Берет чек.) Благодарю вас. Кстати, мистер Мэлоун, эти два дома, о которых вы говорили, эти аббатства...

Мэлоун. Ну?

Вайолет. Не решайте вопроса о покупке, пока я не посмотрю. В таких старых замках можно ждать самых непредвиденных сюрпризов.

Мэлоун. Хорошо, хорошо. Не беспокойтесь, я ничего не предприму, не посоветовавшись с вами.

Вайолет (

вежливо, но без тени признательности). Благодарю вас, так будет лучше всего. (

Спокойно направляется к вилле.)

Мэлоун раболепно провожает ее до верхних ступеней.

Тэннер (

обращая внимание Рэмсдена на заискивающее выражение, с которым Мэлоун прощается с Вайолет). И это жалкое существо — миллиардер! Представитель господствующего духа эпохи! Плетется, как собачка на веревочке, за первой девчонкой, которая дала себе труд выказать ему презрение. Неужели и я когда-нибудь дойду до этого! (

Спускается на лужайку.)

Рэмсден (

следуя за ним). Чем скорее, тем лучше для вас.

Мэлоун (

возвращается, потирая руки). Вот это жена для Гектора! Я ее на десять герцогинь не променяю. (

Спускается на лужайку и останавливается между Рэмсденом и Тэннером.)

Рэмсден (

учтиво, миллиардеру). Какая приятная неожиданность, мистер Мэлоун, встретить вас в этих краях. Уж не собираетесь ли вы купить Альгамбру?

Мэлоун. А хоть бы и так? Я бы ее сумел использовать лучше, чем испанское правительство. Но я приехал не за тем. Сказать по правде, с месяц тому назад я случайно услышал разговор между двумя людьми; дело шло о пакете акций. Они никак не могли сойтись в цене; люди были молодые и жадные и не понимали, что если акции стоят того, что за них дают, значит они и стоят того, что за них спрашивают; разница, видите ли, почти ничего не составляла. Я для смеху вмешался и купил эти акции. Но до сих пор все никак не выясню, что за предприятие такое. Правление фирмы здесь, в Гренаде; называется оно Мендоса Лимитед. А что это такое Мендоса — копи, или пароходная линия, или банк, или патентованное средство?

Тэннер. Это человек. Я его знаю; его деятельность основана на чисто коммерческих принципах. Если вы не возражаете, мистер Мэлоун, мы можем прокатить вас по городу на машине и кстати завернуть к нему.

Мэлоун. Охотно, если вы так любезны. А позвольте узнать, с кем...

Тэннер. Мистер Роубэк Рэмсден, старинный друг вашей невестки.

Мэлоун. Очень приятно, мистер Рэмсден.

Рэмсден. Равно как и мне. Мистер Тэннер также принадлежит к нашему кружку.

Мэлоун. Весьма рад, мистер Тэннер.

Тэннер. Я тоже.

Мэлоун и Рэмсден, дружески беседуя, выходят в боковую калитку.

(

Окликает Октавиуса, который прохаживается с Энн по саду.) Тави!

Октавиус подходит к ступеням.

(

Говорит ему громким шепотом.) Вайолет вышла замуж за разбойничьего банкира. (

Убегает вдогонку за Рэмсденом и Мэлоуном.)

Энн, в бессознательном стремлении помучить Октавиуса, приближается к ступеням.

Энн. Что же вы не пошли с ними, Тави?

Октавиус (

глаза его сразу подернулись слезами). Вы раните мое сердце, Энн, требуя, чтобы я ушел. (

Сходит вниз, на лужайку, чтобы спрятать от нее свое лицо.)

Она с ласковой улыбкой следует за ним.

Энн. Бедный Риккк-Тикки-Тави! Бедное сердце!

Октавиус. Оно принадлежит вам, Энн. Простите меня, но я должен высказаться. Я люблю вас. Вы знаете, что я люблю вас.

Энн. Все это напрасно, Тави. Вы ведь знаете, что мама твердо решила выдать меня замуж за Джека.

Октавиус (

остолбенев). За Джека?!

Энн. Трудно поверить, не правда ли?

Октавиус (

с нарастающей обидой). Так, значит, все это время Джек меня дурачил? Значит, он меня потому отговаривал жениться на вас, что сам хотел стать вашим мужем?

Энн (

испугавшись). Нет, нет! И не вздумайте затевать с ним разговор. Он еще решит, что это я вам сказала. Джек, я уверена, сам не разбирается в своих чувствах. Но из завещания моего отца ясно: он хотел, чтобы я вышла за Джека. И мама ни о чем другом слышать не хочет.

Октавиус. Но нельзя же вечно приносить себя в жертву желаниям родителей!

Энн. Отец любил меня. Мама тоже меня любит. Для меня же лучше, если я буду следовать их желаниям, а не своим эгоистическим прихотям.

Октавиус. О Энн! Бы — и эгоизм! Но поверьте мне — хоть я и не могу быть беспристрастным в этом деле, — есть еще другая сторона вопроса. Зачем вам обманывать Джека и выходить за него, если вы его не любите? Зачем вам губить мое счастье и свое собственное, если вы

можете когда-нибудь полюбить меня?

Энн (

глядит на него с оттенком жалости). Тави, милый мой, вы очень славный, очень хороший мальчик.

Октавиус (

печально). И это все?

Энн (

лукаво, несмотря на жалость). Это очень много, уверяю вас. Ведь вы готовы всю жизнь боготворить землю, по которой я ступаю, правда?

Октавиус. Правда. Это звучит смешно, но я не преувеличиваю. Это так, и это всегда так будет.

Энн. «Всегда» — большой срок, Тави. Вот видите, я же должна показать себя достойной такого обожествления! А если бы я вышла за вас замуж, вряд ли мне бы это удалось. Зато если я выйду за Джека, вам никогда не придется испытать разочарование, — во всяком случае, пока я не состарюсь.

Октавиус. Я тоже состарюсь, Энн. Но даже в восемьдесят лет один седой волос любимой мною женщины сильнее заставит меня трепетать, чем самые толстые золотые косы самой прекрасной юной головки.

Энн (

почти растроганно). Вот это поэзия, Тави, истинная поэзия! Ваши слова вызывают у меня странное чувство: будто я слышу отзвук каких-то прежних существований. Разве это не лучшее доказательство бессмертия нашей души?

Октавиус. Но вы верите мне, что это правда?

Энн. Для того, чтоб это стало правдой, Тави, вам надо не только любить меня, но и потерять.

Октавиус. О! (

Быстро садится на стул у садового стола и закрывает лицо руками.)

Энн (

убежденно). Тави! Ни за что на свете я не хотела бы разрушать ваши иллюзии. Я не могу ни взять вас, ни отпустить. Но я знаю, что для вас будет самое подходящее. Вы должны сохранить верность мне и остаться сентиментальным старым холостяком.

Октавиус (

в отчаянии). Я убью себя, Энн.

Энн. О нет, этого вы не сделаете, вы слишком добры. Вам совсем не плохо будет житья. Вы будете любезничать с женщинами, станете регулярно посещать оперу. Разбитое сердце — очень приятная болезнь для лондонца, если он имеет приличный годовой доход.

Октавиус (

значительно поостыв, но думая, что к нему просто вернулось самообладание). Я знаю, Энн, вы хотите мне добра. Джек внушил вам, что цинизм лучшее для меня лекарство. (

Встает, полный сдержанного достоинства.)

Энн (

лукаво наблюдает за ним). Вот видите, вы уже начинаете разочаровываться во мне. Этого я и боялась.

Октавиус. Джека вы не боитесь разочаровать.

Энн (

в экстазе злорадства, освещающем ее лицо, говорит шепотом). Я просто не могу: он мной ничуть не очарован. Джеку я готовлю сюрприз. Рассеять отрицательное впечатление гораздо легче, чем оправдать репутацию идеала. Ах, когда-нибудь я пленю Джека!

Октавиус (

возвращаясь в стадию тихого отчаяния и начиная бессознательно испытывать удовольствие от мысли, что сердце его разбито и положение безнадежно). Я в этом не сомневаюсь. Вы всегда будете пленять его. А он — глупец! — думает, что вы его сделаете несчастным.

Энн. Да. Пока что в этом вся сложность.

Октавиус (

самоотверженно). Хотите, я скажу ему, что вы его любите?

Энн (

поспешно). Ой, нет! Он сейчас же опять сбежит.

Октавиус (

шокированный). Вы хотите выйти за человека замуж против его желания?

Энн. Какой вы все-таки чудак, Тави! Если женщина твердо решила добиться мужчины, при чем тут его желание? (

Шаловливо смеется.) Я вижу, вы шокированы. Но вы, по-моему, уже начинаете радоваться, что сами избегли опасности.

Октавиус (

потрясенный). Радоваться! (

С упреком.) И это вы мне говорите!

Энн. Но если бы в самом деле это было так тяжело для вас, разве вы стали бы искать новой пытки?

Октавиус. А разве я ищу?

Энн. Ведь вы же вызвались сказать Джеку, что я его люблю. Это, конечно, жертва, но, как видно, она дает вам некоторое удовлетворение. Может быть потому, что вы поэт? Вы точно соловей, который прижимается к шипу розы, чтоб лучше петь.

Октавиус. Все это гораздо проще. Я люблю вас и хочу, чтоб вы были счастливы. Вы меня не любите — значит, сам я не могу дать вам счастья; но я могу помочь вашему счастью с другим.

Энн. Да, казалось бы, это просто. Но когда мы что-нибудь делаем, мы едва ли знаем — почему. В сущности, самое простое — это прямо подойти и схватить то, чего хочется. Я, должно быть, не люблю вас, Тави, но иногда у меня является желание как-нибудь сделать из вас мужчину. Вы ничего не смыслите в женщинах.

Октавиус (

почти холодно). Предпочитаю не меняться в этом отношении.

Энн. Тогда вам нужно держаться от них подальше и только мечтать о них. Ни за что на свете я бы не согласилась быть вашей женой.

Октавиус. Мне не на что надеяться, Энн, и я примирюсь со своей судьбой. Но вы, вероятно, не представляете себе, как это больно.

Энн. У вас такое мягкое сердце! Просто удивительно, до чего вы с Вайолет непохожи. Вайолет тверда, как камень.

Октавиус. Ах, нет! Я уверен, что в душе Вайолет настоящая женщина.

Энн (

нетерпеливо). Почему вы так говорите? Разве если женщина рассудительна, трезва и практична — значит, она не настоящая женщина? Вы бы предпочли, чтоб Вайолет была дурочкой или чем-нибудь еще хуже, вроде меня?

Октавиус. Еще хуже... вроде вас? Что вы хотите сказать, Энн?

Энн. Ах господи, не ловите меня на слове. Но я очень уважаю Вайолет. Она всегда умеет поставить на своем.

Октавиус (

со вздохом). И вы тоже.

Энн. Правда, но ей это как-то проще удастся, не приходится никого обольщать.

Октавиус (

с чисто братским равнодушием). Вайолет было бы трудно обольстить кого-нибудь. Хотя она хорошенькая.

Энн. Ничуть не трудно; стоит ей только захотеть.

Октавиус. Но какая же порядочная женщина станет сознательно играть на инстинктах мужчины?

Энн (

воздевая руки к небу). О Тави, Тави! Рикки-Тикки-Тави! Да поможет бог женщине, которая станет вашей женой.

Октавиус (

при звуке знакомого прозвища страсть его оживает). О зачем, зачем, зачем вы так говорите? Не мучайте меня! Я вас не понимаю.

Энн. Вдруг это будет лгунья, кокетка, увлекающая мужчин?

Октавиус. Неужели вы считаете меня способным жениться на такой женщине, после того что я знал и любил вас?

Энн. Гм!.. Во всяком случае, имей эта женщина голову на плечах, она этого не допустит. Ну ладно. Сейчас мне некогда больше разговаривать. Скажите, что вы меня простили, и вопрос будет исчерпан.

Октавиус. Мне не за что вас прощать, и вопрос уже исчерпан. А если не исчерпаны мои страдания, вы по крайней мере не увидите, как кровоточит рана.

Энн. Поэт верен себе. Ну, Тави, милый, до свидания. (

Треплет его по щеке; на мгновение ей захотелось его поцеловать, но тут же расхотелось; в конце концов она убегает в дом.)

Октавиус снова приютился за столом; он уронил голову на руки и всхлипывает. В калитку входит миссис Уайтфилд, которая от нечего делать слонялась по гренадским магазинам; в руках у нее сумка, полная мелких свертков.

Миссис Уайтфилд (

увидев Октавиуса, бежит к нему и приподнимает его голову). Что с вами, Тави? У вас что-нибудь болит?

Октавиус. Нет, ничего, ничего.

Миссис Уайтфилд (

не выпуская его головы, с тревогой). Но вы плачете! Из-за Вайолет?

Октавиус. Нет, нет. А откуда вы знаете про Вайолет?

Миссис Уайтфилд (

возвращая голову ее владельцу). Я встретила Рубэка с этим отвратительным старым ирландцем. Так у вас, правда, ничего не болит? А отчего же вы плакали?

Октавиус (

с чувством). Ничего — просто одно мужское сердце разбилось. Смешно звучит, не правда ли?

Миссис Уайтфилд. Да в чем дело? Энн вас чем-нибудь обидела?

Октавиус. Энн не виновата. И прошу вас, не думайте, что я хоть сколько-нибудь осуждаю вас.

Миссис Уайтфилд (

изумленная). Меня? За что?

Октавиус (

примирительно пожимая ей руку). Ни за что. Я ведь сказал, что не осуждаю вас.

Миссис Уайтфилд. Но я ничего не сделала. О чем вы говорите?

Октавиус (

с грустной улыбкой). Вы не догадываетесь? Разумеется, вы вправе считать, что Джек — лучший муж для Энн, чем я; но я люблю Энн, и мне это нелегко. (

Встает и делает несколько шагов в сторону по направлению к середине лужайки.)

Миссис Уайтфилд (

торопливо догоняя его). Энн говорит, что я хочу выдать ее замуж за Джека?

Октавиус. Да, она мне сейчас сказала.

Миссис Уайтфилд (

задумчиво). Если так, то мне вас очень жаль, Тави. Это означает просто, что она сама хочет выйти замуж за Джека. Очень она считается с тем, что я говорю и чего я хочу!

Октавиус. Но она бы не говорила этого, если бы не думала. Не станете же вы подозревать Энн в... в обмане!

Миссис Уайтфилд. Ну, хорошо, Тави, хорошо. Сама не знаю, что лучше для молодого человека: знать слишком мало, как вы, или слишком много, как Джек.

Возвращается Тэннер.

Тэннер. Ну, от старого Мэлоуна я отделался. Я познакомил его с Мендосой Лимитед и оставил бандитов вдвоем; пусть обсуждают свои дела. В чем дело, Тави? Случилось что-нибудь?

Октавиус. Пожалуй, мне нужно пойти умыть лицо. (

Миссис Уайтфилд.) Скажите ему о своем желании. (

Тэннеру.) Джек, я хочу, чтобы ты услышал это от меня: Энн не возражает.

Тэннер (

удивленный его тоном). Против чего не возражает?

Октавиус. Против того, чего хочет миссис Уайтфилд. (

С выражением благородной печали поднимается к вилле.)

Тэннер (

к миссис Уайтфилд). Как таинственно! Что же это такое, чего вы хотите? Заранее обещаю, что все будет исполнено.

Миссис Уайтфилд (

слезливо, с благодарностью). Спасибо вам, Джек. (

Садится.)

Тэннер придвигает другой стул, стоящий у садового стола, усаживается рядом с ней и, подперев руками подбородок, готовится слушать с полным вниманием.

Не знаю, почему это чужие дети всегда так милы со мной, а мои относятся ко мне без всякого уважения? Не удивительно, что мне трудно любить Энн и Роду так, как я люблю вас, или Тави, или Вайолет. Все теперь как-то странно на свете. Раньше все было просто и естественно, а теперь люди словно и думают и чувствуют не так, как надо. С тех пор как профессор Тиндаль произнес свою речь в Белфасте[171], все пошло вкривь и вкось.

Тэннер. Да, жизнь сложнее, чем мы привыкли думать. Но все-таки что я должен для вас сделать?

Миссис Уайтфилд. Вот я как раз об этом и хотела поговорить. Конечно, вы все равно женитесь на Энн, независимо от моего желания...

Тэннер (

вскакивая). Кажется, меня сейчас женят на Энн, независимо от моего собственного желания!

Миссис Уайтфилд (

миролюбиво). Да, это очень возможно. Вы ведь ее знаете: уж если она заберет себе что-нибудь в голову... Но не сваливайте это на меня — вот все, о чем я прошу. Тави только что проговорился: она сказала ему, будто я заставляю ее выйти за вас замуж; бедный мальчик теперь убивается, потому что он сам в нее влюблен, хотя что он в ней нашел замечательного, одному богу известно. Бесплезно объяснять Тави, что Энн навязывает людям свои желания, уверяя их, что это я так хочу, — хоть я об этом и не помышляла. Это только настраивает Тави против меня. Но вы-то понимаете, в чем тут дело. Так что если вы на ней женитесь, не вините меня.

Тэннер (

внушительно). У меня нет ни малейшего намерения жениться на ней.

Миссис Уайтфилд (

лукаво). А ведь вам она лучше подойдет, чем Тави. Вы ей как раз под пару, Джек. Хотелось бы мне посмотреть на нее рядом с мужчиной, который ей под пару.

Тэннер. Только тот мужчина под пару женщине, у которого кочерга в руках и сапоги подбиты железом. Да и то не всегда. А я бы на нее кочергой не замахнулся. Я был бы жалким рабом.

Миссис Уайтфилд. Неправда. Вас она боится. Во всяком случае, вы сумеете говорить ей правду в лицо. С вами она не вывернется, как со мной.

Тэннер. Если я стану говорить Энн правду в лицо, исходя из ее же морального кодекса, — всякий назовет меня скотиной. Начать хотя бы с того, что слова Энн не всегда соответствуют истине.

Миссис Уайтфилд. Как приятно, что хоть кто-то не считает ее ангелом!

Тэннер. Короче говоря, — как сказал бы муж, если б его довели до того, что он бы решился рот раскрыть, — она лгунья. А если она по уши влюбила в себя Тави без всякого намерения выйти за него замуж, значит она кокетка, — следуя традиционному определению кокетки как женщины, возбуждающей страсть, которую она не намерена удовлетворить. А раз она довела вас до такого состояния, что вы готовы принести меня в жертву ради одного лишь удовольствия слышать, как я в лицо назову ее лгуньей, я могу заключить, что она еще и тиран. Мужчин она не может так открыто тиранить, как женщин; поэтому она без зазрения совести пускает в ход все свои чары, чтобы добиться того, что ей нужно. А уж это граничит с чем-то таким, чему я не подберу приличного названия.

Миссис Уайтфилд (

с кроткой укоризной). От кого же можно требовать совершенства, Джек?

Тэннер. Я и не требую. А вот Энн требует, и это меня возмущает. Я отлично знаю, что лживость, кокетство, тиранство и тому подобное — все это такие ходячие обвинения, которые можно предъявить любому из нас. Все мы лжем, все мы по мере сил и возможности тираним своих близких, все мы ищем поклонения, не утруждая себя старанием заслужить его, все мы стараемся извлечь наибольшую выгоду из своих чар, если они у нас имеются. Согласись Энн с этим, все было бы хорошо. Но она никогда не согласится. Если у нее будут дети, она не лишит себя удовольствия шлепать их за каждую сказанную ложь. Если она заметит, что другая женщина строит мне глазки, она откажется водить знакомство с кокеткой. Она сама всегда будет поступать так, как ей хочется, а от всех прочих требовать, чтобы они поступали так, как предписывает условный кодекс. Короче говоря, я могу простить ей все, кроме ее отвратительного лицемерия. Это выше моих сил.

Миссис Уайтфилд (

в упоении прислушиваясь к своему собственному мнению, изложенному столь красноречиво). Да, да, она именно лицемерка! Именно, именно!

Тэннер. Зачем же вы хотите, чтоб я на ней женился?

Миссис Уайтфилд (

ворчливо). Ну вот, пожалуйста! Теперь я виновата! Да мне и в голову это не приходило, пока Тави не сказал мне с ее слов, будто я этого хочу. Но вы же знаете, я очень люблю Тави, он для меня все равно что сын родной; и мне вовсе не хочется, чтоб его скрутили и сделали несчастным на всю жизнь.

Тэннер. Тогда как я, по-видимому, в счет не иду.

Миссис Уайтфилд. О, вы — совсем другое дело. Вы сами можете постоять за себя. Вы еще ее прочтите. И потом надо же ей за кого-нибудь выйти.

Тэннер. Ага! Вот он, жизненный инстинкт! Вы ее ненавидите, но вы чувствуете себя обязанной выдать ее замуж!

Миссис Уайтфилд (

встает в возмущении). Что вы сказали? Я ненавижу родную дочь? Неужели вы считаете меня такой злой и бесчеловечной только потому, что я замечаю ее недостатки?

Тэннер (

цинично). Так, значит, вы ее любите?

Миссис Уайтфилд. Что за вопрос! Конечно, люблю. Какой вы странный, Джек. Разве можно не любить свою плоть и кровь?

Тэннер. Да, может быть, такие рассуждения избавляют от лишних неприятностей. Но я лично подозреваю, что законы против кровосмесительства основаны на естественном чувстве отвращения. (

Встает.)

Миссис Уайтфилд. Нехорошо так говорить, Джек. Вы, надеюсь, не расскажете Энн про наш

разговор? Мне просто хотелось оправдаться перед вами и Тави. Не могу же я сидеть и молча смотреть, как на меня все сваливают.

Тэннер (

вежливо). Вы совершенно правы.

Миссис Уайтфилд (

с огорчением). А вышло только хуже. Тави на меня сердится за то, что я не преклоняюсь перед Энн. А если мне вбили в голову, что Энн должна выйти замуж за вас, что же я могу сказать? Только одно: так ей и надо.

Тэннер. Благодарю вас.

Миссис Уайтфилд. Ну вот, теперь вы будете перевертывать мои слова, чтобы вышло вовсе не то, что я хотела сказать. Это нечестно и...

Сверху, из виллы, спускается Энн, а за ней Вайолет, одетая по-дорожному.

Энн (

подходит к матери и обращается к ней зловеще сладким голосом). Милая мамочка, как вы тут весело болтаете с Джеком. Вас по всему саду слышно.

Миссис Уайтфилд (

испуганно). Ты слышала...

Тэннер. Не тревожьтесь. Энн просто... одним словом, мы ведь как раз говорили об этой ее привычке. Ничего она не слышала.

Миссис Уайтфилд (

отважно). А мне совершенно безразлично, слышала она или нет. Я, кажется, имею право говорить, что хочу.

Вайолет (

спускаясь на лужайку и становясь между Тэннером и миссис Уайтфилд). Я пришла проститься с вами. Мой медовый месяц начался, и я уезжаю.

Миссис Уайтфилд (

плачет). Ах, не говори так, Вайолет! И ни свадьбы, ни обеда, ни новых платьев!

Вайолет (

лаская ее). Ничего, это мы все наверстаем.

Миссис Уайтфилд. Только не позволяй ему увозить тебя в Америку. Обещай мне, что не позволишь.

Вайолет (

твердо). Ну разумеется, об этом не может быть и речи. Не плачьте, дорогая миссис Уайтфилд, я ведь только переезжаю в отель.

Миссис Уайтфилд. Но когда видишь тебя в дорожном костюме, с саквояжами, невольно

думаешь... (

Слезы мешают ей, она глотает их и продолжает.) Ах, почему ты не моя дочь!

Вайолет (

утешая ее). Ну, ну, я ведь почти ваша дочь. Перестаньте, а то Энн приревнует.

Миссис Уайтфилд. Энн меня ни капельки не любит.

Энн. Фи, мама! Довольно вам плакать. Вы же знаете, что Вайолет этого не переносит.

Миссис Уайтфилд вытирает глаза и утихает.

Вайолет. До свидания, Джек.

Тэннер. До свидания, Вайолет.

Вайолет. Чем скорей и вы женитесь, тем лучше. Меньше риска быть непонятым.

Тэннер (

сердито). Я не удивлюсь, если еще сегодня окажусь женатым. Вы все, кажется, сговорились.

Вайолет. Это для вас не так уж плохо. (

К миссис Уайтфилд, обнимая ее.) Поедьте со мной, вам полезно будет прокатиться. Только захватим вашу накидку. (

Уводит ее к вилле.)

Миссис Уайтфилд (

проходя вместе с ней через цветник). Вот теперь ты уедешь, и я во всем доме останусь одна с Энн; а ведь она вечно занята мужчинами! Мужу твоему вряд ли захочется тратить время на скучную старуху. Не спорь, пожалуйста. Вежливость вежливостью, а что люди на самом деле думают, это я хорошо знаю... (

Продолжает разговаривать с Вайолет, пока обе они не исчезают из виду.)

Энн, оставшись наедине с Тэннером, смотрит на него и ждет. Тэннер делает нерешительное движение в сторону калитки, но какая-то магическая сила влечет его к Энн; он сломлен.

Энн. Вайолет совершенно права. Вам нужно жениться.

Тэннер (

вскипев). Слушайте, Энн! Я на вас не женюсь! Понятно? Не женюсь, не женюсь, не же-нюсь!

Энн (

безмятежно). А вас никто и не просит, не просит, не про-сит! Так что и говорить не о чем.

Тэннер. Да, никто меня не просит, однако все держат себя так, словно это дело решенное. Это прямо в воздухе носится. Как только мы встречаемся, все спешат уйти под разными дурацкими предлогами, чтобы оставить нас вдвоем. Рэмсден больше не глядит на меня волком: напротив, он так и сияет, словно уже чувствует себя посаженным отцом. Тави дает мне свое благословение и советует переговорить с вашей матерью. Стрэйкер явно смотрит на вас как на будущую хозяйку, — он-то первый и сказал мне.

Энн. И поэтому вы сбежали?

Тэннер. Да, но к чему это привело? Мне помешал влюбленный бандит, а потом меня настигли и вернули, точно школьника, удравшего с урока.

Энн. Что ж, если вам так не хочется жениться, не женитесь. (

Отходит и садится в непринужденной позе.)

Тэннер (

следуя за ней). Разве осужденному хочется лезть в петлю? Однако он дает себя повесить, даже не пробуя бороться, хотя мог бы по крайней мере подбить глаз священнику. Мы творим мировую волю, а не свою собственную. Меня не покидает страшное предчувствие, что я дам себя женить лишь потому, что миру угодно, чтоб вы вышли замуж.

Энн. Я и выйду, рано или поздно.

Тэннер. Но послушайте, почему же непременно за меня? Для меня женитьба — это вероотступничество, оскорбление внутренней святости, насилие над мужским достоинством, отказ от первородства, позорная капитуляция, сдача без боя, признание своей слабости. Я засохну, как вещь, которая исполнила свое назначение и больше ни на что не нужна; из человека с будущим я превращусь в человека с прошлым; в сальных глазках всех других мужей мне будет мерещиться радость по поводу появления нового узника, обреченного разделить их жалкую судьбу. Молодые люди будут презирать меня как перебежчика; для молодых женщин, которые всегда видели во мне загадку и возможность, я стану просто чужой собственностью, да к тому же еще и подержанной.

Энн. Что ж, ради вашего душевного спокойствия жена может надеть чепец и изуродовать себя, как делали наши бабушки.

Тэннер. Чтобы еще циничнее торжествовать на глазах у всех, отбросив приманку в тот момент, когда захлопнулась западня!

Энн. А какое в сущности это имеет значение? Красота важна только при первом взгляде; стоит пробыть три дня с ней рядом, и ее перестаешь замечать. Мне всегда страшно нравились картины, которые покупал папа; но потом я годами не смотрела на них. Что для вас моя наружность? Вы слишком привыкли к ней. Вам все равно, что я, что подставка для зонтиков!

Тэннер. Лжете, кровопийца! Лжете!

Энн. Лстец! Зачем вы стараетесь привлечь меня, Джек? Ведь вы же не хотите на мне жениться.

Тэннер. Сила Жизни! Я во власти Силы Жизни!

Энн. Это еще что такое? Никогда не слыхала.

Тэннер. Почему вам не выйти за Тави? Он сам этого хочет. Или вам непременно нужно, чтобы жертва отбивалась?

Энн (

потянувшись к нему, словно чтобы сказать что-то по секрету). Тави никогда не женится. Неужели вы не замечали, что такие мужчины никогда не женятся?

Тэннер. Как! Мужчина, который боготворит женщин, который в природе видит только романтическую декорацию для любовных дуэтов! Тави, верный, преданный рыцарь с нежным сердцем! Тави никогда не женится?! Да он же для того и родился, чтоб его покорила первая встреченная пара голубых глаз.

Энн. Да, да, я знаю. И все же такие мужчины обычно живут в комфортабельных холостяцких квартирах, тая рану в душе, служат предметом обожания своих хозяек и никогда не женятся. А вот такие, как вы, женятся обязательно.

Тэннер (

ударяя себя кулаком по лбу). Какая жестокая, неумолимая истина! Всю жизнь она была у меня перед носом, и я никогда ее не замечал.

Энн. Да ведь и с женщинами точно так же. Душа поэта — очень нежная душа, мягкая, безобидная, — одним словом, поэтичная; но это душа старой девы.

Тэннер. Она бесплодна. Сила Жизни ее минует.

Энн. Да, если вы это понимаете под Силой Жизни.

Тэннер. Энн, вы не любите Тави?

Энн (

оглядывается по сторонам, желая убедиться, что Тави нет поблизости). Нет.

Тэннер. А меня вы любите?

Энн (

неторопливо встает и грозит ему пальцем). Но-но, Джек. Не забывайте!

Тэннер. Негодная, бессовестная женщина! Дьявол!

Энн. Боа-констриктор! Слон!

Тэннер. Лицемерка!

Энн (

кратко). Поневоле — ради моего будущего супруга.

Тэннер. Ради меня! (

В ужасе спешит поправиться.) То есть ради него!

Энн (

не обращая внимания на поправку). Да, ради вас. Вам же лучше, Джек, если ваша жена будет, как вы говорите, лицемеркой. Нелицемерки ходят в шароварах, подвергаются оскорблениям — одним словом, сами лезут в огонь. А потом они впутывают и мужей и заставляют их жить под вечным страхом новых неприятностей. Разве не лучше иметь жену, на которую можно положиться?

Тэннер. Нет, нет, тысячу раз нет! Кипяток — стихия революционера. Человек все равно что кирпич: обжигаясь, он становится твердым.

Энн. Холодная вода тоже полезна. Для здоровья, например.

Тэннер (

в отчаянии). О, вы остроумны. В решительный момент Сила Жизни наделяет вас всеми достоинствами. Что ж, и я ведь могу лицемерить. Ваш отец назначил меня вашим опекуном, а не женихом. Я буду верен его воле.

Энн (

сладким голосом сирены). Когда он писал это завещание, он спросил у меня, кого я хочу в опекуны. Я выбрала вас.

Тэннер. Так, значит, это завещание — ваша воля, а не его! Западня была поставлена с самого начала!

Энн (

собирая все свои чары). С самого начала... с детства... для нас обоих... Силой Жизни.

Тэннер. Я на вас не женюсь. Я на вас не женюсь.

Энн. Женитесь, женитесь.

Тэннер. Я вам говорю — нет, нет и нет.

Энн. А я вам говорю — да, да и да.

Тэннер. Нет!

Энн (

вкрадчиво, умоляюще, почти обессилен). Да. Еще не поздно раскаяться. Да!

Тэннер (

пораженный неожиданно прозвучавшим отголоском прошлого). Это все уже было со мной однажды... Что это, сон?

Энн (

теряя вдруг всю свою смелость, в волнении, которое она не пытается скрыть). Нет. Это явь. И вы сказали — нет. Вот и все.

Тэннер (

грубо). Ну и что же?

Энн. Ничего. Я ошиблась: вы меня не любите.

Тэннер (

схватив ее в объятия). Неправда! Я люблю вас. Сила Жизни овладела мной. Весь мир здесь, в моих объятиях, когда я обнимаю вас. Но я борюсь за свою свободу, за свою честь, за свое «я», единое и нераздельное.

Энн. Счастье дороже всего этого.

Тэннер. Вы отдали бы свое «я», и честь и свободу за счастье?

Энн. Меня ждет не только счастье. Может быть, даже смерть.

Тэннер (

со стоном). О, как томит и жжет это объятие! Что это так сжалось во мне? Разве существует и отцовское сердце, не только материнское?

Энн. Берегитесь, Джек. Если нас застанут в такой позе, вам придется жениться на мне.

Тэннер. Если б мы стояли так на краю пропасти, я обнял бы вас еще крепче и прыгнул.

Энн (

задыхаясь, изнемогая все больше и больше). Джек, пустите меня. Я слишком далеко зашла — это тянется дольше, чем я думала. Пустите, я больше не могу.

Тэннер. И я тоже. Пусть это убьет нас.

Энн. Пусть. Мне все равно. У меня нет уже сил. Мне все равно. Я, кажется, сейчас упаду в обморок.

В эту минуту из виллы выходят Вайолет и Октавиус вместе с миссис Уайтфилд, укутанной для автомобильной поездки. Одновременно в боковую калитку входят Мэлоун и Рэмсден, а за ними Стрэйкер и Мендоса.

Тэннер сконфуженно выпускает Энн, которая закрывает глаза и подносит руку ко лбу.

Мэлоун. Осторожно! Молодой леди, видно, нехорошо.

Рэмсден. Что это значит?

Вайолет (

подбегая к Энн). Ты больна?

Энн (

шатаясь, с невероятным усилием). Я обещала Джеку стать его женой. (

Падает без чувств.)

Вайолет становится на колени и растирает ей руки. Тэннер, бросившийся к ней с другой стороны, пытается приподнять ее голову. Октавиус хочет помочь Вайолет, но не знает как. Миссис Уайтфилд убегает обратно в дом. Октавиус, Мэлоун и Рэмсден растерянно столпились вокруг Энн. Стрэйкер и Мендоса с полным спокойствием и невозмутимостью подходят и становятся один в ногах, другой в головах Энн.

Стрэйкер. А ну-ка, леди и джентльмены, посторонитесь! Нечего толпиться вокруг нее; ей нужен воздух — побольше воздуха. Позвольте, мистер...

Мэлоун и Рэмсден дают оттеснить себя к ступеням, ведущим в цветник; к ним присоединяется Октавиус, убедившийся в своей бесполезности. Стрэйкер, прежде чем последовать за ними, останавливается, чтобы дать Тэннеру последние наставления.

Не поднимайте ей голову, мистер Тэннер; голова должна быть ниже ног, тогда кровь опять прильет к ней.

Мендоса. Он прав, Тэннер. Положитесь на целительный воздух Сьерры. (

Деликатно отходит в сторонку.)

Тэннер (

выпрямляется). Генри, я отдаю должное вашим познаниям в физиологии. (

Отходит на край лужайки.)

Октавиус тотчас же подбегает к нему.

Октавиус (

тихо Тэннеру, схватив его за руку). Желаю счастья, Джек.

Тэннер (

тихо Октавиусу). Я не делал ей предложения. Это очередная ловушка. (

Идет к цветнику.)

Октавиус стоит ошеломленный.

Мендоса (

перехватывает миссис Уайтфилд, которая идет из дома со стаканом бренди в руке). Что это, мэдэм? (

Берет у нее стакан.)

Миссис Уайтфилд. Немного бренди. Мендоса. Это ей только повредит. Разрешите. (

Одним духом проглатывает все содержимое стакана.) Положитесь на воздух Сьерры, мэдэм.

Все мужчины на минуту забывают об Энн и недоуменно глядят на Мендосу.

Энн (

обхватив Вайолет за шею, на ухо ей). Вайолет! Когда я лишилась чувств, Джек что-нибудь сказал?

Вайолет. Нет.

Энн. А! (

С глубоким вздохом облегчения снова откидывается назад.)

Миссис Уайтфилд. Ох, ей опять дурно!

Все готовы снова броситься к ней, но их удерживает предостерегающий жест Мендосы.

Энн (

не поднимая головы). Нет, нет. Мне хорошо.

Тэннер (

вдруг направляется к ней решительным шагом, вырывает ее руку у Вайолет и нащупывает пульс). Да ведь у вас пульс так и скачет. Ну-ка, вставайте. Что за глупости! Вставайте сейчас

же! (

Поднимает ее на ноги.)

Энн. Да, силы уже вернулись ко мне. Но, право, Джек, вы меня чуть не убили.

Мэлоун. Ничего, мисс Уайтфилд, буйные поклонники — самые искренние. От души поздравляю мистера Тэннера и надеюсь, что вы оба будете частыми гостями в аббатстве.

Энн. Благодарю вас. (

Подходит к Октавиусу.) Рикки-Тикки-Тави! Поздравьте же меня. (

Тихо.) Я хочу, чтобы вы последний раз из-за меня поплакали.

Октавиус (

твердо). Больше никаких слез. Я счастлив вашим счастьем. И, несмотря ни на что, по-прежнему верю в вас.

Рэмсден (

становясь между Тэннером и Мэлоуном). Вы счастливейший человек, Джон Тэннер. Я завидую вам.

Мендоса (

подвигаясь, чтобы стать между Тэннером и Вайолет). Сэр! Две трагедии возможны в человеческой жизни; одна — когда не исполняется заветное желание; другая — когда оно исполняется. Мой удел — первая, ваш — вторая.

Тэннер. Мистер Мендоса, у меня нет заветных желаний. Рэмсден, вам легко называть меня счастливейшим человеком: ведь вы только зритель, тогда как я — главное действующее лицо. Энн, перестаньте искушать Тави и идите сюда.

Энн (

повинуясь). Вы невозможны, Джек. (

Принимает подставленную ей руку.)

Тэннер. Заявляю во всеуслышание, что я вовсе не счастлив. Энн кажется счастливой, но на самом деле она просто горда своим торжеством, успехом и победой. Это не есть счастье, это лишь цена, за которую сильные продают свое счастье. Своим решением мы оба только что отказались от счастья, свободы, покоя; больше того — отказались от романтических возможностей неведомого будущего ради семейных и домашних забот. Прошу, чтобы никто из вас не усмотрел в этом случая напиться и произносить дурацкие речи или отпускать непристойные шутки на мой счет. Свой дом мы намерены обставить по собственному вкусу; и я доведу до всеобщего сведения, что все семь или восемь дорожных будильников, четыре или пять несессеров, салатницы, соусники, лопаточки для рыбы, экземпляры «Ангела домашнего очага» Патмора в сафьяновом переплете и прочие предметы, которыми вы собираетесь нас завалить, будут немедленно проданы, а вырученные деньги использованы для бесплатного распространения «Карманного справочника революционера».

Бракосочетание через три дня после нашего возвращения в Англию; в окружной магистратуре, свидетели — мой поверенный и его секретарь, форма одежды обыкновенная...

Вайолет (

с глубоким убеждением). Джек, вы дикарь.

Энн (

любовно, с горделивым взглядом, поглаживая его руку). Ничего, ничего, дорогой.
Продолжайте говорить.

Тэннер. Говорить!

Общий смех.

Комментарии

Написанная в 1901–1903 гг., комедия «Человек и сверхчеловек» не сразу попала на сцену. В таких случаях Шоу обычно печатал свои пьесы, но на этот раз даже не нашлось издателя, который согласился бы выпустить новое произведение драматурга. Тогда Шоу издал его сам (1903), а на театральных подмостках комедия появилась лишь два года спустя. Ее показал публике театр «Ройал Корт» (1905) в постановке Гренвилл-Баркера. В этом спектакле третье действие было опущено. В 1907 г. Гренвилл-Баркер поставил его отдельно под названием «Сон из „Человека и сверхчеловека“». За этим обширным эпизодом утвердилось название «Дон Жуан в аду».

Впервые пьеса была сыграна полностью в Эдинбурге в 1915 г. Еще десять лет спустя тот же режиссер Эсме Перси повторил ее в лондонском театре «Риджент» (1925). На русском языке «Человек и сверхчеловек» был поставлен в Петрограде в Государственном театре комической оперы (1920).

«Человек и сверхчеловек» — целый комплекс произведений Шоу. В него входят: предисловие в форме послания критику А. Б. Уокли; сама комедия «Человек и сверхчеловек», «Справочник революционера» и «Афоризмы для революционеров», якобы написанные персонажем комедии Джоном Тэннером. Сама пьеса состоит из двух частей — комедии о Джоне Тэннере и Энн Уайтфилд и интермедии «Дон Жуан в аду». В трактате «Справочник революционера» более подробно развиваются положения, изложенные в предисловии и в сцене «Дон Жуан в аду». Русский перевод трактата был опубликован в первом томе Полного собрания сочинений Бернарда Шоу (изд-во «Современные проблемы», М., 1910) под названием «Справочник разрушителя».

Сердцевину произведения составляет комедия о Тэннере и Энн Уайтфилд. Шоу не возражал против того, чтобы ее играли без интермедии «Дон Жуан в аду», так как исполнение обеих вместе требовало слишком длительного спектакля. Но он соглашался на это, имея в виду, что публику начала XX в. надо было приучать к сложным произведениям драматургии идей постепенно. Через двадцать лет после премьеры оказалось возможным сыграть пьесу с включением интермедии (при некоторых сокращениях в той и другой), и художественный замысел Шоу предстал во всей полноте.

«Человек и сверхчеловек» — одна из лучших пьес Шоу; более того, это вообще одна из лучших комедий XX в. Перед нами яркий образец драматургии идей. Художественная сила пьесы определяется тем, что носители идей автора — живо обрисованные характеры. Но обрисовка их лишена бытового правдоподобия, потому что, как обычно у Шоу, поведение действующих лиц определяется сложной диалектикой идейного замысла драматурга.

Как и в других пьесах, где Шоу заботился о театральности, в построении фабулы он применил приемы «хорошо сделанной пьесы» с ее эффектной театральностью.

В пьесе две параллельные сюжетные линии. Одну из них составляет история Тэннера и Энн, другую — история Вайолет и Гектора. Первая характерна для жанра так называемой высокой комедии, ибо суть конфликта здесь глубоко принципиальная, идейная, тогда как линия Вайолет и Гектора принадлежит к водевильной традиции и имеет бытовой характер. Если в истории Тэннера и Энн вопрос о взаимоотношении полов решается в общефилософском плане, то во второй истории речь идет о практическом, житейском вопросе: Гектору нужно, чтобы отец одобрил его брак с Вайолет и оказал им материальную поддержку — традиционный комедийный сюжет.

Шоу мистифицировал критиков, заявив, будто его пьеса — вариант сюжета о Дон Жуане. В действительности дальше сходства имен — Джон Тэннер и Жуан (по-испански — Хуан) Тенорио — ничего общего между прославленным героем испанской легенды и персонажем пьесы Шоу нет.

Если отвлечься от предисловия, в котором Шоу утверждал, что представил в новом свете знаменитую легенду, то сразу обнаружится, что изменен главный мотив этой легенды — донжуанство. Герой Тирсо де Молина, Мольера и других авторов, обрабатывавших легенду о севильском обольстителе, видел смысл своей жизни в том, чтобы добиться обладания каждой приглянувшейся ему женщиной. Ничто в пьесе Шоу не дает оснований видеть в Тэннере женолюбца и тем более распутника. Другое дело, что сам он необычайно притягателен для женщин. Тэннер принадлежит к героям, типичным для Шоу, таким, как Дик Даджен («Ученик дьявола»), если брать ранние пьесы, а из более поздних — Хиггинс («Пигмалион»). Они — фанатики идей, избегающие любых уз, не только брачных, но даже любовных.

Тэннер — убежденный противник всех институтов буржуазного общества. Если он и увлекается, то не женщинами, а идеями. Дон Жуаном его можно считать только в том случае, если признать, что существует духовное донжуанство, состоящее в способности увлекаться новыми идеями. Такие люди есть, Шоу и сам был человеком такого склада. Определенная автобиографичность образа состоит в том, что как автор, так и его герой долго стремились сохранить свободу от личных уз, целиком посвящая себя борьбе за передовые идеи. Заметим, что Гренвилл-Баркер, играя Тэннера, загримировался под Бернарда Шоу, каким он был в те годы. Отсюда отнюдь не следует, конечно, что Тэннера обязательно надо уподоблять самому Шоу.

Хотя драматург называет своего героя революционером, Тэннер отнюдь не человек действия. Он яростно обличает лживость буржуазных установлений и морали. Но он не обнаруживает способности претворять свои идеи в жизнь. Более того, в вопросе, имеющем первостепенное значение для всей его личной жизни, он оказывается пассивным и неспособным сопротивляться.

Здесь надо сказать об одной особенности образа, созданного Шоу. Драматург изобразил Тэннера великим насмешником; но нельзя не заметить, что Тэннер сам подчас оказывается фигурой, вызывающей смех. Мечтая о сверхчеловеке и в чем-то действительно возвышаясь над окружающими, Тэннер вместе с тем отнюдь не ходульный герой-резонер, в житейском отношении он оказывается подчас простодушным. Комизм положения Тэннера больше всего проявляется в том, что насмешник и «ниспровергатель основ», человек смелой мысли, Тэннер пасует перед Энн и ведет себя как кролик перед удавом, не в силах противиться напору и обаянию влюбленной в него женщины.

Энн Уайтфилд непохожа на сентиментальных героинь викторианской драмы. Твердо решив, кто будет спутником ее жизни, она без стеснения добивается соединения с ним. Полная

противоположность «женственной женщины», то есть типичной героини мещанских драм, Энн полна смелости, волевого напора. Она может притвориться послушной дочерью, скромной собеседницей старших, с искренней теплотой относиться к влюбленному в нее Октавиусу.

Шоу сделал Энн воплощением жизненной силы, в которой проявляется закон жизни и развития, но, как это ни странно на первый взгляд, Энн вовсе не эротична. Она самостоятельна и умна, и ум ее не уступает, пожалуй, уму Тэннера. Но главное в Энн — тот внутренний напор, который заставляет ее добиваться облюбованного ею отца для своих будущих детей любой ценой, не пренебрегая ни ложью, ни шантажом. С удивительной жизненной хваткой она управляет обстоятельствами, легко и свободно в них ориентируясь. В этом отношении она подобна Кандиде, леди Сесили («Обращение капитана Брасбаунда») и другим героиням Шоу.

В противоположность Тэннеру и Энн, которые оба могут быть названы реалистами в духе Шоу, Октавиус — «романтик», то есть, по Шоу, человек, лишенный реального понимания жизни. Он принадлежит к тем, кто цепляется за иллюзии, пока жизнь их не разобьет.

У Дон Жуана — Тэннера есть свой Лепорелло. Это — Генри Стрейкер, традиционная фигура умного и разбитного слуги. Шоу трансформировал этот образ из старинных комедий, представив спутника Тэннера «новым человеком». Он шофер, представитель машинного века, и в этом смысле человек будущего. Одновременно он сохраняет типичные черты демократической среды, из которой происходит. Стрейкер — лондонский кокни; рядом со светскими людьми особенно заметны его повадки и речь, характерные для людей из «низов».

Особый интерес представляет группа эпизодических персонажей, появляющихся в начале третьего акта. Благородные разбойники — традиционные образы драмы. Вводя их в свою комедию, Шоу не только снял с них всякий романтический ореол, но даже придал в значительной мере пародийный характер. В шайке Мендосы представлены популярные политические течения конца XIX — начала XX в. Мы видим здесь трех социал-демократов и одного анархиста; последний все время обличает социал-демократов за их склонность к компромиссу с буржуазией. В гротескном виде драматург представил те политические направления, против которых он боролся, как фабианец.

В предшествующих пьесах главное средство преобразования жизни Шоу видел в социальных реформах. В «Человеке и сверхчеловеке» выдвигается идея необходимости биологического усовершенствования человеческого рода. Означает ли это, что Шоу отказывается от идеи изменения общественного строя? Ни в коей мере. По его мнению, одно должно дополнять другое. В вопросе о средствах социального прогресса Шоу остается на фабианских позициях (то есть считает нужным добиваться переустройства общества посредством отдельных частных реформ, осуществляемых постепенно). Но он считает недостаточным само по себе изменение социального строя. Люди, исковерканные веками рабства, неравенства, гнета, не будут способны жить по-новому. Для новых социальных форм жизни нужен человек иного психического склада.

С этим связана идея сверхчеловека, о которой идет речь в комедии. Термин «сверхчеловек» заимствован писателем у Ф. Ницше. Немецкий философ называл сверхчеловеком личность, стоящую над массой, отвергающую традиционную мораль и применяющую, в случае нужды, силу для достижения своих целей. С ницшеанством сверхчеловек Шоу имеет только одну точку соприкосновения. Он тоже отвергает буржуазную мораль и предрассудки, но повинует не произволу индивидуалистических стремлений, а законам и справедливости. Это не антисоциальная личность, как у Ницше, а, наоборот, личность, в наибольшей степени сознающая потребности общества. Надо, считает Шоу, направить развитие человека таким образом, чтобы достичь гармонии физических и духовных способностей индивида.

В связи с этим надо сказать об отношении Шоу к таким крупнейшим естествоиспытателям XIX в., как Дарвин и Ламарк. Согласно учению Дарвина, эволюция животных видов обусловлена борьбой за существование и приспособлением к окружающим условиям. Некоторые социологи перенесли учение Дарвина на общество и утверждали применимость открытых им законов для объяснения социальных явлений. Шоу отвергал борьбу как условие прогресса и, перенося научные категории в нравственную сферу, был противником приспособления к окружающей среде. Один из «Афоризмов для революционеров» гласит: «Разумный человек приспособляется к миру; неразумный упорно стремится приспособить мир к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных людей». В парадоксальной форме здесь выражена одна из любимых идей Шоу.

Шоу противник детерминизма, он отвергает теорию, объясняющую поведение человека исключительно влиянием среды и окружающих условий. Поэтому его привлекла теория Ламарка, считавшего одним из важнейших факторов эволюции волю живых существ, благодаря которой они приобретали новые физические способности и органы, передававшиеся по наследству. Отсюда оставался один шаг до учения французского философа Анри Бергсона о Жизненной Силе, являющейся главной причиной всякого развития в природе.

Шоу приложил эти теории к эволюции человеческого рода. Он считал, что человек, каков он есть, отнюдь не образец совершенства. По его мнению, неверно, будто возможности развития человека как биологического вида исчерпаны. Наоборот, не только возможна, но и необходима дальнейшая эволюция человека, приобретение им новых качеств, которые сделают его существом, способным к созданию новых форм общественной жизни, с тем высоким уровнем духовной культуры, какой необходим, чтобы жить в более совершенных условиях. Шоу выдвигает идею человеческой активности и — более того — принцип ответственности за все, происходящее в мире.

Гуманизм Шоу со всей силой раскрывается в эпизоде «Дон Жуан в аду». Комментарий к этому эпизоду Шоу дал в 1907 г. для программы отдельной постановки этого эпизода.

«Пустынная пропасть на сцене изображает ад; действующие лица рассуждают об аде, небесах и земле, как если бы они представляли собой различные местности... Современная теология рассматривает небо и ад не как отдельные места, а как душевные состояния; под душой при этом подразумевается не некий орган вроде печени, а божественный элемент, присущий всей жизни, побуждающий нас не только заботиться о личных интересах, но, „выполняя божью волю“, оказывать внимание один другому ради наших небесных, а не эгоистических стремлений.

Широко распространено мнение, будто ад не просто некое место, а место жестокостей и кары, тогда как небеса будто бы обитель бездеятельных наслаждений. Эти легенды отвергаются высшей теологией, которая считает, что сей мир, как и любой иной, может быть превращен в ад обществом, достигшим низшей ступени падения; то есть обществом, лишенным высших форм проявления энергии, погрязшим в погоне за минутным личным наслаждением и не способным даже представить себе страсть, движимую божественной волей. Люди же, у которых эта страсть является господствующей, могут превратить жизнь в рай, в „сообщество святых“.

В данном спектакле ад изображен как проклятое место. Его олицетворяет, согласно традиции, дьявол, отличающийся от современного плутократического сластолюбца только тем, что, будучи „верен себе“, не маскирует ни для себя, ни для других своего падения, но, наоборот, смело признает, что таков закон жизни: в его царстве открыто господствует пустая погоня за наслаждениями, преклонение перед любовью, красотой, чувствительностью, молодостью, „романтикой“ и т. п.

Эту концепцию рая и ада автор фантастически соединил с легендой XVII в. о Дон Хуане Тенорио, о Дон Гонзало Улоа, командоре Калатравы, и его дочери Донье Анне, как о них рассказано в известной пьесе Тирсо де Молина и опере Моцарта. Дон Гонзало, по его собственным словам, всегда поступавший так, „как обязан вести себя дворянин“, погибает, защищая честь дочери, и отправляется на небеса. Его убийца Дон Хуан был низвергнут в ад призраком Дон Гонзало, чью статую он в насмешку пригласил к себе на ужин. Старинная мелодрама превращается в философскую комедию благодаря тому, что Дон Гонзало, вопреки легенде, изображается простоватым офицером-дворянином, заботившимся лишь о модных развлечениях, тогда как Дон Хуан представлен человеком, всецело поглощенным страстью к божественным размышлениям и творческой деятельности, в чем и состоит секрет того, что любовь не могла увлечь его надолго. Соответственно, Дон Гонзало, неспособный разделить божественный экстаз, страшно скучает на небесах, а Дон Хуан испытывает невероятную тоску среди удовольствий, предлагаемых адом.

В конце концов Дон Гонзало, после нескольких разведывательных посещений ада под предлогом побудить Дон Хуана к раскаянию, решает обосноваться там навсегда. Как раз в это время, достигнув преклонного возраста, умирает его дочь Анна, ставшая благочестивой дамой, полной светских добродетелей; она сталкивается в аду с Дон Хуаном, а также с превеликим удивлением наблюдает появление там ее возведенного в святые отца. <...>

Дьявол, как всегда стремящийся упрочить свое царство посредством увеличения числа находящихся в нем душ, рад прибытию Дон Гонзало и желает удержать здесь Донью Анну. Но он также хотел бы избавиться от Дон Хуана, с которым находится в натянутых отношениях из-за разделяющей их непримиримой антипатии. <...>

Донья Анна, будучи женщиной, не способна ни пасть до крайности, как дьявол, ни достичь полного возвышения над чувственностью, как Дон Хуан. Многодетная, она переживала божественный акт родов, заботилась, трудилась и мучилась ради вечного продления жизни; но высокая честь и божественность ее свершений были ревниво скрыты от нее мужчиной, который, опасаясь, что господство перейдет к ней, предложил ей в качестве награды удовлетворять ее чувства и пристрастия. В отличие от дьявола-мужчины, она не может относиться к любви просто как к наслаждению; отличается она и от мужчины-святого, пренебрегающего любовью после того, как он исчерпал то, что она дает для жизненного опыта и духовного развития. Любовь для нее не наслаждение и не объект для изучения, она для нее — главное дело. Поэтому в конце она не следует на небеса за Дон Хуаном и не остается с дьяволом и с отцом во дворце удовольствий, а заявляет, что ее задача еще не выполнена. Ибо, хотя смерть лишила ее возможности рожать детей от смертных отцов, как Бессмертная Женщина она еще может произвести Сверхчеловека от Вечного отца»[172].

В этой авторской декларации кое-что необходимо расшифровать. Прежде всего, что такое «новая», или «современная теология»? В начале XX в. в прогрессивных общественных кругах существовало мнение, что взамен старой религии с ее предрассудками надо дать человечеству религию, которая будет апеллировать одновременно к разуму, и к чувствам людей. Широкое распространение в европейских странах получили «богоискательство» и «богостроительство». В Англию этому поветрию отдали дань многие известные писатели и мыслители, в том числе Г. Дж. Уэллс, пытавшийся утвердить новое понятие бога как всечеловеческого разума. Не миновал этого увлечения и Шоу. Его концепция ближе к «богостроительству», чем к «богоискательству» реакционной интеллигенции. С точки зрения последовательного материализма, она является идеалистической. Представляется, однако, что к Шоу применимо изречение В. И. Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»[173]. Разумная сторона концепции Шоу состояла в критике официальной религии и буржуазной морали. В глазах религиозных ортодоксов «новая теология» Шоу была кощунством, а его ироническое переосмысление понятий о рае и аде — святотатством.

Критика официальной религии и стремление заменить ее нравственной философией, более отвечающей потребностям народа, сближала Шоу с Л. Толстым. Английский писатель несомненно испытал влияние русского. Желая выразить ему свое уважение, Шоу послал в Ясную Поляну издание «Человека и сверхчеловека». Л. Толстой поблагодарил Шоу и вместе с тем вступил с ним в полемику. Он писал: «...обратив особенное внимание на указанные Вами места, я особенно оценил речи Дон Жуана в interlude (хотя думаю, что предмет много бы выиграл от более серьезного отношения к нему, а не в виде случайной вставки в комедию) и The Revolutionist's Handbook[174]. В первом я без всякого усилия вполне согласился со словами Дон Жуана, что герой тот, „he who seeks in contemplation to discover the inner life of the world... in action to do that will by the so-discovered means“[175] — то самое, что на моем языке выражается словами: познать в себе волю бога и исполнять ее.

Во втором же мне особенно понравилось Ваше отношение к цивилизации и прогрессу, та совершенно справедливой мысль, что, сколько бы то и другое ни продолжалось, оно не может улучшить состояния человечества, если люди не переменятся.

Различие в наших мнениях только в том, что, по-вашему, улучшение человечества совершится тогда, когда простые люди сделаются сверхчеловеками или народятся новые сверхчеловеки, по моему же мнению, это самое делается тогда, когда люди откинут от истинных религий, в том числе и от христианства, все те наросты, которые уродуют их, и, соединившись все в том одном понимании жизни, лежащем в основе всех религий, установят свое разумное отношение к бесконечному началу мира и будут следовать тому руководству жизни, которое вытекает из него. Практическое преимущество моего способа освобождения людей от зла перед Вашим в том, что легко себе представить, что очень большие массы народа, даже мало или совсем необразованные, могут принять истинную религию и следовать ей, тогда как для образования сверхчеловека из тех людей, которые теперь существуют, также и для нарождения новых, нужны такие исключительные условия, которые так же мало могут быть достигнуты, как и исправление человечества посредством прогресса и цивилизации.

Dear Mr Shaw, жизнь большое и серьезное дело, и нам всем вообще в этот короткий промежуток данного нам времени надо стараться найти свое назначение и насколько возможно лучше исполнить его. Это относится ко всем людям и особенно к Вам, с Вашим большим дарованием, самобытным мышлением и проникновением в сущность всякого вопроса. И потому, смело надеясь не оскорбить Вас, скажу Вам о показавшихся мне недостатках Вашей книги.

Первый недостаток ее в том, что Вы недостаточно серьезны. Нельзя шуточно говорить о таком предмете, как назначение человеческой жизни и о причинах его извращения и того зла, которое наполняет жизнь нашего человечества. Я предпочел бы, чтобы речи Дон Жуана не были речами привидения, а речами Шоу, точно так же и то, чтобы The Revolutionist's Handbook был приписан не несуществующему Tanner'у, а живому, ответственному за свои слова Bernard Shaw.

Второй упрек в том, что вопросы, которых Вы касаетесь, имеют такую огромную важность, что людям с таким глубоким пониманием зол нашей жизни и такой блестящей способностью изложения, как Вы, делать их только предметом сатиры часто может более вредить, чем содействовать разрешению этих важных вопросов.

В Вашей книге я вижу желание удивить, поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. А между тем все это не только не нужно для разрешения тех вопросов, которых Вы касаетесь, но очень часто отвлекает внимание читателя от сущности предмета, привлекая его блеском изложения.

Во всяком случае думаю, что эта книга Ваша выражает Ваши взгляды не в полном и ясном их

развитии, а только в зачаточном положении. Думаю, что взгляды эти, все более и более развиваясь, придут к единой истине, которую мы все ищем и к которой мы все постепенно приближаемся.

Надеюсь, что Вы простите меня, если найдете в том, что я Вам сказал, что-нибудь Вам неприятное. Сказал я то, что сказал, только потому, что признаю в Вас очень большие дарования и испытываю к Вам лично самые дружелюбные чувства...»[176]

Таким образом, Л. Толстой сочувствовал критике капиталистической цивилизации, данной Шоу в «Человеке и сверхчеловеке». Сходились они и в том, что главным средством борьбы против нее считали проповедь разумных и гуманных идей. Далее между Шоу и Толстым начинались расхождения. Английский писатель выдвинул идею сверхчеловека, Л. Толстой считал, что надо исходить из современного реального человека. Шоу предлагал создать новую теологию, Л. Толстой — очистить старую религию от ложных примесей. Вся эта часть спора представляет собой полемику одной формы идеализма с другой. Напомним слова В. И. Ленина о Л. Толстом: «С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь „непротивления злу“ насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины»[177].

В той мере, в какой Шоу был близок к толстовской идее «непротивления злу» насилием и хотел казенную религию заменить «новой теологией», отрицательная характеристика, данная В. И. Лениным, может быть отнесена и к английскому драматургу. Но идеалистические заблуждения Шоу не должны мешать увидеть ту смелую и остроумную критику, которой он подверг пороки капитализма.

Нарушение привычных границ театральной пьесы в «Человеке и сверхчеловеке» является выражением стремления Шоу найти для драмы идей новую форму. Взятые по отдельности комедии и вставной эпизод великолепны. Однако органического единства их Шоу не добился. Несоввершенство здесь такого же порядка, как в некоторых драматических произведениях Гете. Оно происходит от избытка идей, которое ломает привычные рамки спектакля. Читатель таких произведений имеет то преимущество перед зрителем, что может внимательнее познакомиться со всем богатством мысли, вложенным драматургом в произведение. Но театральное воплощение, если оно осуществлено на должном уровне, открывает и остроту конфликтов, которых касается Шоу, и своеобразие характеров, через которые выражено столкновение идей и взглядов на жизнь.

Сноски

Дон Жуан — герой пьесы испанского драматурга Тирсо де Молина (1584–1648) «Севильский соблазнитель, или Каменный гость» (1630). Сюжет позже неоднократно обрабатывался другими писателями.

2

Кто делает чужими руками — делает сам (лат.)

3

Новый Журнализм . — В конце XIX в. в Англии впервые появилась пресса, рассчитанная на массового читателя, что привело к изменению характера журналистики: она стала более литературной, занимательной, развлекательной и сенсационной.

4

Во Франции XVIII века конец стал виден, когда, покупая Энциклопедию, читатель находил в ней Дидро . — Имеется в виду, что деятельность французских философов и писателей-просветителей подготовила умы для французской буржуазной революции конца XVIII в. «Энциклопедия», издаваемая Дени Дидро (

1713–1784), выходила с 1751 по 1780 г., среди ее авторов были такие решительные критики феодальной монархии, как Вольтер (

1694–1778) и Руссо (

1712–1778).

5

Арчер, Уильям (1856–1924) — английский театральный критик и драматург, друг и единомышленник Шоу.

6

Севильский озорник (

исп.)

7

Прометей — герой греческого мифа, похитивший с неба огонь и давший его людям; за это бог богов Зевс приковал его к скале, где коршун терзал его печень.

8

Мольер, Жан Батист (1622–1673) — французский комедиограф, создавший свой вариант сюжета о севильском обольстителе в комедии «Дон Жуан, или Каменный гость».

9

Ей-богу, надо исправиться. Еще лет двадцать-тридцать проживем так, а потом и о душе подумаем (

франц.)

10

Байрон, Джордж Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик, автор незаконченной поэмы «Дон Жуан», герой которой имеет мало общего с героем Тирсо де Молина, Мольера и Моцарта.

11

Сганарель — слуга Дон Жуана в комедии Мольера;

Лепорелло — слуга Дон Жуана в опере Моцарта.

12

Казанова, Джакомо (1725–1798) — итальянский авантюрист, описавший свои любовные похождения в «Мемуарах».

13

Екатерина II (1729–1796) — императрица России; здесь намек на то, что она имела много фаворитов.

14

Вордсворт, Уильям (1770–1850) — английский поэт-романтик, отличался консерватизмом взглядов.

15

Георг III (1738–1820) — король Англии с 1760 по 1820 г.

16

Шелли, Перси Биши (1792–1822) — английский поэт; говоря о его «религиозной силе», Шоу, большой поклонник поэта, имеет в виду социалистические взгляды, которых придерживался Шелли.

17

Гете, Иоганн Вольфганг (1749–1832). — Шоу имеет здесь в виду вторую часть его драматической поэмы «Фауст».

18

Хогарт, Уильям (1697–1764) — английский художник, автор сатирических картин и гравюр, критиковавших нравы современников.

19

Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859) — английский историк, поэт, литературный критик и политический деятель, крупнейший представитель английского буржуазного либерализма.

20

Гизо, Франсуа (1787–1874) — французский историк и политический деятель буржуазно-либерального направления.

21

Меридит, Джордж (1828–1909) — английский романист и поэт.

22

...Донну Хуану, которая вырвалась из Кукольного дома... — Имеется в виду героиня пьесы Ибсена «Нора, или Кукольный дом», первый в европейской драматургии образ женщины, восставшей против подчиненного положения в семье.

23

Гуно, Шарль Франсуа (1818–1893) — французский композитор, автор оперы «Фауст».

24

Маркграфини, княгини, горничные, горожанки (итал.)

25

Защити нас, праведное небо (

итал.)

26

«Защити нас, праведное небо!» — цитата из той же оперы.

27

Донна Эльвира — персонаж оперы «Дон Жуан» Моцарта.

28

Нонконформистская совесть . — Нонконформисты — сектанты, отколовшиеся от англиканской церкви в XVII веке, придерживавшиеся строгих моральных правил.

29

Гилберт, Уильям Швенк (1836–1911) — английский драматург и юморист, автор либретто популярных в прошлом веке оперетт композитора

Артура Сюлливена (1842–1900).

30

Овидий, Публий Назон (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт; на его сочинениях обучали латыни в английских школах и университетах.

31

Шопенгауэр, Артур (1788–1860) — немецкий философ-пессимист, популярный во второй половине XIX в.

32

Ницше, Фридрих (1844–1890) — немецкий философ, популярный в конце XIX — начале XX в.

33

Вестермарк, Эдвард Александр (1862–1939) — финский антрополог, чьи книги о древних формах брака и брачных обычаях произвели на современников большое впечатление.

34

Пексниф — персонаж романа Диккенса «Мартин Чезлвит» (1843), классический тип английского лицемера.

35

Наказанного распутника (итал.)

36

...dissoluto punito (итал.) . — Полное название оперы Моцарта: «Наказанный распутник, или Дон Жуан».

37

«Синбад-Мореход» и «Али-Баба» — персонажи арабских сказок «Тысячу и одна ночь»; в XIX в. в Англии сюжеты этих сказок служили для развлекательных театральных пантомим.

38

...еще один, совершенно посторонний акт... — Имеется в виду интермедия «Дон Жуан в аду» в тексте данной комедии.

39

Сьерра — горы в Испании.

40

...в духе сократовских диалогов... — Философия древнегреческого мыслителя Сократа (V век до н. э.) известна по беседам, изложенным его учеником Платоном. Сократа отличала острая постановка вопросов, почему Шоу и уподобляет свои пьесы его диалогам.

41

Ханааниты — древние обитатели Палестины.

42

Розалинда — героиня комедии Шекспира «Как вам это понравится» очаровывает молодого Орlando.

43

...прибегает к уловке, как Марианна... — Имеется в виду эпизод комедии Шекспира «Мера за меру», в которой Марианна, отвергнутая Анджело, под покровом темноты ложится к нему в постель, тогда как Анджело думает, что к нему пришла Изабелла, любви которой он домогался.

44

...мужчина прямо с ее похорон отправляется фехтовать . — Утрированное изображение последних эпизодов трагедии «Гамлет». Между похоронами Офелии и финальным поединком между Гамлетом и братом Офелии Лаэртом проходит некоторое время.

45

Просперо — герой пьесы Шекспира «Буря»,

Миранда — его дочь,

Фердинанд — юный принц, попавший на остров, где жили Просперо и Миранда.

46

...Утрате вовсе нет нужды пленять Флоризеля... — Речь идет о молодых персонажах пьесы Шекспира «Зимняя сказка».

47

Докторша — в пьесе Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается» Елена, дочь врача, исцелившая короля и попросившая в награду руку Бертрама. Отвергнутая, она все же сумела завоевать любимого. Елена названа «ранним примером ибсеновского типа» как женщина, самостоятельно устраивающая свою судьбу.

48

Петруччо, Катарина — персонажи комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

49

Манталлини — персонаж романа Диккенса «Николас Никлби», бездельник, живущий на средства своей жены-портнихи.

50

Доббинз — верный поклонник Эмили Седли в романе Теккерея «Ярмарка тщеславия».

51

Банзби, миссис Мак-Стинджер — персонажи романа Диккенса «Домби и сын».

52

...Теннисонов король Артур... — Имеется в виду средневековый король Артур, историю которого в сентиментальном духе пересказал поэт Альфред Теннисон (1809–1892) в поэме «Королевские идиллии» (1859).

53

Джиневра — жена короля Артура, полюбившая рыцаря Ланселота.

54

Феминисты — сторонники женского равноправия. В конце XIX в. это движение получило в Англии большое развитие.

55

«Кусок жизни» . — По определению французского писателя-натуралиста Эмиля Золя (1840–1902), литература изображает «кусок жизни», показанный сквозь призму темперамента писателя. Литература натурализма в лучших своих образцах давала критическое изображение буржуазного общества.

56

Жорж Санд — литературный псевдоним Авроры Дюпен, в замужестве Дюдеван (1804–1876) — французская писательница, поборница равноправия женщин; в числе ее любовников были Альфред де Мюссе (1810–1857) и Фредерик Шопен (

1810–1849).

57

Оксфорд — Шоу имеет в виду старейший университет Англии, основанный в 1133 г. Писатель считал систему университетского образования Англии совершенно нежизненной. В частности, он протестовал против того, что важнейшим предметом изучения были древнегреческие и римские авторы — «классики».

58

«Дорога излишеств...» — Эта и следующая цитата взяты из поэмы Уильяма Блейка «Бракосочетание неба и ада» (

1793).

59

...избранный класс... — то есть родовое земельное дворянство.

60

Коммерческий класс — буржуазия.

61

Берк, Эдмунд (1729–1797) — английский мыслитель и политический деятель. В трактате «Размышления о французской революции» (1790) выступил против народовластия. Шоу приводит цитату из сочинения этого писателя.

62

Бернс, Роберт (1759–1796) — шотландский поэт, крестьянин по происхождению.

63

Карлейль, Томас . — Был сыном каменщика. В своих произведениях критиковал буржуазное общество с консервативных позиций, мечтая о возврате к патриархальным отношениям.

64

Пейн, Томас (1737–1809) — английский революционер-демократ, участник американской и французской революций конца XVIII в., автор политических трактатов. Его книга «Права человека» (1791–1792) была блестящим ответом на реакционное сочинение Э. Берка о французской революции.

65

Элджи и Бобби — условные имена для обозначения сынков аристократов и капиталистов, становящихся членами парламента, а затем занимающих посты в государственном аппарате. Шоу резко критически относился к буржуазному парламентаризму.

66

«гвоздильного и кастрюльного дела...» — В подлиннике эта фраза написана на простонародном лондонском диалекте, чтобы подчеркнуть презрительное отношение народа к его правителям.

67

Хлеба и зрелищ (
лат.)

68

...panem et circenses . — В эпоху упадка Римской империи власть раздавала римской бедноте хлеб и устраивала цирковые представления и бои гладиаторов, чтобы удерживать народ от бунта.

...на манер острова Уайт, Фолкстона, Рэмсгейта, Ниццы и Монте-Карло . — Модные курорты; первые три — в Англии, последние два — во Франции.

...о конкуренции между Бомбеем и Манчестером... — Конкуренция между товарами английской и индийской текстильной промышленности; колониальная эксплуатация в Индии давала возможность продавать ткани по более дешевым ценам.

Риджент-стрит — улица богатых магазинов в Лондоне,

рю де Риволи — то же в Париже.

Брайтон — морской курорт в Англии,

Ривьера — средиземноморское побережье на юге Франции, где расположены курорты.

Карнеги, Эндью (1835–1919). — Шотландец по происхождению, эмигрировал в США, хищническими способами накопил огромное богатство и на старости лет занялся филантропией, раздавая средства университетам, музеям, библиотекам и т. д. За его деньгами гонялись разные организации, на что и указывает Шоу.

Роде, Сесил (1853–1902) — английский авантюрист, сыгравший большую роль в колонизации Африки английскими империалистами, нажил огромное состояние разработкой алмазных копей. В конце жизни жертвовал средства разным университетам; его именем была названа бывшая английская колония в Африке — Родезия.

«Социализм для миллионеров» — трактат Шоу, в котором он убеждал богачей жертвовать деньги на социальные преобразования.

75

Тальма, Франсуа Жозеф (1763–1826) — французский актер, любимец Наполеона I, который привел пять королей в театр посмотреть на игру Тальма в трагедии «Смерть Цезаря».

76

Конан Дойл, Артур (1859–1930) — английский писатель, прославившийся детективными романами и рассказами о сыщике Шерлоке Холмсе.

77

Уэллс, Герберт (1866–1946) — английский писатель, автор научно-фантастических романов, был сторонником технократии — установления власти ученых и инженеров.

78

Вест-индские колонии — в центральной части Америки. Не названный здесь министр по делам этих колоний — Сидней Оливер (

1859–1943) в молодости вместе с Шоу и Уэббом был одним из главных деятелей Фабианского общества, проповедовавшего внедрение социализма посредством пропаганды и частных реформ.

79

Уэбб, Сидней (1859–1947) — английский социолог, фабианец.

80

Dalla sua rase (итал.) — начальные слова арии дона Оттавио из оперы Моцарта «Дон Жуан»
«Dalla sua rase la mia dipende» — «от ее покоя зависит мой покой» (

либретто Да Понте).

81

«Каждый» или «Каждый человек» (Everyman) — английская пьеса-моралите (аллегория нравоучительного содержания) XV в., шедшая на сцене народного театра.

82

Пол, Уильям (1852–1934) — английский театральный деятель, восстанавливавший на сцене пьесы средневекового театра, Шекспира и его современников с максимальным приближением к условиям их первых постановок.

83

Скриб, Эжен (1791–1861) — французский драматург, мастер пьес с хорошо разработанной интригой, любимец буржуазной публики.

84

Чартерхауз — здание бывшего монастыря, превращенного в школу, где У. Пол давал свои спектакли.

85

...Платон и Босвелл, в качестве драматургов, которые изобрели Сократа и д-ра Джонсона... — Древнегреческий философ Платон (

428–347 гг. до н. э.) в написанных им диалогах представил своего учителя Сократа, беседующего с разными лицами; шотландец Джеймс Босвелл (

1740–1795) в «Биографии д-ра Джонсона» (

1791) подробно рассказал о жизни, характере, нравах, привычках и беседах Сэмюэла Джонсона (

1709–1784), видного английского писателя и критика, который был большим оригиналом. Шоу имеет в виду, что как Платон, так и Босвелл для большей яркости своих характеристик

не останавливались перед домыслом о своих героях.

86

Волшебная флейта (

нем.)

87

Zauberflöte (нем.) — опера Моцарта «Волшебная флейта» (

1791).

88

Таппертитовская романтика . — Саймон Таппертит, мечтательный персонаж романа Диккенса «Барнаби Радж» (

1841).

89

Тернер, Джозеф Мэлорд Уильям (1775–1851) — один из наиболее прославленных английских художников-пейзажистов.

90

Санчо Панса — простодушный слуга рыцаря Дон Кихота в романе Сервантеса.

91

Сидней Картон — герой романа Диккенса «Повесть о двух городах» (

1859).

92

Анджело — лицемер в пьесе Шекспира «Мера за меру».

93

Догбери (Клюква) — комический стражник в комедии Шекспира «Много шума из ничего».

94

Сэр Лестер Дэдлок — персонаж романа Диккенса «Холодный дом» (1853).

95

Таит Барнакл, Доррит, Кленнэм, Риго Бландуа — персонажи романа Диккенса «Крошка Доррит» (1858).

96

...«сценой, полной дураков»... — цитата из «Короля Лира» (акт IV, сц. 6).

97

«Колокола» — один из «Рождественских рассказов» Диккенса, приводится Шоу как пример оптимистического решения жизненных вопросов в противовес трагизму Шекспира.

98

Ричард III, Фолконбридж, Кориолан, Леонт — персонажи пьес Шекспира.

99

Микобер и Дэвид Копперфилд — персонажи романа Диккенса «Дэвид Копперфилд».

100

Горацио — друг Гамлета в трагедии Шекспира.

101

«Чарлз, его друг» — в английских мелодрамах XIX в. у героя часто был друг, которому поверялись тайны и намерения героя. Он мог именоваться иначе в разных пьесах, но функция этой фигуры всюду была одинакова.

102

Пистоль, Пароль — образы хвастунов-трусов в пьесах Шекспира, первый в «Генрихе V», второй во «Все хорошо, что хорошо кончается».

103

Доблестный и Пугливый — персонажи аллегории Джона Беньяна «Путь паломника». Далее также упоминаются персонажи Беньяна: Законник, Житейский Мудрец и др.

104

...философии лудильщика — намек на профессию Беньяна.

105

Воля (нем.)

106

Представление (нем.)

107

Wille, Vorstellung (нем.) — воля, представление — намек на название главного сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

108

Хаксли, Томас Генри (1825–1895) — английский естествоиспытатель, последователь Дарвина; утверждал, что о существовании бога нельзя судить, ибо нематериальное не поддается знанию. В Англии второй половины XIX в. считался вольнодумцем и подвергался резкой критике со стороны правоверных буржуа.

109

Пятикнижие — первые пять книг Библии.

110

Методисты — религиозная секта, неудовлетворенная официальной англиканской религией и проповедовавшая возврат к раннему христианству.

111

Брэдло, Чарлз (1833–1891) — английский социальный реформатор, боролся за свободу мысли, речи и печати.

112

Беллетристика (франц.)

113

Старый Моряк — персонаж одноименной поэмы английского поэта-романтика Колриджа (1772–1834).

114

Иов — персонаж Библии, олицетворение терпения, проявленного во время испытаний, которым он подвергся.

115

Гендель, Георг Фридрих (1685–1759) — немецкий композитор, большую часть жизни работал в Англии.

116

Лютер, Мартин (1483–1546) — немецкий религиозный реформатор, чья деятельность привела к победе протестантизма в Германии.

117

Королевская Академия — основана в Лондоне в 1768 г. великим художником Джошуа Рейнолдсом. В XIX в. стала оплотом английской официальной живописи, строго следовавшей признанным канонам и не допускавшей отклонений от них.

118

Палестрина, Джованни Пьерлуиджи (1525–1594) — итальянский композитор эпохи Возрождения.

119

Керубини, Луиджи Карло Зенобио Сальваторе Мария (1760–1842) — итальянский композитор, жил и работал во Франции.

120

Бамбл — приходский староста в романе Диккенса «Оливер Твист» (1838), тип чванливого, самодовольного чинуши.

121

«Бог меня миловал — а ведь этим человеком мог бы оказаться я сам» . — Слова, которые произносил протестантский проповедник Джон Брэдфорд (

1510–1555), когда мимо него провозили осужденных на казнь. За мятежные проповеди был сожжен на костре.

122

Унитарий — сторонник унитариянской церкви, возникшей в XVI в. в ходе борьбы торговой буржуазии против феодальной церкви. Унитарии отрицают учение о «триединстве» божества.

123

Фритредер — сторонник свободы торговли от вмешательства государства в дела предпринимателей. Фритредерство достигло в Англии наибольшего влияния в первой половине XIX в.

124

Брайт, Джон (1811–1889) — английский буржуазный политический деятель. Один из лидеров фритредерства.

125

Кобден, Ричард (1804–1865) — английский политический деятель; вместе с Джоном Брайтом возглавлял сторонников фритредерства.

126

Мартино, Гарриет (1802–1876) — английская писательница.

127

Уоттс, Джордж Фредерик (1817–1904) — английский живописец, член Королевской Академии; автор многочисленных портретов английских общественных деятелей.

128

Дюпон, Луи Пьер (1797–1892) — французский гравёр; прославился своими гравюрами с картин современных ему французских художников, особенно Делароша.

129

«Спутник революционера. Карманный справочник и краткое руководство. Джон Тэннер, Ч.П.К.Б. Член Праздного Класа Богатых» — написан Шоу от имени Джона Тэннера и издан впервые вместе с драмой «Человек и сверхчеловек».

130

Боа-констриктор — змея из семейства удавов, живет в тропической Америке и на Мадагаскаре, достигает четырех метров в длину.

131

Джек Победитель Великанов — персонаж английской народной сказки.

132

Рикки-Тикки-Тави — имя мангусты (хищного зверька, убивающего змей) в рассказе Р. Киплинга того же названия (1893).

133

...какое-нибудь из неконформистских заведений Уэльса . — Неконформистами в Англии называются члены церковных организаций (пресвитериане, методисты, индепенденты, конгрегационалисты и др.), не признающие обрядов и учения господствующей англиканской церкви.

134

Арнольд, Мэтью (1822–1888) — английский поэт и литературный критик, выступавший в своих произведениях с острой критикой бескультурья буржуазии и мещанства.

135

...глупость, которую нельзя сказать, можно пропеть . — Слова из комедии Бомарше (1732–1799) «Севильский цирюльник» (акт I, сц. 1).

136

Я требую слова Это чистейшая ложь! Ложь! Ложь! Караул! (франц.)

137

Шарлатан! (франц.)

138

Свиньи! (франц.)

139

Стрелять, да? (франц.)

140

Бросайтесь же на них, черт возьми! (франц.)

141

Спокойнее (франц.)

142

Брат мой! (
франц.)

143

Никогда в жизни! Низкий лжец! (
франц.)

144

Паштет из гусиной печени (
франц.)

145

Ее любил я. Сорок тысяч братьев... — Мендоса намекает на слова Гамлета у гроба Офелии из трагедии Шекспира «Гамлет» (
акт V, сц. 1).

146

Блумсбери — один из центральных районов Лондона, где находятся Британский музей, многие учебные заведения, большие книжные магазины и издательства.

147

Донна Анна де Уллоа и

Дон Жуан Тенорио — действующие лица пьесы испанского драматурга Тирсо де Молина «Севильский озорник, или Каменный гость» (
1630), где впервые в мировой литературе появляется образ Дон Жуана.

148

«Ад — это город, с Севильей очень схожий» . — Перефразировка известных слов английского поэта П. Б. Шелли о Лондоне: «Ад — это город, очень схожий с Лондоном» (поэма «Питер Белл Третий», ч. III, строфа 1).

149

Дон Гонсало — действующее лицо пьесы Тирсо де Молина «Севильский озорник», отец донны Анны.

150

«Оставь надежду, всяк сюда входящий» . — Надпись над воротами ада в «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь III, 9).

151

...славного командора Калатравы . — Испанский духовно-рыцарский орден Калатравы основан в XII в. в Кастилии, первоначально для защиты от мавров крепости Калатрава, позднее этот орден захватил обширные земельные владения и добился значительных привилегий.

152

Да здравствуют женщины! Да здравствует доброе вино! (итал.)

153

Опора и слава человечества! (

итал.)

154

...никогда англичанин не будет рабом... — Слова из национальной английской песни «Правь, Британия...», автором которой считается поэт XVIII в. Джеймс Томсон.

155

Как сказал наш немецкий друг. «Поэтическая бессмыслица здесь здравый смысл и Вечно Женственное влечет нас ввысь»... — Имеются в виду заключительные строки второй части трагедии Гете «Фауст».

156

...со своего пьедестала в Севилье . — Статуя командора вспоминает сцену из пьесы Тирсо де Молина «Севильский озорник».

157

«Что за мастерское творение — человек!» — Шекспир, «Гамлет» (акт II, сц. 2).

158

Недавно я провел вечер в одном прославленном законодательном учреждении... — Намек на английский парламент.

159

Итальянец уверял... — Итальянский поэт Данте, в первой части «Божественной комедии» которого описывается ад.

160

Англичанин утверждал... — Английский поэт Джон Милтон в VI книге «Потерянного рая» описывает изгнание сатаны с неба.

161

«Я мыслю, следовательно я существую» . — Изречение французского философа Рене Декарта (

1596–1650) из его сочинения «Начала философии» (

1644).

162

Спинет — струнный клавишный инструмент, по форме напоминающий рояль.

163

Имогена и Иакимо — персонажи из пьесы Шекспира «Цимбелин» (

1609). Имогена олицетворяет супружескую верность, Иакимо — обманщика.

164

Суэта суэт (

лат.)

165

Счастливого пути (

франц.)

166

Вагнер одно время увлекался культом Силы Жизни... — Немецкий композитор создал музыкальную драму «Зигфрид» (

1871) в период сближения с Фр. Ницше и увлечения философией «сверхчеловека». Период преклонения Ницше перед гениальностью Вагнера завершился резким разрывом между ними.

167

Две женщины (франц.)

168

Черт возьми! (франц.)

169

Альгамбра — крепость-дворец мавританских властителей в Испании, около Гренады, замечательный образец мавританской архитектуры XIII–XIV вв.

170

Отца моего заморили голодом в Ирландии в черный восемьсот сорок седьмой год . — В Ирландии с 1845 по 1850 г. был «великий голод», вызванный неурожаем картофеля.

171

С тех пор как профессор Тиндаль произнес свою речь в Белфасте... — Английский физик Джон Тиндаль (

1820–1893) утверждал, что научные данные опровергают некоторые утверждения Библии.

172

Mander R. and Mitchenson J. *Theatrical companion to Shaw*. L., 1954, p. 89–90.

173

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

174

«Справочник революционера».

175

«...кто, созерцая, хочет постигнуть выраженную в мире волю... и, действуя, стремится осуществить ее тем путем, который подсказало размышление».

176

Письмо Л. Н. Толстого от 17 августа 1908 г. — Цит. по кн.: Л. Н. Толстой о литературе. М., 1955, с. 594–596.

177

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209–210.